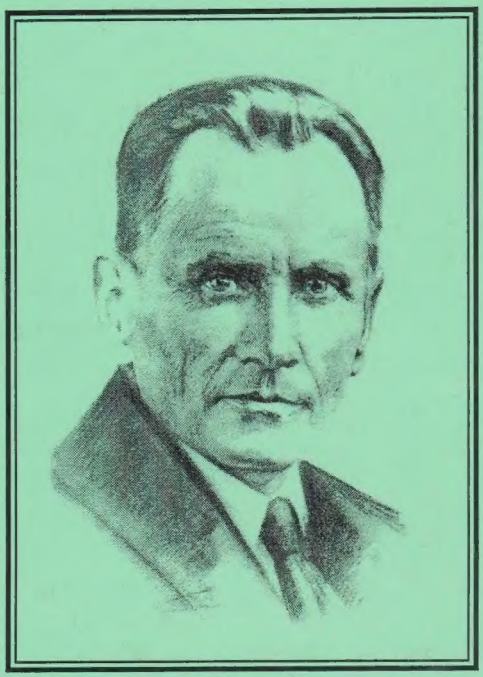

Арсеньевские чтения

Материалы региональной
научно-практической конференции
посвящённой 130-летию
со дня рождения В. К. Арсеньева

28-29 августа 2002 года

Приморский государственный музей-усадьба В.К.Арсеньева
Владивосток
2002

kraeved.info

Приморский государственный объединённый музей имени В. К. Арсеньева

Дальневосточный Арсеньевский благотворительный фонд

Арсеньевские чтения

Материалы региональной научно-практической конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения В. К. Арсеньева

28–29 августа 2002 года

Издательство Дальневосточного университета
Владивосток
2002

ББК 79+63
А85

Редакционная коллегия:
Г. А. Алексюк, С. П. Москвитина,
А. Т. Храмцова

А85 Арсеньевские чтения. Материалы региональной научно-практической конференции посвящённой 130-летию со дня рождения В. К. Арсеньева (28–29 августа 2002 года). — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун–та, 2002 — 216 с.

ISBN 5-7444-1371-5

В материалах конференции рассматриваются проблемы собирания, изучения и сохранения научного и литературного наследия известного путешественника, ученого, исследователя. В статьях раскрывается многогранная деятельность В.К. Арсеньева как ученого и его вклад в становление и развитие планомерного изучения и освоения Дальнего Востока России, а также результаты современных исследований некоторых проблем изучения истории, этнографии, археологии, природных ресурсов и экологии Дальнего Востока.

Материалы конференции представляют интерес для широкого круга специалистов в области истории, археологии, этнографии и музееведения.

А 0501000000 / 180(03)-2002 **ББК 79+63**

ISBN 5-7444-1371-5

© Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева, 2002.

ОГЛАВЛЕНИЕ

РАЗДЕЛ 1. АРСЕНЬЕВЕДЕНИЕ

Э. В. ЕРМАКОВА
В. К. Арсеньев в дальневосточной историографии 90-х годов XX века 7

О. В. МАЗНЯК
Первый опыт каталогизации Арсеньевского наследия в ПГОМ им. В. К. Арсеньева 12

И. Н. ЕГОРЧЕВ
Некоторые аспекты подготовки к публикации полевых дневников В. К. Арсеньева, хранящихся в архиве ОИАК 14

С. В. ГОНЧАРОВА
Вопросы охраны окружающей среды в научном наследии В. К. Арсеньева 19

Ю. В. АРГУДЯЕВА
В. К. Арсеньев: подготовка к экспедициям (по материалам дневников исследователя) 25

П. Л. ФЕФИЛОВ
В. К. Арсеньев в стойбище Кун 31

Д. Л. БРОДЯНСКИЙ
Два краеведа: В. К. Арсеньев и Б. А. Дьяченко 34

О. В. ЩЕРБАКОВ
В. К. Арсеньев и НКВД: постановка и снятие со спецучета 35

В. И. НЕСТЕРЕНКО
В. К. Арсеньев через призму судеб русского офицерства 41

Ю. А. ЯРОЦКАЯ
Бремя белого человека — размышления В. К. Арсеньева и Р. Киплинга о том, «как убийственно мы любим» 47

Л. А. МИШИНА
Образ В. К. Арсеньева в изобразительном искусстве 52

РАЗДЕЛ II.
КРАЕВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Г. А. АЛЕКСЮК, А. Т. ХРАМЦОВА
ПГОМ имени В. К. Арсеньева: между миссией и рынком 56

Ю. В. РОМАНЕНКО
Основные положения концепции научно-просветительной и социально-культурной деятельности ПГОМ имени В. К. Арсеньева 62

С. П. МОСКВИТИНА
К разработке концепции исторической экспозиции ПГОМ им. В. К. Арсеньева: Приморье во второй половине XX века 68

И. И. БАБЦЕВА
Развитие музейной сети Приморского края 73

С. В. ЛЕВАДНЯЯ
Музеи в системе начального профессионального образования 78

Н. С. ПРОТАСОВА
Вопросы экологического просвещения в экспозициях краеведческого музея еврейской автономной области 84

Е. В. БЕНДРЫШЕВА
Дальневосточный журналист Н. И. Колбин на посту директора Приморского краеведческого музея 88

Д. Л. БРОДЯНСКИЙ
Краевед-историк Б. А. Дьяченко 94

Л. В. КУЖЕВСКАЯ
Э. Н. Осокина — создательница музея этнографии в ДВГУ 99

Д. Э. РЫКУНОВ
Из истории создания музея Автомотостарины во Владивостоке 103

И. И. ШИБИКО
Коллекция произведений искусства Японии в собрании музея изобразительных искусств г. Комсомольска-на-Амуре 106

Е. М. СОЛОНИЦКАЯ
Об архиве экспедиционных записей лаборатории славянского фольклора и этнографии ПГОМ им. В. К. Арсеньева 108

В. Г. КАРПЕНКО, И. Т. МУХАМЕТОВ
Отражение исследовательской деятельности В. К. Арсеньева в экспозиции Северо-Эвенского краеведческого музея Магаданской области 111

А. Ю. КОНЬКОВ
Восстановление ареала пятнистого оленя на Дальнем Востоке в конце XX века 116

РАЗДЕЛ III.
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

С. Б. СЛОБОДИН
Влияние культур Дальнего Востока на Берингию и Северо-Восток Азии (древнейший период) 119

А. Ф. СТАРЦЕВ
Проблема этногенеза и этнокультурных контактов удэгейцев и тазов 125

Л. Н. ХАХОВСКАЯ
Метисы (камчадалы) Охотского побережья: происхождение, численность и состав 131

Г. Т. ТИТОРЕВА
Свадебный посох нанайцев (к вопросу о родовой иерархии) 136

Т. А. КУБАНОВА
Традиция празднования нового года у нанайцев рода самар (конец XIX — начало XXI века) 138

К. Б. АБРАМОВА
Источниковая база РГИА ДВ в изучении проблем малых народов российского Дальнего Востока в середине XIX — начале XX века 146

Г. Г. ЕРМАК
Семейный быт дальневосточного казачества 149

Л. В. КОВАЛЕВА
Облик старообрядческой общины поселков Березовый, Тавлинка (по материалам экспедиций) 156

О. В. ЛАДИСОВА
Из опыта составления «звучащей хрестоматии албазинского говора» 159

С. А. ДВОРЯНИНОВ
О происхождении названия «Гижига» 164

И. Н. КЛИМЕНКО
Фотосалоны Владивостока конца XIX — начала XX века 168

Е. Д. ЯВОРСКАЯ
Об истории японской диаспоры Владивостока
(из документов РГИА ДВ по истории
буддийского храма «Урадзио Хонгандзи») 175

М. А. ПАВЛОВСКАЯ
Центральная библиотека КВЖД — просветительский
и научный центр Северной Маньчжурии (20-е гг. XX века) 179

Э. В. ОСИПОВА
Ведомственные театры на территории Приморского края 183

И. В. СЕМЕНОВА
Традиции календарной обрядности в Приморье 189

Л. Е. ФЕТИСОВА
Фольклорная культура Приморья в XX веке 196

И. В. СНЕЖИНА
Фольклор в современном городе 201

Л. В. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ
Отто Васильевич Линдгольм 204

Е. И. ВОРОБЬЕВА
П. З. Подгорбунский — гласный
Владивостокской городской думы 209

РАЗДЕЛ 1

АРСЕНЬЕВЕДЕНИЕ

Э. В. ЕРМАКОВА
Дальневосточный государственный университет

В. К. АРСЕНЬЕВ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В последние 15–20 лет в исторической науке резко возрос интерес к проблеме личности в истории. Забытая, а точнее полузакрытая, тема превратилась в одну из активно исследуемых тем. С каждым годом интерес к ней не только не иссякает, но и растет, история становится историей людей, а не историей неодушевленной экономики, политики, государства.

Научный биографический жанр стал полноправным в исторической науке. В развитии этого жанра участвуют как ученые центра, так и регионов. В центре внимания дальневосточных исследователей находятся талантливые личности, оставившие заметный след в истории Дальнего Востока, истории России. В ряду таких личностей — Владимир Клавдиевич Арсеньев.

90-е годы отмечены всплеском исследований о В. К. Арсеньеве, публикацией малоизвестных работ самого В. К. Арсеньева, архивных документов, содержащих материалы о его многоплановой деятельности. Публикация различных видов сочинений, документов, не спадающий интерес к проблеме свидетельствуют о неисчерпанности темы и сохранении вероятной возможности открыть новые факты, события в жизни Владимира Клавдиевича. Показательным в изучении темы личности В. К. Арсеньева является состав исследователей. В нем объединились ученые, краеведы, музееведы, архивисты, экскурсоводы, библиотекари, учителя, объединились историки и филологи. Вполне понятно, что состав влияет на формирование проблематики. Музееведов интересует, прежде всего, работа В. К. Арсеньева в музее, его деятельность на посту директора музея, его роль в создании ценных музейных коллекций, библиотекарей — история создания ученым книг, их содержание, учителей — преподавательская работа, архивистов — находки неизвестных ранее материалов и введение их в научный оборот, краеведов-историков интересует военная служба В. К. Арсеньева, филологов — литературное творчество.

Какие же проблемы разрабатываются исследователями? По-прежнему изучается биографическая тема, хотя она в последнее время уступает место другим темам. Это и понятно — биографический аспект исследуется не один десяток лет. Однако она остается и останется изучаемой темой и сегодня, и завтра. Активно

разрабатываются темы: В. К. Арсеньев — исследователь, ученый, археолог, топограф, преподаватель, писатель, фотограф, путешественник, военный, государственный служащий; В. К. Арсеньев и его окружение; В. К. Арсеньев и Япония. Самостоятельное звучание получает тема: «В. К. Арсеньев в памятниках, в названиях улиц и городов». Особенностью сегодняшнего состояния изучения, как свидетельствует проблематика, является движение в глубь проблемы. Исследователи расширяют горизонты познания личности В. К. Арсеньева, выявляя новые источники, совершенствуя методы извлечения новой информации.

Разработка проблемы источниковой базы начинает занимать самостоятельное место среди исследований. В работах Г. А. Алексюк, А. Т. Храмцовой, Н. А. Троицкой, И. Н. Клименко, Ю. К. Луганского, Е. В. Бендрышевой, Ю. В. Аргудяевой и др. [1] содержится характеристика различных источников, их сохранности, информативных возможностях, направлениях поисков.

В обстоятельной статье Г. А. Алексюк и А. Т. Храмцовой дается общая характеристика совокупности источников, составляющих арсеньевское наследие, большая часть которого находится на Дальнем Востоке — в музеях Приморском и Хабаровском, в Обществе изучения Амурского края. В Приморском государственном объединенном музее арсеньевский фонд насчитывает 2000 ед. хранения и представлен этнографическими предметами, документами, изобразительными источниками, картами, личными вещами. В Обществе изучения Амурского края по описи 1972 г. фонд В. К. Арсеньева составляет 424 единицы хранения письменных источников, около 2 тыс. фотодокументов, около 1 тыс. книг из библиотеки ученого. Интересный анализ фотографического наследия В. К. Арсеньева (фотодокументов) проводит Ю. К. Луганский. Автор дает классификацию снимков, находящихся в архивах и фондах Приморского и Хабаровского краеведческих музеев, Общества изучения Амурского края и частных коллекциях, выделив 4 группы фотографического материала. Важный вывод делает Ю. Н. Луганский о том, что фотоматериалы были частью научных исследований, они входили в их источниковую базу, и в них ярко проявлялось особое творческое видение В. К. Арсеньева. Но состояние фотографического наследия вызывает тревогу: утеря значительного числа фотографий, коррозия снимков, отсутствие описей (исключение составляет Приморский музей) — все это, в конечном итоге, приведет к исчезновению уникального вида источников, который содержит большой пласт информации. Эту тему продолжает музеевед И. Н. Клименко. Анализируя авторские работы В. К. Арсеньева, она выявляет к каким экспедициям относятся фотографии семейного альбома, хранящегося в Приморском музее. Сопоставляя фотографии экспедиций, датированные и недатированные В. К. Арсеньевым и недатированные семейные фотографии, И. Н. Клименко делает вывод, с которым можно согласиться: особую значимость для Арсеньева представляли фотографии, отражающие его научную работу, поэтому автором на них заботливо указаны даты. Добавим, что для В. К. Арсеньева фотографии были важнейшим источником в написании научных, литературных работ, что определяло необходимость их атрибуции.

В статье музееведа Е. В. Бендрышевой анализируется другой вид источника — источник эпистолярного характера — письма В. К. Арсеньева и письма к нему. В Приморском музее хранятся 10 писем и одна телеграмма. Автор осуществляет внешнюю и, в известной степени, внутреннюю критику писем, делая вывод, что они дают материал о личных качествах Арсеньева. Оригинальный подход проявили музееведы В. В. Кобко, Т. В. Мельникова, Т. А. Самойленко, определив этнографическую коллекцию, каталог «Орочи — удэхэ», библиотеку Арсеньева как совокупность источников, содержащих свидетельства о большом интересе В. К. Арсеньева к истории, культуре малочисленных дальневосточных народов. Интересные факты сообщает Т. А. Самойленко о библиотеке Арсеньева. Она провела систематизацию книг, имевшихся в библиотеке В. К. Арсеньева, выделив 14 разделов и количество книг в каждом из них. Первыми по количеству книг оказались разделы — этнография, география, краеведение, история, археология. Автор исследования делает вывод о том, что «центр тяжести интересов» Владимира Клавдиевича лежал в этнографии. Принимая этот вывод, отметим, что количественное сравнение далеко не прочное основание для вывода и требует подкрепления содержательным анализом работ самого Арсеньева. О наличии 10 прижизненных изданий книг В. К. Арсеньева с его дарственными надписями, хранящихся в Дальневосточной государственной библиотеке — как важном источнике о В. К. Арсеньеве и его окружении — сообщает Т. А. Щербакова.

Исследователь Н. А. Троицкая обращает внимание историков на слабоизучаемый ими источник — экономические журналы Дальнего Востока 20-х гг., в которых публиковал свои исследования Арсеньев [2].

Итак, можно констатировать факт возрастания в дальневосточной историографии интереса к проблеме источников по изучаемой теме.

Продолжается изучение биографии, этапов деятельности В. К. Арсеньева. В 1997 г. опубликован А. А. Хисамутдиновым документально-исторический очерк о В. К. Арсеньеве, в котором отражены основные вехи жизненного пути Владимира Клавдиевича [3]. Очерк сопровождается приложениями: биографическим словарем, интересным фото-приложением, хроникой жизни В. К. Арсеньева, списком его сочинений и списком литературы о нем. В целом отметим, что автором проделана большая работа. Однако вызывает недоумение отсутствие научно-справочного аппарата, что не позволяет читателю обратиться к источникам, которыми пользовался автор. В очерке отсутствуют сведения о преподавательской деятельности В. К. Арсеньева, а в «Хронике» фактически не указана работа Арсеньева преподавателем ГДУ с 1927 по 1930 г.

Предметом исследования уже в 80-е годы стала деятельность В. К. Арсеньева как археолога. В 90-е годы изучение получило свое продолжение. В «Очерках истории дальневосточной археологии» Д. Л. Бродянского один из разделов посвящен В. К. Арсеньеву — археологу-этнологу. Работа базируется на широкой источниковедческой базе — материалах фондов Государственного Эрмитажа, архива Общества изучения Амурского края, работах В. К. Арсеньева по археологии. Автор намечает 7 этапов в археологической деятельности Арсеньева, каждый из которых несет печать открытий, малых и больших. Высоко оценивая В. К. Арсеньева как археолога, Д. Л. Бродянский утверждает, что Арсеньев

открыл, исследовал, учел около 300 археологических памятников на территории Дальнего Востока, что он несомненно знал и выделял чжурчжэнские памятники, янковскую, древнекорякскую и древнеительменскую культуры и внес немалый вклад в развитие дальневосточной археологии. Д. Л. Бродянский предпослал своей работе публикацию лекции В. К. Арсеньева «Археология как наука и роль ее в изучении памятников старины Дальневосточного края», введя ее впервые в научный оборот [4].

В историографии 90-х гг. началась более активная разработка темы «В. К. Арсеньев на военной службе». Исследователи Г. А. Захаров, А. М. Буяков в своих статьях раскрывают как этапы военной службы Арсеньева, так и его непосредственное участие в борьбе с хунхузничеством [5]. А. М. Буяков отмечает сложность исследования данного сюжета, так как экспедиции 1911 г. и 1912–1913 гг. имели секретный характер и полных отчетных материалов пока не найдено. Экспедиции преследовали цель пресечения незаконной деятельности корейцев и китайцев на территории края и искоренения хунхузничества, большего зла для края, чем местные шайки грабителей и убийц. В этих экспедициях Арсеньев, утверждает автор, занимался и научной работой, материалы которой легли в основу книги «Китайцы в Уссурийском крае». Проведя скрупулезный анализ немногочисленных источников, А. М. Буяков сделал вывод, что экспедиции под руководством В. К. Арсеньева достигли своих целей: снизилась численность формирований хунхузов, китайских и корейских отходников, занимавшихся браконьерством.

Впервые в 90-е гг. положено было начало разработке темы «Арсеньев и Япония». В работах Казуо Моримото и Сасаки Сироу разрабатывается один и тот же сюжет — встречи Р. Тории, профессора Токийского университета, специалиста по археологии и этнографии с В. К. Арсеньевым в 1919 и в 1928 г. во Владивостоке. Они сообщают весьма интересные сведения об общении между учеными. Но К. Моримото больше внимания уделяет вопросу особого внимания японских военных к работам В. К. Арсеньева, в которых описана территория Уссурийского края, его природа. Останавливается на публикациях художественных произведений В. К. Арсеньева и экранизации режиссером А. Курасава повести «Дерсу Узала» [6].

В изучении художественного творчества активны филологи. В. С. Бондарь, Т. А. Гавриленко [7] в своих статьях говорят об уникальности литературного творчества В. К. Арсеньева и много внимания уделяют его отношению к природе, подчеркивая, что природа в его произведениях — источник духовности.

Подведем итоги. В 90-е годы исследование проблемы «В. К. Арсеньев и его наследие» было продолжено. Важную роль играли научные конференции в городах Владивостоке, Хабаровске, на которых обсуждались вопросы истории Дальнего Востока и роли личностей, оказавших влияние на развитие региона. Особенностями 90-х гг. является расширение круга исследователей, проблематики изучения, рост интереса к источниковедческим проблемам, к поиску новых источников. Создается солидная основа для подготовки комплексного исследования жизни и деятельности такой талантливой, неординарной личности, каким был Владимир Клавдиевич Арсеньев.

Примечания

1. ***Г. А. Алексюк, А. Т. Храмцова.*** *В. К. Арсеньев и его наследие // Владимир Клавдиевич Арсеньев и его наследие. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения В. К. Арсеньева. Владивосток, 1997;* ***Ю. К. Луганский.*** *В. К. Арсеньев — фотохудожник. Судьба его фотографического наследия // Там же;* ***И. Н. Клименко.*** *Авторские работы В. К. Арсеньева как фотографа-иллюстратора в его экспедициях // Там же;* ***Е. В. Бендрышева.*** *Письма В. К. Арсеньева в фондах Приморского государственного объединенного музея им. В. К. Арсеньева // Там же;* ***Ю. В. Аргудяева.*** *Сведения о хозяйственной деятельности старообрядцев в дневниках В. К. Арсеньева // Там же;* ***К. Н. Зилова.*** *Материалы В. К. Арсеньева в собрании литературного отдела ХККМ // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения. Вторые Гродековские чтения. Хабаровск, 1999.*
2. ***В. В. Кобко.*** *Этнографическая коллекция В. К. Арсеньева // Владимир Клавдиевич Арсеньев и его наследие. Владивосток, 1997;* ***Т. В. Мельникова.*** *О каталоге «Орочи — удэхэ» // Там же;* ***Т. А. Самойленко.*** *Библиотека В. К. Арсеньева как источник изучения его личности // Там же;* ***Н. А. Троицкая.*** *В. К. Арсеньев: «Исследования будут практичными, когда они научные» // Там же;* ***Г. А. Щербакова.*** *Коллекция редких книг дальневосточной тематики ДВГНБ // Тезисы научно-практической конференции «Гродековские чтения». Хабаровск. 1996. Часть II;* ***С. В. Гончарова.*** *Наследие В. К. Арсеньева в работах исследователей // Историко-культурное и природное наследие Дальнего Востока на рубеже веков: проблемы изучения и сохранения. Материалы Вторых Гродековских чтений. Хабаровск, 1999.*
3. ***А. А. Хисамутдинов.*** *Его звали Арсеньев-Уссурийский // Записки общества изучения Амурского края. Владивосток, 1997. Т. XXXI.*
4. ***Д. Л. Бродянский.*** *Очерки истории дальневосточной археологии (с публикацией лекции В. К. Арсеньева). Владивосток, 2000.*
5. ***Г. А. Захаров.*** *В. К. Арсеньев как военный деятель // Съезд сведущих людей Дальнего Востока. Научно-практическая историко-краеведческая конференция, посвященная 100-летию Хабаровского музея. Хабаровск, 1994.*
6. ***Казуо Моримото.*** *Работы Арсеньева в Японии // Владимир Клавдиевич Арсеньев и его наследие. Материалы международной научно-практической конференции. Владивосток, 1997; Сасаки Сироу. В. К. Арсеньев и Тории Рюзо. // Там же.*
7. ***В. С. Бондарь.*** *Арсеньев — писатель // Владимир Клавдиевич Арсеньев и его наследие. Материалы международной научно-практической конференции. Владивосток, 1997;* ***Т. А. Гавриленко.*** *Природа как источник духовности в произведениях В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» // Там же.*

О. В. МАЗНЯК
Мемориальный дом-музей В. К. Арсеньева

ПЕРВЫЙ ОПЫТ КАТАЛОГИЗАЦИИ АРСЕНЬЕВСКОГО НАСЛЕДИЯ В ПГОМ ИМЕНИ В. К. АРСЕНЬЕВА

В течение трёх десятилетий, с 1900 по 1930 год Владимир Клавдиевич Арсеньев вёл свою неутомимую деятельность по всестороннему исследованию различных районов Дальнего Востока. Работы свои он начал в то время, когда комплексное изучение нашего региона только разворачивалось. В своих экспедициях Арсеньеву приходилось не только прокладывать новые маршруты, но и вести первопроходческие общегеографические, этнографические, археологические, топографические описания. Самостоятельно делал он зарисовки и вёл фотосъёмку. В ходе такой разнообразной деятельности накапливался обширный научный материал.

Всё это богатое и многообразное творческое наследие добыто в тяжелейших, полных лишений и опасностей путешествиях. Будучи незаурядной личностью, истинным патриотом России, Владимир Клавдиевич щедро и бескорыстно делился своими коллекциями с российскими и зарубежными музеями. Сегодня оставленные им материалы хранятся не только в музеях, но и в библиотеках, научных обществах.

Вот уже несколько поколений исследователей и учёных подробно и пристально изучает это многогранное наследие. Сложилось новое научное направление — арсеньеведение.

По причине своей разобщённости очень много из наследия, оставленного путешественником, до сих пор не введено в научный оборот, а если и вводится, то непростительно медленно. Огромный, значительнейший вклад Арсеньева в дальневосточную российскую науку недостаточно оценен и сегодня.

Наиболее ценная и уникальная часть Арсеньевского научного наследия сосредоточена на Дальнем Востоке. Это личный архивный фонд исследователя, находящийся в Приморском центре Русского Географического общества — Общества изучения Амурского края, фонд Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова, и фонд Приморского государственного объединённого музея им. В. К. Арсеньева.

Ещё в 1997 году, на Международной научно-практической конференции, посвящённой 125-летию со дня рождения Владимира Клавдиевича, было принято решение начать каталогизацию всего его наследия, хранящегося на Дальнем Востоке. Мнение о необходимости такого каталога уже давно высказывалось историками, этнографами, краеведами, археологами. Но в силу многих причин, часто не зависящих от нас, провести такую работу и издать единый каталог не получилось. Поэтому наш музей направил все усилия на то, чтобы издать каталог «Фонд Владимира Клавдиевича Арсеньева в Приморском государственном объ-

единённом музее им. В. К. Арсеньева». Данный каталог — первый шаг к изменению сложившегося положения вещей с Арсеньевским наследием.

В нашем музее, который многие годы ведёт планомерную работу по выявлению и собиранию материалов, связанных с жизнью и деятельностью учёного, насчитывается более 2000 единиц хранения, составляющих арсеньевский фонд. Это документы, изобразительные источники, этнографические предметы, карты, книги, личные вещи.

В частности, фонд документальных материалов состоит из 24 дел, 340 документов за 1901–2002 гг. В него входят: рукопись В. К. Арсеньева «Сообщение об Уссурийском крае», путевой дневник 1927 года, биографические материалы В. К. Арсеньева и его родных, в том числе его сына — Владимира Владимировича Арсеньева. Значительное место в документальном фонде занимают письма: переписка самого В. К. Арсеньева с различными лицами; переписка сотрудников музея с родственниками и знакомыми В. К. Арсеньева. Большую музейно-историческую ценность представляют рукописные письма личного характера.

Коллекция изобразительных источников, относящихся к жизни и деятельности Владимира Клавдиевича в нашем музее, начала формироваться ещё при его жизни.

Здесь представлены фотографии, переданные в музей Арсеньевым. Ценной частью коллекции являются хорошо выполненные самим путешественником фотоснимки. К сожалению, не все экспедиционные фотографии датированы. Большую часть составляют семейные фото. За последние два-три года эта часть коллекции пополнилась новыми, ранее не известными фотографиями.

Кроме фотографий в фондах музея хранятся картины, рисунки, книжные иллюстрации, скульптура, открытки, эскизы и фильмы. Всего в архиве 1023 единицы хранения, 907 из них составляют фотографическую часть.

Этнографическая коллекция В. К. Арсеньева составляет всего 61 единицу хранения и характеризует традиционную культуру 4-х этнических групп: эвенков, эскимосов, алеутов, китайцев. Собрана она в период с 1917 по 1923 гг. Наиболее многочисленна эвенкийская часть, собранная в основном в Олгон-Горинской экспедиции. В ней представлены домашние ремёсла, художественная обработка дерева, береста, домашняя утварь.

Одним из замечательных результатов тридцатилетней исследовательской деятельности Арсеньева на Дальнем Востоке стали карты. Их коллекция в музейном фонде представлена двумя видами:

— общегеографические;
— тематические.

Раздел содержит описание 15 карт и схем. Это рукописные карты маршрутов экспедиций 1906–1909 годов, вычерченные лично Арсеньевым, впоследствии использовавшиеся для картографирования Дальнего Востока. Здесь же и составленные В. К. Арсеньевым рукописные уникальные археологические карты-схемы.

Коллекция книг Владимира Клавдиевича насчитывает около ста единиц. Это, в первую очередь, книги самого писателя: прижизненные издания, издания с 1930-х годов до настоящего времени, зарубежные издания. Литература о жизни

и деятельности учёного представлена книгами его биографов. Статьи разных авторов об Арсеньеве, опубликованные в периодической печати, также охватывают период с 1930-х годов до современности.

Небольшой, но уникальной частью фонда Арсеньева в музее является мемориальный раздел. В нём представлены личные вещи путешественника и его родных. Большая их часть составляет экспозицию мемориального дома-музея В. К. Арсеньева. Это мебель, походное снаряжение, научное оборудование. В последнее время эта часть фонда пополнилась новыми поступлениями, переданными внуком Владимира Клавдиевича — Игорем Владимировичем Арсеньевым.

Издание каталога имеет большое научное значение и несомненно облегчит работу всем российским и зарубежным специалистам, исследующим наследие учёного, или в процессе своей научной работы обращающимся к материалам, оставленным им. В то же время это своеобразная дань памяти нашему знаменитому соотечественнику за его научное подвижничество, бескорыстное служение российской науке.

Но работа не завершена. Следующим её шагом станет каталогизация археологических коллекций Арсеньева, хранящихся в нашем музее. Со своей стороны сотрудники музея выражают надежду на то, что и Хабаровский краевой музей им. Н. И. Гродекова, и Приморский центр Русского Географического общества — Общества изучения Амурского края — смогут провести каталогизацию научного наследия В. К. Арсеньева, хранящегося у них.

И. Н. ЕГОРЧЕВ

Приморское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» — Общество изучения Амурского края

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОДГОТОВКИ К ПУБЛИКАЦИИ ПОЛЕВЫХ ДНЕВНИКОВ В. К. АРСЕНЬЕВА, ХРАНЯЩИХСЯ В АРХИВЕ ОИАК

В архиве Русского географического общества — Общества изучения Амурского края — хранится обширный арсеньевский фонд, насчитывающий около 500 единиц хранения и включающий документы с 1888 года по настоящее время. Это тысячи рукописных и печатных раритетов, среди которых черновики опубликованных и неопубликованных работ ученого, экспедиционные дневники, наброски статей, планы, карты, различные статистические сведения, письма, фо-

тографии, книги. Основная часть этих документов была передана в Приморский филиал Географического общества в 1938 (по другим сведениям — в 1941) году дочерью ученого Натальей Арсеньевой.

В 1972 году известная исследовательница творчества В. К. Арсеньева А. И. Тарасова провела архивную обработку фонда, в результате чего все материалы были распределены по пяти разделам и занесены в 5 описей:

1. Экспедиционные дневники, научные труды, научно-художественные произведения и материалы к трудам.
2. Материалы биографические и по деятельности.
3. Письма.
4. Иллюстративные материалы.
5. Материалы других лиц.

В настоящее время заведующей архивом ОИАК Л. А. Ермоленко закончена работа над 6-й описью, в которой систематизированы все найденные и накопленные по настоящее время документы, касающиеся жизни и творчества В. К. Арсеньева.

Особую ценность представляют подлинные полевые дневники Арсеньева разных лет, с 1906 по 1927 год, общим числом 26. Чтобы стало более понятным, что имеется в виду под словом «дневники», приведу мнение уже упоминавшейся А. И. Тарасовой:

«Следует отметить, что наименование „экспедиционные дневники“ является до некоторой степени условным. Сам путешественник называл эти материалы по-разному: „экспедиционными“, „рабочими“, „путевыми“ в сочетании со словами „дневники“, „тетради“... В период экспедиций 1906–1910 гг. он вел в основном три дневника: „Путевой“ — систематическое описание пути следования (поденные записи), „Дневник метеорологических наблюдений“ и „Журнал астрономического определения пунктов“. Кроме того, имелось несколько рабочих тетрадей, куда вносились наиболее пространные записи наблюдений, мыслей и фактов... Впрочем, при всей сложности походных условий четкое разграничение записей по соответствующим тетрадям путешественнику не всегда удавалось соблюсти. Нередко одна и та же общая тетрадь служила одновременно и путевым дневником, и рабочей тетрадью, и записной книжкой, и даже своеобразным альбомом...» [1].

Также, судя по содержанию дневников, В. К. Арсеньев впоследствии обобщал и систематизировал первичные записи, поскольку есть многочисленные отсылки к другим страницам, вклейки выписок, сделанных позже или раньше, и даже вырезанные фрагменты других рукописных работ, принадлежащих самому ученому, подклеенные к заполненным записями страницам. Поденные заметки перемежаются различными сведениями и размышлениями ученого, а некоторые из дневников включают в себя записи разных лет. Таким образом, экспедиционные дневники В. К. Арсеньева представляют собой некий конгломерат текстов, таблиц, рисунков и других изображений, что значительно усложняет подготовку их к публикации. Хотя записи в дневниках в основном сохранились хорошо, безошибочное прочтение текста затруднено устаревшей орфографией и постоянно встречающимися географическими названиями, ныне вышедшими из употребления.

Видимо, в связи с этими и другими трудностями публикации дневников В. К. Арсеньева были немногочисленными. Первая относится к 1908 году, когда дневниковые записи очередной экспедиции ученого регулярно появлялись на страницах выходящей в Хабаровске газеты «Приамурье».

В 1972 году Л. И. Сем, кандидат филологических наук и Ю. А. Сем, кандидат исторических наук, частично опубликовали дневники экспедиции 1906 года в № 8 и 9 журнала «Дальний Восток». Это был фактически первый выход дневниковых записей В. К. Арсеньева к широкому читателю, однако данная работа не лишена заметных недостатков. Чтобы было понятно, о чем идет речь, приведем выдержку из предисловия Л. И. Сем и Ю. А. Сем к публикации:

«„Путевой дневник В. К. Арсеньева 1906 г." дан в публикации в таком виде, как он сохранился до настоящего времени. Составители только внесли некоторые редакционные правки, заменили местами диалектные слова на литературные... Из „Записных книжек В. К. Арсеньева экспедиции 1906 г." выбраны заметки, которые, по мнению составителей, представляют ценность в настоящее время или имеют определенное значение для характеристики творчества и полевых исследований путешественника» [2].

Таким образом, в 1972 году в журнале «Дальний Восток» увидел свет не только неполный, но и значительно искаженный вариант дневников. Реалии 70-х годов прошлого века проявились и в том, что при подготовке дневников к открытой печати были исключены буквально все упоминания о китайцах.

В 1992 году выдержки из путевых дневников 1906 года были опубликованы в XXVIII томе «Записок Общества изучения Амурского края». Подготовкой их к печати занимались Б. Г. Болтруц и А. А. Хисамутдинов. В данной публикации были исправлены многочисленные ошибки, допущенные Л. И. Сем и Ю. А. Сем в 1972 году, и восстановлены пропущенные ими фрагменты текста. Эта работа явилась значительным вкладом в изучение арсеньевского наследия, однако представления о подлинном содержании дневников в данном случае читатели тоже не получили, поскольку были выбраны только поденные записи в хронологическом порядке.

Выдержки из экспедиционных дневников В. К. Арсеньева 1906 года в разное время цитировал в своих работах Г. Г. Пермяков; они также печатались в 1995 году в газете «Владивостокское время» и позже — в некоторых других СМИ Приморья. В 1995 году в альманахе «Рубеж» № 2 (Владивосток) увидели свет дневники В. К. Арсеньева экспедиции 1927 года из фондов Приморского государственного объединенного музея имени В. К. Арсеньева.

В апреле-июне 2002 года силами редакционно-издательского отдела ОИАК подготовлены к печати путевые дневники экспедиции В. К. Арсеньева 1906 года. Рукопись занимает три общие тетради, насчитывающие 403 страницы: тетрадь № 1 — 173 стр., тетрадь № 2 — 118 стр., тетрадь № 3 — 112 стр. На титульной странице первой тетради имеется надпись черными чернилами, сделанная рукой ученого: «Путевой дневник № 1-й от стр. 1-й до 173-й. Маршруты 1906 года от ст. Шмаковка Уссурийской жел. дороги по рр. Уссуру (так в оригинале — Е. И.), Улахе, Фудзин, через хребет Сихотэ-Алинь на р. Аввакумовку к зал. Св. Ольги и далее по

рекам, текущим в море до 45° с. ш. бухта Терней, затем по р. Санхобэ, снова через Сихотэ-Алинь и по р. Иману к станции того же имени. В. Арсеньев».

Тетрадь № 1 начинается таблицами (стр. 2–6), затем автор их перечеркнул и перенес на стр. 7–11, дав им заглавие «Статистика экономических данных 1906 г.» Внутри тетради имеются вклейки: между стр. 43 и 44 (письмо В. К. Арсеньеву), стр. 15–16 (справка о селении Картун); стр. 20–21 (письмо к В. К. Арсеньеву); стр. 60–61 (пояснение); стр. 71–72 (описание Ольгинского стана); стр. 72 и 76 (листки из дневника за 20 и 21 мая 1906 г.). Дневник с 14 июня по 8 сентября 1906 г. начинается со стр. 80, а первая часть тетради занята под полевые заметки. В ней дневниковые записи идут вперемежку с записями наблюдений: 19, 20, 21 мая, 7 сентября, 16 августа, 20 октября 1906 г.

В тетрадь № 1 также вклеены фрагменты карт (в 12 местах), рисунки (котел для перегонки кукурузы на ханшин, ножная веялка, конная мельница), схематический чертеж горного склона, по которому проходила тропа, профили горной цепи; образцы бумаги, сжигаемой на похоронах; рисунки и чертежи археологических памятников; рисунок балагана. Кроме того, в этой тетради помещены таблицы «Наблюдений над периодическими явлениями природы, имеющими сельскохозяйственное значение», «Сведения о реках», «Сведения о дорогах и тропах».

Тетрадь № 2 начинается с описания фотоснимков, сделанных лично В. К. Арсеньевым в экспедиции в период с 12 августа по 8 ноября 1906 года (листы 1–6). Весь текстовой материал в этой тетради располагается по разделам:

1. Сведения о народонаселении;
   об экономическом благосостоянии народов.
2. Важные сведения (возможные операции японцев в данном районе, позиции на пути маршрутной съемки).
3. Колонизация.
4. Сведения о хунхузах.
5. Сведения о настроении жителей в связи с прошедшею войною.

Тематические данные, судя по пометкам автора, являются продолжением сведений, помещенных в тетради № 1. Позже В. К. Арсеньев перегруппировывал эти записи, в результате чего в дневнике появились отсылки к другим страницам.

В тетради № 2 также имеются вклейки разного содержания: наклейка с указанием источника, в котором впервые напечатана легенда о Ку-А-Юн Хунь Лоню Люло-Ню; телеграмма Пальчевскому; фрагменты карт; вклеена орочонская икона, найденная И. Надаровым в 1882 году на реке Бикин в фанзе шамана. В тексте имеются рисунки: орочонский бат, шаманский бубен, деревянные колышки, используемые шаманом при камлании. Кроме того, помещены различные списки (перечень населенных пунктов с указанием числа домов, количества жителей, национального состава их) и таблицы (названия мест, удобных для заселения, местонахождение участков).

Тетрадь № 3, в отличие от двух первых, начинается с дневниковых записей, которые охватывают период с 9 июля по 17 октября 1906 года (стр. 1–29, 39–47). В этой же тетради на стр. 48–56 имеются «воспоминания» В. К. Арсеньева

о совместной охоте с Дерсу Узала в 1902 году близ озера Ханка в низовьях реки Лефу, хотя из того же дневника ясно, что первая встреча Арсеньева с Дерсу Узала произошла 3 августа 1906 г. [3].

Также в тетради № 3 имеются фрагменты карт, выполненные в тексте и подклеенные к страницам; рисунки — каменная ступа, горы в виде двух человеческих фигур; планы и чертежи пещеры. В этой же тетради на стр. 57–127 находятся путевые записи Юбилейной экспедиции в память присоединения Приамурского края к России в 1860 году (экспедиция 1908–1910 гг.).

Таким образом, собственно путевые дневники 1906 года составляют около 310 рукописных страниц (включая таблицы). Их значение для изучения наследия В. К. Арсеньева очень велико: это одновременно и записные книжки, и размышления автора на самые разные темы, и различные статистические данные, и наброски будущих работ ученого. На их страницах описаны подлинные события, происходившие в период экспедиции, а также все проделанные работы по сбору материалов и описанию местности.

Предпринятая в ОИАК наиболее полная публикация дневников позволяет изо дня в день снова пережить нелегкие маршруты, пройденные в 1906 году Арсеньевым и его соратниками, а также понять особенности литературного творчества ученого, поскольку книга «По Уссурийскому краю», написанная на основе этих дневников, хорошо известна каждому.

При их публикации редакционная комиссия постаралась самым тщательным образом передать содержание подлинника, хотя это не во всем удалось по сугубо техническим причинам. Приведены подробные комментарии к неясным местам, потребовавшие участия этнографов, востоковедов, археологов, географов, краеведов. В заключение следует заметить, что только факсимильное издание может дать широкому читателю наиболее полное и достоверное представление о дневниках В. К. Арсеньева.

Примечания

1. ***А. И. Тарасова.*** *Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: «Наука», 1985. С. 85.*
2. ***Ю. А. Сем, Л. И. Сем.*** *О «путевых дневниках» и «записных книжках» В. К. Арсеньева // «Дальний Восток», 1972. № 8. С. 128.*
3. *Архив ОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 1. Л. 110–111.*

С. В. ГОНЧАРОВА
Хабаровский краеведческий музей имени Н. И. Гродекова

ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ В. К. АРСЕНЬЕВА

В. К. Арсеньев, выдающийся писатель и исследователь российского Дальнего Востока, оставил богатое художественное и научное наследие, в котором обозначил актуальнейшую проблему современности — природа и человек, характер их взаимоотношений, — показав иную, отличную от потребительской, точку зрения на окружающую природу.

В центре исследований и научных работ ученого стояли проблемы стратегического характера, среди которых не последнее место занимали вопросы рационального использования и охраны окружающей среды. Арсеньев одним из первых обратил внимание на мировое значение естественных богатств российского Дальнего Востока и необходимость их государственной охраны.

Он оценивал уникальные, естественные ресурсы региона как неприкосновенные запасы России, в охране которых должны были быть заинтересованы не только государство, местная администрация, но и жители российского Дальнего Востока. Уже в своей первой опубликованной работе «Отчет о деятельности Владивостокского общества любителей охоты за 5-летие с 1901–1905 г.» Арсеньев заострил внимание на актуальных проблемах охраны дальневосточной природы. Охрана естественных богатств региона, по его мнению, в первую очередь была связана с бережным отношением к окружающей природе, запрещением хищнической эксплуатации её богатств, воспроизведением растительных и животных ресурсов.

Жестокое потребительское отношение к природе привело, по мнению Арсеньева, к катастрофическим результатам и значительному уменьшению видовой численности животных во многих странах. *«В истекшем девятнадцатом столетии человеком уничтожено шестнадцать видов различных живых существ. Безошибочно можно сказать, — утверждал исследователь, — что в двадцатом веке будут истреблены: кит, слон, лев, страус и у нас на Дальнем Востоке: тигр, барс, лось, изюбрь, пятнистый олень, коза, соболь, бобр, морской котик, фазан, рябчик, тетерев, дрофа, глухарь и др. В Японии уничтожены почти уже все звери и птицы, во Франции же около 25 лет как за неимением другой дичи охотятся лишь на жаворонков и кроликов. Неужели и наш край со столь богатой фауной ожидает та же участь! Неужели и здесь с ружьем в руках придется довольствоваться одними воробьями»* [1].

Одной из первых работ, посвященных рыбам Уссурийского края, была небольшая заметка Арсеньева «Наблюдения над лососевыми Зауссурийского края» (1908), в которой наибольшее внимание было уделено одному из самых значительных естественных ресурсов края. Арсеньев описал не только сезонный ход лососевых рыб, но и отдельные наблюдения за особенностями их поведения в районе северного

побережья Татарского пролива. Примечание к этой заметке дал академик Л. С. Берг [2]. В 1910 г. Арсеньев написал обстоятельное письмо Бергу о рыбах Амура. Вероятно, это была первая работа, специально посвященная разнообразию и особенностям ихтиофауны одной из крупнейших рек России и мира. Сведения и материалы Арсеньева, переданные Бергу, вошли в монографию последнего «Рыбы бассейна р. Амура». Исследователь подробно остановился не только на характеристике видов и способах ловли, но и хищнической деятельности русских и японских рыбопромышленников, наносившей значительный ущерб рыбным запасам [3].

Из всех исследований Арсеньева, так или иначе связанных с охраной природных ресурсов в Уссурийском крае, самыми значительными по продолжительности и результатам были три сихотэ-алинские экспедиции 1906–1910 гг. Они не только были объединены целями и задачами, но и их маршруты включали малоизученные и безлюдные районы северной части Уссурийского края. Первые подробные сведения о географии, растительном и животном мире, неисследованной территории были опубликованы в виде небольших очерков и заметок в газете «Приамурье», присланных Арсеньевым в редакцию непосредственно из экспедиций. Это был первый опыт молодого исследователя не только научного, но и популярного освещения в прессе особенностей природы Приморья. Газетные публикации имели большое практическое значение, поскольку они знакомили жителей края с уникальной природной средой, окружавшей их, пропагандировали бережное отношение к ней [4].

Описанию особенностей растительного и животного мира Уссурийского края Арсеньев отводил значительное место в работах «Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг.» и «Китайцы в Приамурском крае». Эти две работы во многом заполнили информационный пробел, который существовал в литературе о географии и природе Дальнего Востока. В них впервые был собран и обобщен материал об особенностях климата, гидрологического режима рек, распространении представителей дальневосточной флоры и фауны, о характере и повадках животных региона: тигра, лося, оленя, красного волка, гималайского медведя, соболя и др.

Отмечая особенности Уссурийского края, Арсеньев утверждал, что прежде всего это страна лесов, чья богатая растительность в первую очередь пострадала от хозяйственной деятельности крестьян-переселенцев. Наибольший вред уникальной природе наносили пожары. Исследователь был убежден, что с исчезновением лесов начнут быстро исчезать и животные. До тех пор, пока положение не изменится, не будут приняты меры к тушению пожаров, сами жители не станут заботиться о тайге, не станут беречь ее и охранять от огня, Уссурийский край очень скоро очутится без леса и без зверя, но зато с разрушительными наводнениями [5].

В своих научных работах и газетных публикациях Арсеньев уделял большое внимание фактам зарождения рационального природопользования среди переселенцев в Уссурийском крае. Лучшим примером бережного отношения к окружающей природе, по его мнению, были крестьяне села Пермского на реке Арзамасовке. Они, помимо своего домашнего хозяйства, *«решили вести хозяйство и в более крупном размере, а именно: в заботах о сохранении зверя они устроили заказник, где дорогой пятнистый олень, преследуемый всюду ради дорогих пантов, имеет возможность отдыхать и плодиться, не опасаясь собак и охотников. Им и лесников не надо, — отмечал исследователь, — потому, что они сами следят друг за другом, и сами остановят неразумного»* [6].

Между тем большинство переселенцев хищнически относилось к окружавшей их природе. Особое беспокойство у исследователя вызывал масштаб деятельности иммигрантов из сопредельных стран. В работе «Китайцы в Уссурийском крае» В. К. Арсеньев приводит описание содержимого одной лишь фанзы, принадлежавшей китайцу, в которой хранились 40 пудов (1 пуд=16,38 кг.) оленьих жил, для заготовки которых, по его мнению, необходимо было убить около 1600 оленей [7]. Оценивая общее положение с охраной природы в Китае, исследователь утверждал: *«Страна их безжизненна и пустынна»* [8]. У себя на родине китайцы уничтожили все живое, даже в море *«они ухитрились уничтожить всю морскую капусту, выловить всех трепангов и всех съедобных моллюсков»* [9].

Для сохранения уникальной природы Уссурийского края в 1916 г. по инициативе Общества изучения Амурского края и Лесного общества и при поддержке генерал-губернатора Н. Л. Гондатти был организован первый на Дальнем Востоке России заповедник «Кедровая падь», который представлял собой почти нетронутый уголок Южно-Уссурийской природы. Однако, несмотря на принимаемые меры, охрана заповедника была не совершенной. Арсеньев, относя флору и фауну Амурского края, Маньчжурии, Японии к реликтовым формам, был убежден в необходимости её защиты не только обществом, но и государством [10].

Одним из итогов экспедиции 1918 на Камчатку стала специально подготовленная работа «Границы и меры охраны Кроноцкого заповедника», в которой исследователь не только установил границы охраняемой территории, но и определил цели и задачи заповедника. По мнению исследователя, организация заповедной территории должна позволить выработать способы рационального разведения промысловых пушных животных в крае и приобщение к этому коренного населения. Исследователь был убежден, что *«соболь, обитающий в Кроноцком заповеднике, своего рода неприкосновенный капитал, процентами с которого могут пользоваться местные жители»* [11].

Работа в Управлении рыбными промыслами на Дальнем Востоке позволила В. К. Арсеньеву не только расширить географию исследований, но и принимать непосредственное участие в решении вопросов организации и охраны естественных богатств дальневосточного края. Исследователь одним из первых начал бить тревогу и по поводу огромного ущерба, наносимого иностранными и русскими предпринимателями уникальной природе Дальнего Востока, и поставил вопрос об организации охраны природных заповедников [12].

По мнению В. К. Арсеньева, значительные биоресурсы были сосредоточены на островах Берингова и Охотского морей. Каждый остров представлял собой естественный заповедник для определенных видов ценных пушных животных и крупных ластоногих. Считая охрану природных ресурсов Дальнего Востока делом государственным, Арсеньев доказывал недопустимость сдачи в аренду этих островов [13].

Не без участия В. К. Арсеньева в 1919 г. законодательно был изменен порядок охраны и заведования бобровыми промыслами на южной оконечности полуострова Камчатки — мыса Лопатка. Промыслы от Камчатской областной администрации перешли в ведение Управления рыбными и морскими звериными промыслами, в законодательном порядке был введен запрет на убой бобров, промышленный промысел рыбы и крабов. Законом 1919 г. бобры были объявлены собственностью государства, и промысел на них был разрешен только в строго определенных местах, ограниченное время, с разрешения правительства [14].

В 1922 г. Арсеньев разработал блок мер, связанных с устройством заповедников (Кроноцкого, на мысе Лопатка) и зверопитомников, которые содействовали бы развитию рациональных основ охоты на ластоногих и китообразных, а также упорядочили сухопутную охоту и охрану животных.

Однако, несмотря на значительные усилия по сохранению биоресурсов островных территорий, за время гражданской войны и интервенции был нанесен значительный урон морским и рыболовным промыслам, не удалось сохранить от расхищения уникальные природные питомники российского Дальнего Востока края.

Во многом благодаря настойчивым усилиям В. К. Арсеньева и сотрудников Управления Дальревкомом, было принято постановление о дальневосточных рыбных и звериных промыслах (15 декабря 1922 г.), которое аннулировало рыболовную конвенцию 1907 г. Это был первый документ, положивший конец бесконтрольному периоду распоряжения иностранных предпринимателей российским достоянием.

Проблемам защиты промысловых животных от хищнического убоя, восстановления их численности и создания базы для промышленного звероводства был посвящен проект «Временного положения об условиях и порядке использования островов Дальнего Востока для промышленного звероводства», написанный В. К. Арсеньевым в соавторстве с охотоведом А. Д. Батуриным [15]. Острова рассматривались исследователями как особые территории государственного значения, которые необходимо использовать для образования на них *«культурных зверовых хозяйств и организации питомников ценных пушных зверей»* [16]. В организации питомников они видели создание новой промышленности на Дальнем Востоке, которая позволила бы не только увеличить численность ценных пушных животных, но и постепенно перейти от способов и методов первобытной охоты к промышленному звероводству.

В октябре 1923 г. Арсеньев подготовил тезисы и план работ, связанных с охраной морских бобров у мыса Лопатка. Он был убежден, что если не принять срочных охранных мер, то возникнет реальная угроза исчезновения бобров. Среди первоочередных мер исследователь выделил следующие: обследование бобровых лежбищ, запрет на убой бобров в течение нескольких лет, организация действительной охраны бобровых лежбищ и объявление заповедником южной части полуострова Камчатка. Большинство предложений Арсеньева вошло в окончательный вариант положения о заповеднике на мысе Лопатка. Постановлением Дальневосточного Революционного Комитета от 9 июня 1924 г. на мысе Лопатка Камчатской губернии был учрежден заповедник морских бобров.

В 1926 г., после завершения анюйской экспедиции, Арсеньев вновь поднял вопрос о необходимости организации крупного заповедника на территории Уссурийского края, который должен был охватить хребет Сихотэ-Алинь, предгорья и верховья рек Хор, Бикин, Иман, Ботчи, Самарга. Им были определены нуждающиеся в охране представители флоры и фауны этого района. Арсеньев считал, что необходимо не только выделять землю для колонизации, проведения дорог, лесозаготовок, но и определять заповедные угодья.

Подчеркивая значимость этого района, Арсеньев писал, что *«действительно, в этих местах сохранились в нетронутом виде первобытные девственные леса, населенные множеством диких зверей. Верховья рек Анюя и Хора заключают в себе 50 процентов нереста лососевых рыб всего Амурского бассейна. Такой заповедный дальневосточный парк надо иметь как неприкосновенный капитал, на проценты с которого будет жить то русское население, которое осядет с ним по соседству»* [17]. В таких охраняемых, заповедных территориях, он видел один из основных факторов успешной колонизации и залог её будущего успеха. К сожалению, предложение Арсеньева, поддержанное государственным комитетом по охране природы, тогда так и осталось нереализованным.

Исследователь приложил немало усилий к воспитанию бережного отношения к природе у подрастающего поколения. Это были не только лекции и занятия, но и специально организованные для учащихся походы-экскурсии. Один из первых относится к осени 1914 г., когда под руководством Арсеньева прошла ученическая экскурсия Хабаровского реального училища на хребет Хехцир. Учащиеся познакомились не только с особенностями флоры и фауны пригорода, но и с фактами хищнического отношения к природе. На примере промысла кабарги с помощью «лудевы» (изгороди — Г. С.) Арсеньев познакомил учащихся с одним их запрещенных способов охоты [18]. К последним относится занятие в июне 1930 г., проведенное В. К. Арсеньевым на острове Русском для школьников со станции Ин, приехавших на несколько дней во Владивосток. Основными задачами занятия-экспедиции были пересечение острова, наблюдение за обитавшими там оленями и осмотр укрепрайона. Исследователь рассказал учащимся об особенностях растительного и животного мира российского Дальнего Востока [19].

По мнению исследователя, ярким примером бережного отношения к природе, её богатствам являлись традиции коренных жителей Дальнего Востока. Их анимистический взгляд на окружающую природу, который, как подчеркивал Арсеньев, стал основой не только рационального использования естественных ресурсов, но и заботы о будущих поколениях. Поэтому, несмотря на то, что основу жизни коренных народов составляли охота, рыболовство и морской зверобойный промысел, целью промыслов не было обогащение, уничтожение большого числа животных ради получения прибыли. Лучшие нравственные качества, гармоничные отношения человека с природой соединены В. К. Арсеньевым в собирательном образе проводника нанайца Дерсу Узала.

Однако предпринятые им усилия и меры по организации заповедников, рациональному использованию природного государственного ресурса были во

многом малоэффективны. Арсеньевские проекты, несмотря на обоснованность необходимости принятия неотложных мер по охране естественных богатств Дальневосточного края, не получили достаточного финансирования. Все внимание советского руководства было сосредоточено в большей мере на решении проблемы безопасности границ, создании значительного военно-стратегического потенциала, охрана же природы в государственном масштабе еще не стала актуальной задачей.

Примечания

1. *МПК Ф. 1. Оп. 1. Д. 9. Л. 35.*
2. ***Н. Е. Кабанов.*** *В. К. Арсеньев — путешественник и натуралист 1872–1930. М., 1947. С. 36.*
3. *ГАХК Ф. 527-Н. Оп. 1. Д. 142. Л. 15.*
4. ***М. К. Азадовский.*** *В. К. Арсеньев — путешественник и писатель // Арсеньев В. К. Жизнь и приключения в тайге. М., 1957. С15.*
5. *Там же. С. 12.*
6. ***В. К. Арсеньев.*** *Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг. Т. 1. Хабаровск, 1912. С. 156.*
7. ***В. К. Арсеньев.*** *Китайцы в Уссурийском крае: Очерк историко-этнографический. Хабаровск, 1914. С. 112.*
8. *Там же. С. 121.*
9. *Там же.*
10. ***В. К. Арсеньев.*** *Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири. Владивосток, 1929. С. 14.*
11. *РГВИА ДВ Ф. Р-4411. Оп. 1. Д. 29. Л. 92.*
12. ***А. И. Тарасова.*** *Владимир Клавдиевич Арсеньев. М., 1985. С. 176.*
13. *РГИА ДВ Ф. Р-4411. Оп. 1. Д. 29 Л. 34.*
14. *ХККМ Ф. 52. Оп. 165а. Д. 74.*
15. ***А. И. Тарасова.*** *Указ. соч. С. 189.*
16. *ХККМ Ф. 52. Оп. 165а. Д. 72. Л. 1.*
17. *Вопросы географии Дальнего Востока. Сб. 1. Хабаровск, 1949. С. 35.*
18. ***В. К. Арсеньев.*** *Ученическая экскурсия на хребет Хехцир воспитанников Хабаровского раельного училища осенью 1914 года, под руководством подполк. Вл. К. Арсеньева // Приамурский школьный листок. № 2. Хабаровск, 1917. С. 15.*
19. *Информация получена от Берестянного А. Г. (1914 г/р), закончившего среднюю школу на станции Ин в 1934. Один из участников похода на остров Русский. Сегодня пенсионер проживает в г. Хабаровске.*

Ю. В. АРГУДЯЕВА
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

В. К. АРСЕНЬЕВ: ПОДГОТОВКА К ЭКСПЕДИЦИЯМ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДНЕВНИКОВ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ)

Известный путешественник и исследователь Владимир Клавдиевич Арсеньев уделял большое внимание организации экспедиций, подготовке к ним, поведению в экспедиции, обустройству экспедиционного быта. От этого, как известно, во многом зависел успех задуманного предприятия.

В данном сообщении мы затрагиваем лишь часть аспектов этой проблемы, нашедшей освещение в одном из дневников Владимира Клавдиевича, объединявших его исследования в 1914, 1917, 1926 и 1927 гг. (Архив ОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 28).

Опыт экспедиционной работы прежних лет привел В. К. Арсеньева к выводу, что у каждой экспедиции должен быть определенный подготовительный период. Он включал, по мнению путешественника, прежде всего, знакомство с научной литературой, касающейся той местности, куда направляется экспедиция. Причем он считал, что не надо игнорировать и литературу другой специальности, чем та, в которой компетентен путешественник, так как в такой литературе можно найти много таких сведений, которые окажутся потом весьма полезными. Например, расстояние в верстах, днях пути, наименование притоков, населенных пунктов и т. д. Читать научную литературу, по его мнению, надо с картой, а если таковой нет, то самому составлять ее, внося все время поправки. Не следует игнорировать газет, но к сообщаемым сведениям репортеров надо относиться с некоторой долей недоверия, особенно к анонимным или подписанным псевдонимами [1].

Когда путешественник познакомится со всеми доступными ему публикациями, ему необходимо навести справки и узнать, кто бывал в интересующем его районе, и где это лицо находится. Это будут, по мнению В. К. Арсеньева, в большинстве случаев торговцы и скупщики пушнины. Необходимо их повидать и тщательно расспросить, для чего, быть может, придется съездить в другой город. Лица эти могут дать весьма ценные данные, сопровождаемые схематическими чертежами. Полученные таким образом сведения полезно, для достоверности, проверить перекрестным путем, с учетом времени года, в которое ездил туда данный предприниматель. Так, если один из случайных исследователей посетил какой-то район в дождливое время года, он будет говорить о том, что там везде болото и течение в реках очень быстрое. Другой, посетивший те же места в засушливое время будет говорить о недостатке воды, о мелководье рек и сухости почвы. Такие впечатления следует обобщить и как бы экстраполировать на весь календарный год [2].

Если средства и время позволяют, полезно послать предварительную разведывательную экспедицию в местность, предполагаемую к обследованию. Эта предварительная экспедиция найдет и лиц, которые бывали в ней и от них получит тоже много ценных сведений.

Важно также собрать весь картографический материал. *«Лучше всего, — пишет В. К. Арсеньев, — копировать карты на кальку, но если этого сделать нельзя, надо пользоваться фотографическим путем и получить так называемые „синевки“»* [3].

На основе собранных по литературе и расспросных данных путешественнику следует составить карту, нанести на нее маршруты прежних исследователей и наметить свои маршруты в общих чертах так, чтобы не повторять маршруты своих предшественников, а стараться пересечь их. Этим заканчивается первая часть подготовительного периода.

Если предполагается продолжительная, например двухлетняя экспедиция, то следует позаботиться о том, чтобы каждый из участников экспедиции владел дополнительной, «технической», по словам В. К. Арсеньева профессией, необходимой в экспедиционных условиях — столяра, слесаря, кузнеца, шорника, медика и др. Более того, знание какого-либо ремесла должно быть, по мнению Владимира Клавдиевича, поставлено как условие участия в экспедиции. Сам он обучился подковывать лошадей, пройдя двухмесячный курс ковочного дела. Содержание здоровыми вьючных лошадей, в том числе их ног, что крайне важно для длительного путешествия, безусловно, помогло экспедиции.

Начальное медицинское (фельдшерско-санитарное) образование он приобрел в военных госпиталях с перерывами в 4 месяца при помощи знакомых врачей [4]. Медицинские знания также очень пригодились и не только для лечения членов экспедиции и вьючных животных (неоднократно накладывал и тем и другим швы), но и местных жителей. Так, он зашил рану на порубленной ноге старовера, вылечил мальчика от укуса ядовитой змеи, сделал несложную операцию молодому китайцу, пришедшему с проломанной головой. Было немало и других случаев первоначальной хирургической помощи. Этим заканчивается вторая часть подготовительного периода.

Следующий этап — наем квартиры, желательно не в крупном административном центре, где *«...начальника экспедиции будут беспокоить требованием докладов, участием в заседаниях, разными справками и проч.»* [5]. Квартира должна состоять из нескольких комнат по числу участников экспедиции и дополнительно — чертежная и самая большая, так называемая разборная комната, предназначенная для сортировки и упаковки необходимой в пути амуниции и продуктов питания. В одной из комнат помещается охрана и сторож. Все комнаты должны иметь столы, стулья, а предназначенные для жилья — и кровати. Это — штаб экспедиции, в котором желательно иметь и телефон. *«В штабе экспедиции, — пишет В. К. Арсеньев, — собираются все участники экспедиции ежедневно для получения инструкций от своего начальника для текущих ежедневных работ. Затем в первую очередь каждый участник экспедиции составляет список того, что нужно достать непосредственно или купить по его специальности. Начальник экспедиции должен предупредить своих сотрудников о том, что нужно ограничиваться минимумом»* [6]. Практика показала, что люди, впервые идущие в длительное путешествие, особенно молодежь, при составлении таких списков увлекаются и раздувают их невероятно. Необходимо их убедить в том, что нельзя брать ничего лишнего. *«Надо помнить, — отмечает он далее, — одно правило. Не брать ничего лишнего. Надо помнить, что каждый лишний золотник множится на число дней пути»* [7].

Когда список составлен, приступают к покупкам. В. К. Арсеньев вспоминает, что до революции и гражданской войны он почти все снаряжение приобретал через Военное ведомство и благодаря офицерам Генерального штаба, которые всячески содействовали его стремлениям, старались облегчить сборы в экспедицию. Благодаря им он получал «натурою» вьючных лошадей, все конское снаряжение, походную кузницу, подковы, гвозди, инструменты, карты. Для В. К. Арсеньева выделялся специальный охранный отряд из стрелков и казаков, причем предоставлялось право выбора людей из всех частей округа, кроме инженерных войск и крепостной артиллерии. Эти люди получали суточные деньги и продовольствие, были снабжены летней, осенней, зимней одеждой и обувью. Походная аптека также выдавалась из складов Военного ведомства. Помимо этого, часть необходимых материалов (шинельное сукно для зимней палатки, мясные консервы, сухари и др.) можно было приобрести в ведомстве по казенной расценке. В. К. Арсеньеву были выданы также литеры для бесплатного проезда по железной дороге, а военный флот доставлял всех членов экспедиционного отряда к месту работы на побережье Японского моря и устраивал там продовольственные («питательные») базы.

С приходом новой власти, после гражданской войны и наступившей вслед за ней разрухи, снаряжаться в экспедиции стало, по свидетельству В. К. Арсеньева, гораздо труднее.

Далее В. К. Арсеньев отмечает, что все, что нельзя достать «натурою», необходимо купить. Однако здесь выясняется, что некоторые вещи на Дальнем Востоке приобрести нельзя. Их можно выписать из центральной части России или даже из-за границы. Однако в условиях советской власти, когда государство монополизировало внешнюю торговлю, процесс приобретения таких вещей может растянуться на месяцы и даже год. К покупке того, что можно приобрести на месте, следует, по мнению В. К. Арсеньева, отнестись очень тщательно. Прежде всего, не покупать ничего, помимо составленного списка, прицепиться к вещам, продаваемым в разных торговых точках и только тогда приобретать, строго соблюдать режим экономии. *«Лозунг „Не сорить деньгами!“, — пишет В. К. Арсеньев, — должен соблюдаться со всей строгостью. Ни малейшего отступления, ни малейшей поблажки. Если встать на точку зрения, что та или иная вещь может пригодиться, то нужно покупать все, что попадется на глаза: швейную ручную машинку, резиновый рукав, кавказский кинжал, ковер, самовар и т. д. Одни вещи можно использовать самим, другие выменять на этнографические предметы, третьи отдать вместо денег и т. д. – Все может пригодиться...»* [8].

Все приобретенные покупки складываются в разборную комнату, где все имущество делится на две группы: то, что берется непосредственно с собой и то, что отправляется на заранее приготовленные «питательные» базы, которые организуются в разных точках маршрута экспедиции. Составляется дополнительный список того, что случайно упущено, и это надо прикупить.

После рассортировки экспедиционного имущества его тщательно упаковывают, перекладывая стружками, паклей, бумагой и др. и укладывают в ящики, которые обшивают рогожей, или железные банки, которые запаивают во избежание попадания влаги и лучшей сохранности от грызунов и крупных зверей. Сверху делается надпись с указанием названия экспедиции, места выгрузки, содержания данной упаковки и ее веса.

Практика показала, что мешки с мукой небольшого размера для лучшей сохранности необходимо снаружи обильно смочить водой и прогладить мокрое полотно руками до тех пор, пока образовавшийся тонкий слой теста не заклеит все поры полотна. «Мука оказывается герметически закупоренной, — пишет В. К. Арсеньев, — не боится сырости, а проклеенный тестом мешок приобретает большую прочность. Во время перевозки полотно не рвется, и мука не сыплется и нет утруски ее...» [9].

По мнению В. К. Арсеньева, если грузы на промежуточные базы отправляются на пароходе, то провожатому необходимо самому следить за их сохранностью как во время их хранения в пакгаузах, так и при погрузке, во время остановок в пути и выгрузке, иначе грузы могут попасть не по месту назначения. Места для устройства баз с запасом продовольствия и некоторым снаряжением — «питательные» базы, как называет их В. К. Арсеньев, — подготавливались заранее, с особой тщательностью и в приметных местах — у водопада, в развилке рек и т. п. Помимо этого, к примеру, ящики с продовольствием устанавливают на деревянный помост, закрывают корьем и сверху придавливают жердями, камнями и т. п. Эти меры предосторожности, а также развешенные на протянутой вокруг проволоке куски жести, издающие непривычный шум, или кумача, с непривычным для зверя цветом, заставляют, к примеру, медведей и росомах быть осторожными и уйти от подозрительного места. Используют и другие методы сохранения запасов — окуривают весь склад пороховым дымом с тем, чтобы запах сероводорода отпугнул зверя или при строительстве амбара на сваях, под продукты, на нижнюю часть свай надевают старые тазы или просто листы железа.

Место базы обозначают каким-либо приметным знаком. Набор продуктов и вещей, оставляемых в питательной базе, зависит от целей экспедиции, ее состава и средств, имеющихся в распоряжении начальника экспедиции. *«Минимально на питательной базе, — сообщает В. К. Арсеньев, — должно быть 4 банки сухарей, одна банка гречневой крупы, одна риса, одна — проса, одна — муки, 1/2 сахара, 1/2 масла или сала, флакон уксусной эссенции, флакон клюквенного экстракта, две ракеты, пачка спичек, табак 1/2 фунта, дроби 5 фунтов, пороху 2 фунта, пыжи, пистоны — коробка, 1 фунт свечей, коробка монпасье, 1 фунт шоколаду, 1/4 кирпича чаю, 2–3 пары ичежных головок, две-три смены белья, один или два рабочих костюма (штаны, рубашки) и один метр сетки для защиты лица от комаров и мошек»* [10].

Владимир Клавдиевич с большой ответственностью относился к созданию таких баз и выбору лиц, ответственных за их обустройство. Это должны были быть исключительно надежные люди, которым вменялось в обязанности доставить грузы в указанное место, во что бы то ни стало и со всей пунктуальностью выполнить данную им инструкцию. Если грузы не попадут в назначенное место, экспедиция может очутиться в крайне бедственном положении. *«В лучшем случае, — отмечал В. К. Арсеньев, — маршрут ее не будет выполнен, в худшем может кончиться гибелью всех участников экспедиции»* [11]. Самым удобным временем для устройства питательных баз В. К. Арсеньев считал: на берегу моря — летом, по рекам — зимой, куда можно было быстро и дешево попасть с нартами на собаках.

К формированию состава экспедиции В. К. Арсеньев всегда относился с большой ответственностью. Практика убедила его в ценности совета, высказанного его предшественником по исследованию Дальнего Востока — Н. М. Пржевальским — никого не брать в экспедицию после того, как отряд уже сформирован. В. К. Арсеньев отмечал, что в иных случаях даже в день отъезда целый ряд лиц обращался с просьбой взять их с собою даже на собственный счет. Принятие в состав экспедиции нового лица всегда *«...вносит коэффициент развала. Все расчеты рушатся, — пишет он далее, — и забота о новом лице будет следовать по пятам как тень, ежедневно, постоянно. Вам придется думать о вьюке для него, о носильщике, о месте в лодке, о лишнем продовольствии. Словом, во все Ваши расчеты постоянно вносить поправки»* [12].

Интересны заметки Владимира Клавдиевича о некоторых предметах снаряжения экспедиции, бытовых вещах и способах их использования в условиях путешествия. Так, для вооружения экспедиции он рекомендовал брать нарезные винтовки и гладкоствольные дробовые ружья и никогда не брать дорогие ружья, так как практика показала, что ружье можно использовать только в период пребывания в экспедиции. Дорогие ружья брать не следует, так как они будут также попорчены, как и дешевые. Револьверы, по его мнению, во время путешествия бесполезны как при встрече с грабителями, так и при встрече с диким зверем, на которого удобнее охотиться именно с ружьем. Не рекомендовал он также пользоваться ружейными чехлами, так как в последних они быстро ржавеют от соприкосновения с влажной кожей или брезентом. Правда, он допускал чехлы, выполненные из зверовых шкур мехом наружу, и то при условии их частого просушивания на солнце или над огнем.

Коснулся он и темы огнестрельных припасов. Он отмечал, что количество взятых с собой винтовочных патронов будет зависеть от того, в какой местности будет работать экспедиция: в районе, враждебно настроенном к путешественникам, *«в местности, где бродят шайки разбойников или там, где много крупных зверей — тигров, медведей, леопардов и проч.»* [13], а также других крупных, хотя и не кровожадных животных (кабан, олень, косуля и др.). В последнем случае винтовка дает средства к жизни — пропитание.

Касается В. К. Арсеньев и некоторых аспектов организации научной части экспедиции. Например, он подробно пишет — какие карандаши следует брать с собой в экспедицию, для того, чтобы можно было сделать хорошие записи, и какие марки

карандашей неудобны в использовании. В частности, он отмечает какие по твердости карандаши удобны для производства полевых съемок, а какие — для ведения записей в полевых дневниках. Никогда, отмечает он, не следует брать в экспедицию чернильных карандашей. Практика показала, что при случайном, даже на несколько мгновений, попадании дневника в воду, все чернильные записи были размыты настолько, что ничего нельзя было прочитать. Для рационального, полного использования карандашей, В. К. Арсеньев рекомендует специальные приспособления («ручкодержатели»), а также металлические наконечники на заточенный конец грифеля и разной твердости канцелярские стирательные резинки.

Полевая практика приучила В. К. Арсеньева тщательно продумывать меры защиты тела в сложных экспедиционных условиях. В частности, при обилии в тайге слепней, оводов, комаров и, особенно, мошки без сетки-накомарника никак не обойтись. Для этого, считал путешественник, *«надо иметь сетку, пришитую к полям широкополой шляпы. Лучшая сетка из тонкого волоса, но она дорогая и ее не всегда можно достать. Сетка металлическая хороша, но она сильно нагревается, вокруг головы образуется слой теплого и влажного воздуха, что затрудняет дыхание... Черная марля, пожалуй, лучшая сетка... Сетка обшивается вокруг шляпы и должна быть такой длины, чтобы свешиваться немного на грудь, по нижнему ее краю протянут шнур, позволяющий затянуть ее вокруг шеи... , по вороту рубашки»* [14].

Для защиты рук от комаров и мошки В. К. Арсеньев и в летнее время использовал перчатки. Практика показала, что перчатки должны быть не шерстяные вязанные, и не замшевые, так как в таких сильно потеет рука, но и не нитяные вязанные, так как их прокусывают комары. Перчатки должны быть тонкими, из плотной ткани, желательно такой длины, чтобы они могли захватывать часть рукава рубахи. Желательно пришить к перчаткам тесьму, чтобы ею плотно обмотать перчатки на рукаве. В иных случаях использовали сшитые из ткани по специальному крою, с мысиком, нарукавники, которые надежно закрывали открытые части тела на руках.

Особая забота — ноги путешественника. Для того чтобы при продолжительных пеших переходах уберечь голень от ушибов о камни, сучья валежника, ветки кустарника и т. д. В. К. Арсеньев пользовался специальными лентами для обмотки ног от колена до ступни. Для таких лент, длиною в 4 аршина, шириной в 2 вершка, использовали хорошее сукно, к которому пришивали тесьму шириной в палец. *«Каждый раз, — писал он, — когда мне приходилось идти по тайге без лент, ноги мои были очень сильно изранены, так что потом приходилось накладывать продолжительное время повязки из бинтов...»* [15].

И, наконец, — головной убор. Для путешественника, по мнению В. К. Арсеньева, летом это должна быть широкополая шляпа, но из такого материала, чтобы поля ее из-за дождя не отвисали вниз. Такие поля очень важны при ношении сетки от комаров. Если же поля опускаются, то сетка прилегает к ушам, к носу, к подбородку, которые и подвергаются укусам кровососущих насекомых. В нескольких местах шляпы необходимо сделать отверстия для вентиляции, которые следует закрывать марлей. Лучший зимний головной убор — так называемая «нансеновская» меховая шапка из меха молодых оленей — пыжиковая. *«Она должна иметь, — пишет В. К. Арсеньев, — отворот на три четверти, за исключением лицевой стороны. Когда отворот опущен, он плотно облегает голову сзади и с боков, а впереди, около подбородка, застегивается на две пуговицы, защищая уши и шею от холодного ветра...»* [16]

Мы охарактеризовали лишь некоторые, наиболее важные аспекты подготовки к экспедиции путешественника. Безусловно, все они были выработаны длительной практикой и в конечном итоге использовались те, которые оказались наиболее приемлемыми в суровых условиях многомесячных экспедиций Владимира Клавдиевича Арсеньева.

Примечания

1. *Архив ОИАК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 28. Л. 92.*
2. *Там же. Л. 93–93 об.*
3. *Там же. Л. 95.*
4. *Там же. Л. 94–94 об.*
5. *Там же. Л. 95 об.*
6. *Там же. Л. 95 об.*
7. *Там же. Л. 96.*
8. *Там же. Л. 97 об. — 98.*
9. *Там же. Л. 99 об.*
10. *Там же. Л. 101 об. — 102.*
11. *Там же. Л. 102.*
12. *Там же. Л. 102 с об.*
13. *Там же. Л. 109.*
14. *Там же. Л. 111–112.*
15. *Там же. Л. 114.*
16. *Там же. Л. 113.*

П. Л. ФЕФИЛОВ
г. Комсомольск-на-Амуре

В. К. АРСЕНЬЕВ В СТОЙБИЩЕ КУН

Хочу поделиться о пребывании В. К. Арсеньева, вместе с двумя сибирскими стрелками И. Рожковым и П. Ноздриным, в районе орочского стойбища Кун на реке Хунгари (теперь реке Гур).

В сентябре 1964 года мы, вместе с инженером судостроительного завода А. Г. Михайличенко, совершили поездку по реке Хунгари и остановились в селении Кун, где в то время было всего два дома, и проживали две семьи орочей: Тиктамунка и Акунка. Стойбище находилось в распадке между высокими сопками у глубокого таежного ключа, вокруг которого росла черемуха Маака — любимое

лакомство медведей. Встретил нас хозяин одного из домов — Василий Семенович Тиктамунка, пожилой ороч около 70-ти лет. Узнав, кто мы такие, как попали в стойбище, пригласил погостить у него. В доме Акунка никого не было, т. к. на хозяина напал медведь. Полученные травмы оказались серьезными, и он находился в больнице. А вот его дом был открыт настежь: они ждали нового посещения хозяина тайги — медведя! Таковы поверья у орочей.

Мы прожили в стойбище Кун более 20 дней. Познакомились с бытом орочей. Ловили осеннего хариуса на перекатах, помогали Василию Семеновичу вырубать из тополя новую лодку — ульмагду. Я делал зарисовки, написал много акварелей.

Однажды в Кун со станции Хунгари приехал мужчина проверить свои ульи, которые были установлены на сопке недалеко от стойбища. Его фамилия Моисеев (имя и отчество не помню). Как-то вечером у костра разговор зашел об В. К. Арсеньеве. Моисеев утверждал, что именно здесь, в Куне, останавливался Арсеньев. Это было зимой, вот только год он точно назвать не мог. Василий Семенович Тиктамунка подтвердил, что слышал об этом и даже знал орочей-проводников, которые участвовали в экспедициях капитана Арсеньева.

С тех пор прошло 36 лет. Я перебираю акварели, фотографии, которые случайно уцелели в той поездке. Это случилось 5 октября 1964 года, когда я с Тиктамунка отправился по реке Хунгари на ульмагде. Стоя на носу лодки, помогал управлять ею с помощью длинного шеста, шест соскользнул и я, чуть не перевернув ульмагду, оказался в ледяной воде. Ороч спас положение — он сбалансировал лодку, и мои акварели и фотографии уцелели.

Мысль, уточнить пребывание В. К. Арсеньева именно в Куне на реке Хунгари, не покидает меня до сих пор.

Изучая карту маршрутов экспедиций В. К. Арсеньева, я обнаружил четкое обозначение перехода зимой 1909–1910 года по долине реки Хунгари его экспедиции. Эта карта — приложение к книге М. К. Азадовского «В. К. Арсеньев — Жизнь и приключение в тайге», издательства географической литературы, Москва, 1957 г. Как изложено в описании этой экспедиции, зима была особенно снежной и передвижение экспедиции, перевалив Сихотэ-Алинь, проходило по долине реки Хунгари. Путники двигались 76 дней на лыжах, тянули за собой нарты с продовольствием, инструментами и коллекциями. Они расчитывали встретить охотников на своем пути, но снежная зима не давала возможности в тайге перемещаться зверю. Тайга, казалось, была мертвой, пустой. Охотники за соболем из-за глубоких снегов на охоту не вышли, поэтому экспедиция не встретила людей до выхода на хунгари.

Привожу отрывок из книги М. К. Азадовского:

«Владимир Клавдиевич Арсеньев, стрелки Илья Рожков и Павел Ноздрин после ряда проверок выбрали направление, перевал через который они пошли, был назван „Опасным". 7 декабря они спустились с водораздела, пошли в бассейн реки Хунгари. Перейдя водораздел, путешественники встали биваком в узком ущелье. На рассвете случилось небольшое землятресение и произошел снежный обвал. Палатку завалило. К счастью, все были с наружи и занимались укладкой нарт. Целые сутки ушли на раскопки. Наконец, палатку достали. Все время надо было опасаться за

нее, старенькая, ветхая она дыбилась и расползалась по швам. Ее починяли чем попало. Эта ветхая палаточка была единственной защитой от ночных морозов при температуре -36 градусов по Цельсию. Более всего путники терпели недостатки в обуви. Купить было негде. Для починки унтов рвали полы полушубков. Порожние мешки из-под сухарей шли на починку одежды.

Вследствие глубокого снега лоси не ходили по тайге, а стояли на тех местах, где застала их непогода. Нигде не было видно ни одного следа. Раза два Арсеньев останавливался на охоту, но неудачно, потеряли только время. Собаки, взятые с собой (по две на нарту), погибли от голода, собачью юколу сберегли для людей. Четыре дня покормились ею, потом посчастливилось убить небольшую выдру. Мясо ее растянули на шесть суток. Затем убили небольшую рысь: и лапы и внутренности — все было съедено. 31 декабря ничего уже не ели. В довершение несчастья ночевали без дров. Эту праздничную новогоднюю ночь провели мучительно тоскливо. На другой день, 1 января 1910 года вышли на первых людей. Это были орочи. Велика была радость! Это был настоящий праздник!»

Можно предположить, что встретили путешественников как раз орочи из стойбища Кун. Какие же основания имеются для этого?

В Дальневосточной научной библиотеке имеется 39 карт, инвентарный № 5199, созданных В. К. Арсеньевым. На карте, в приложении 111 от Сихотэ-Алиня по Мули и Хунгари, красными чернилами обозначены зимние пути инородцев (т. е. перемещение охотников, переселенцев, кочующих людей. — П. Ф.). На них и рассчитывал Арсеньев, хотел использовать зимние пути, но как оказалось. людей не встретил.

Биограф Арсеньева — А. И. Тарасова — в книге «Владимир Клавдиевич Арсеньев», главная редакция восточной литературы, М., 1985, с. 126 отмечает: *«взяв направление от перевала на запад, а затем северо-запад по реке Хунгари, отряд только 11 января 1910 года вышел к Амуру, к селу Вознесенскому. Здесь экспедиция закончила свою работу и 21 января вернулась в Хабаровск».*

Если посмотреть по карте, то можно установить, что чуть выше Куна Хунгари делает поворот на 90 градусов на юго-запад. Нет сомнений, что экспедиция проходила это место, т. к. перемещалась по зимнику (по реке). Наконец, точно известно, что орочей встретили 1 января, а к 10 января путешественники были в Вознесенском. По масштабу карты расстояние от Куна до Вознесенского около 120 километров. И это убеждает в том, что встреча была именно в Куне. Следовательно, отдохнув, путники проходили по зимней реке по 12 км в день и через 10 дней достигли села Вознесенского. Неизвестно только, сколько людей проживало в Куне в 1910 году?

В целом ряде источников об экспедиции 1909–1910 года указывается, что полный подробный отчет о декабрьском походе не издавался, а вошел в ряд описаний, возможно, поэтому Кун и не упоминается. А. И. Тарасова пишет, что Арсеньев привез восемь экспедиционных тетрадей (всего 956 листов). Из них три тетради — полевые рабочие дневники (без поденных записей пути следования) и две тетради — «Журналы астрономического определения пунктов», где определено 26 пунктов (возможно в их числе и Кун), и три тетради — «Дневники метеорологических

наблюдений». Эти материалы находятся в архиве Академии наук города С-Петербурга, фонд ВКА, опись 1, № 19-23,а также в книге А. И. Тарасовой с. 126–127.

Во время этой экспедиции хребет Сихоте-Алинь был пересечен семь раз, исследованы долины многих рек, впадающих в море и Амур.

Группа учеников Селехинской школы с преподавателем Кошейкиной С. Н. пытались отыскать стойбище, но следов его существования не нашли.

Считаю, что жителям нынешнего поселка Снежный будет интересно знать, что эти места проходил В. К. Арсеньев.

Д. Л. БРОДЯНСКИЙ
Дальневосточный государственный университет

ДВА КРАЕВЕДА:
В. К. АРСЕНЬЕВ И Б. А. ДЬЯЧЕНКО

В разное время одного века жили и работали во Владивостоке два человека, заслуженно снискавшие славу краеведов, знатоков нашего Уссурийского края, его истории и природы: Владимир Клавдиевич Арсеньев и Борис Алексеевич Дьяченко. В. К. Арсеньев, молодой образованный офицер, приехал во Владивосток в самом начале XX века и 30 лет посвятил всестороннему изучению края, стал всемирно известным писателем, а его огромное научное наследие, в первую очередь, в области этнографии и археологии, до сих пор остается малоизвестным специалистам и явно недооцененным.

Советская власть с подозрением взирала на офицера русской армии и мало способствовала реализации научного потенциала великого краеведа-дальневосточника. Само краеведение было в начале 30-х годов удушено, разгромлено. В. К. Арсеньев не дожил до всплеска массовых репрессий, а с женой и дочерью расправились.

Борис Алексеевич Дьяченко родился во Владивостоке и прожил в нем почти всю свою жизнь. Инженер-кораблестроитель, он любил природу края, много лет занимался туризмом, увлекая молодых, в художественной фотографии отразил красоту края, но более всего занимался людьми, их судьбами, биографиями, творческим наследием. Последнюю четверть жизни Б. А. Дьяченко целиком посвятил историческому краеведению, собиранию музейных фондов, возвращению архивов, сооружению памятников-мемориалов, изданию альбомов исторических фотодокументов, возрождению и сохранению исторической памяти. Повести-очерки о десятках выдающихся людей нашего города и края стали замечательным вкладом в отечественную историю.

Оба краеведа рано умерли, их творческое наследие огромно и значительно, мы обязаны его сохранить, собрать, опубликовать. Обоих не больно-то любила власть и оба платили ей тем же. Свободные люди плохо вписываются в тотали-

таризм и духовное рабство. В. К. Арсеньев и Б. А. Дьяченко были свободными людьми. Их роднит удивительное бескорыстие, открытость и доброжелательность, многообразие творчества, литературный талант, хороший русский язык. Оба достигли во всех делах, коими занимались, высокого профессионализма, постоянно учились и совершенствовались как исследователи, оба заслужили наше признание и неумирающую память.

О. В. ЩЕРБАКОВ
Морской государственный университет им. Г. И. Невельского

В. К. АРСЕНЬЕВ И НКВД:
ПОСТАНОВКА И СНЯТИЕ СО СПЕЦУЧЕТА

Командный состав «красных», и особенно их особисты, занимая Приморье осенью 1922 г., отлично понимали что в губернии остаются тысячи политически колеблющихся личностей и прямых врагов новой власти. И уже в 1923–1924 гг. начали действовать белопартизанские отряды, состоящие из бывших военнослужащих царской и белогвардейских армий. «Народные защитники» уничтожали не только сторонников Советского государства, но и обывателей, мирных жителей, так как тем надоела война, они не хотели воевать ни за одну из сражающихся сторон.

Какая бы ни установилась власть после гражданской войны, на любую ложилась задача установления стабильности, недопущения новых вспышек резни. *Органы ОГПУ-НКВД реализовывали этот общественный закон.* В ходе данного объективного процесса В. К. Арсеньев и был поставлен на спецучет в названное ведомство. Наряду с отмеченными причинами постановки на учет у Арсеньева были причины, свойственные только ему. Если практически все офицеры были «ускоренниками», т. е. закончившими небольшой (ускоренный) курс обучения и ставшими офицерами после июля 1914 г. — начала перемалывающей мировой войны, — то Арсеньев уже в 1913 г. был подполковником. Кроме этого — большинство офицеров было уроженцами либо центральной России, либо они воевали, служили в других регионах империи, а потому не знали Приморья. Арсеньев службу в округе начал в 1900 г. и, будучи военным топографом, разведчиком, великолепно знал географию, включая тайные тропы в губернии. В течение долгих пяти лет (1917–1922 гг.) Арсеньев не поддержал Красную армию (как и другие формирования), не вмешивался в кровопролитие. Владимир Клавдиевич имел и широкий круг знакомых (в том числе за границей). Эти и ряд других процессов привели к тому, что Арсеньев и был поставлен на учет в ОГПУ.

Но уже в марте 1924 г. был снят с такового (относительно быстро). Некоторые же офицеры были арестованы. Но Арсеньев получил свободу передвижения и творчества. *Чем же это объясняется?* Прежде всего, тем, что Арсеньев

не вел антисоветской деятельности. Плюс к этому стало известно, что в апреле 1920 г., когда японцы начали массовые репрессии, практически против всех групп россиян (даже интеллигенции и тех же обывателей), Арсеньев предоставил карты одному из антияпонских отрядов, который довольно эффективно скрылся от противника, а потом воевал с интервентами.

В 1923 г. на Севере Арсеньев познакомился с командным составом отряда, боровшегося с белогвардейскими офицерами и рядовыми. Начальником штаба особого отряда был бывший офицер, ставший в 1920 г. коммунистом, Б. К. Рубцов (1899–1952). Командование отряда высоко оценило ту помощь, которую оказал бывший подполковник антитеррористическому отряду. Под влиянием старшего товарища Рубцов стал прекрасным преподавателем, ученым-востоковедом, журналистом. Арсеньев же помог данному отряду, прежде всего не в силу политических соображений, а потому, что бывшие офицеры уничтожали туземцев, среди которых были лично знакомые Арсеньеву охотники, проводники. Создаваемый хаос, кровопролитие мешали исследователю вести размеренную научную работу.

Дооктябрьские функции Арсеньева как «чиновника для особых поручений» генерал-губернатора теперь выполняли соответствующие краскомы и чекисты. Общность задач, опасность, которую несли японские войска и хунхузы (с ними воевал прапорщик Арсеньев еще в 1900, 1904–1905 гг.), все это сближало Арсеньева и пограничников, чекистов, защищающих границу. Несмотря на разницу в возрасте (Арсеньев для многих годился в отцы, а потому был в авторитете) и разницу в политических взглядах, *все эти люди были патриотами России и стремились к ее величию и мощи*. В частности, не прошло снятие с учета Арсеньева и без, по-видимому, ознакомления с его делом В. М. Зарубина (1884–1972), который с февраля 1923 г. был начальником экономического отделения, членом комиссии Примгуботдела ГПУ. При этом он отвечал, как ранее Арсеньев, за борьбу с контрабандой оружием, наркотиками. За отлично выполненную работу в те дни он был награжден серебряными часами отдела и серебряным портсигаром от Коллегии ОГПУ СССР. Учитывая такие черты характера Зарубина, как умение объективно разбираться в людях, быстро ориентироваться и принимать логические решения, он в сентябре 1925 г. был переведен в Москву (Иностранный отдел ОГПУ). Перед командировкой в США под «крышей» вице-консула СССР он имел личную установочную беседу с И. В. Сталиным. Благодаря Зарубину, его жене, завербованным ими агентам, СССР смог в кратчайшие сроки создать атомное оружие. Страны НАТО не посмели начать новую войну с СССР. Были спасены сотни миллионов людей в противоположных военно-политических блоках.

Почти одновременно с Зарубиным в экономическом отделе служил и А. Б. Грозовский (1901–1938). Он любил Дальний Восток, где жил с четырех лет. С 1922 года служил в чекистских органах. В 1924 г. защищал границу в Приморье. С 1925 г. — в Москве.

Задачу отобрать ценную информацию из клеветнической и пустой имел Б. Д. Богданов. В так называемые времена Арсеньева он явно выделялся во Владивостокском оперсекторе ОГПУ тем, что в отличие от многих чекистов имел

высшее образование, окончив Политехнический институт во Владивостоке. Подрабатывая журналистом и зная иностранные языки, имел большой круг знакомых среди журналистов, ученых, интеллигентов. В 1929–1931 гг. находился в служебной командировке на территории Китая. В июле-августе 1937 г. был начальником разведотдела УНКВД по Дальневосточному краю (ДВК).

С октября 1927 г. по весну 1935 г. границу Приморья защищал и А. С. Панюшкин (1905–1974). Именно он с 1939 г. являлся в Китае главным резидентом, которому подчинялись 12 ниженаходящихся. В 1947 г. именно он — при одобрении Сталина — возглавил объединенную систему всех спецслужб СССР. Но в 1948 г. это объединение было расформировано.

Среди чекистов было немало для того времени грамотных, а потому часто читающих работников. В ОГПУ шло создание И-АС (информационно-аналитической системы). В силу этого, в начале 1924 г. стало известно, что вышедшие книги Арсеньева «По Уссурийскому краю» (1921), и «Дерсу Узала» (1923) не защищают старый монархический строй. Эти книги и газетные статьи способствовали росту популярности старого интеллигента.

Многие чекисты знали, что ряд лидеров ВКП(б) и ОГПУ признают положительные заслуги норвежского исследователя Ф. Нансена (1861–1930). Он серьезно помог России во время голода 1921 г. Начиная с 1913 г., то ослабевая, то продолжаясь, существовала известная чекистам научная связь между двумя великими первооткрывателями.

Органы ОГПУ, несмотря на свою оперативную самостоятельность, контролировались определенными работниками ВКП(б). Приморскую организацию большевиков возглавляли Л. Н. Бельский (1889–1941) и К. Ф. Пшеницын (1893–1937). Позже Бельский, вернувшись вновь в чекистские органы, находился в месте с единомышленниками «не в ладах» с группой руководителей во главе с самим Г. Ягодой — Наркомом внутренних дел СССР. В 1930 г. Бельский (Левин) энергично выступил против фальсификации «политических дел» бывших царских офицеров, ставших в своей массе служащими и учеными. Летом 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) сурово осудило позицию Бельского, Мессинга, Евдокимова, поддержав Ягоду.

Еще в Приморье Бельский имел близкие деловые отношения с В. А. Каруцким, вскоре ставшим зам. начальника ПримОГПУ. Каруцкий был безусловно крайне противоречивым и совестливым человеком. Являясь отличным работником спецслужбы, он критически относился к происходящему: уже в конце 20-х годов, особенно после смерти жены, сильно пил. Пробыв всего несколько дней на ответственной должности начальника УНКВД столичной Московской области, Каруцкий покончил жизнь самоубийством (май 1938 г.). Видя перерождение Советской власти, покончил жизнь самоубийством и К. Ф. Пшеницын, объективность и доброту которого даже в 80-гг. XX века вспоминали ветераны труда. Многие из них, даже накануне смерти, не могли забыть обид, нанесенных им в юности. Но о Константине Федоровиче они вспоминали только положительное.

Покончил жизнь самоубийством и Я. Б. Гамарник (1894–1937). Именно он в 1923–1924 гг. возглавлял Приморский Губисполком, а с июня 1924 г. являлся

председателем Дальревкома (г. Хабаровск). Имея незаконченное высшее образование (он учился в Психоневролгическом институте и на юридическом факультете университета), Ян Борисович обладал не только верой в мировую революцию. Как показали последующие события, *во взглядах бывшего царского офицера и будущего начальника Политуправления всех родов «красных» вооруженных сил — было очень много общего.* Как патриот великой России Арсеньев (русский) еще в 1905–1906 гг. предлагал высшей администрации усилить колонизацию Приморья. В то время под этим термином понималось комплексное освоение региона при усилении обороноспособности и борьбе с хунхузничеством. При этом Арсеньев рекомендовал разнообразные виды помощи коренному населению — туземцам.

Монархия эти задачи решала крайне медленно, и это явилось серьезной причиной того, что Арсеньев без сожаления принял известие о гибели династии Романовых. Советская же власть к реализации названных эпохой задач (в том числе и Арсеньевым) приступила быстро, уже в конце 20-х гг. И уже в начале 30-х годов патриот великой России Гамарник (еврей) возглавил комиссию ЦК ВКП(б), которая реально, практически занималась ускоренным созданием экономики и обороноспособности на берегах Тихого океана. Именно Гамарник был одним из инициаторов строительства Комсомольска-на-Амуре с его ВПК. Ян Борисович курировал строительство цемзавода в Спасске-Дальнем — цемент в огромных количествах требовался для создания пограничных и береговых укрепрайонов. Немало положительного было сделано, особенно до 1937 г., для коренного населения ДВК.

Доклады Гамарника строились обычно на использовании широкого круга источников, включая работы Арсеньева, В. Л. Комарова и др. Важно отметить, что именно с 1923 г. Комаров энергично стал поддерживать одного из немногих комплексных исследователей, не иммигрировавших за границу. Он предлагал ценить Арсеньева.

В начале 1924 г. советская власть, устанавливая желаемый массами населения мир, жестоко наказывала бандитствующих офицеров старой армии, казаков и хунхузов. Твердость, и порой, жестокость проявлял начальник Примгуботдела ГПУ П. И. Карпенко (настоящая фамилия — Ринкман Давыд Давыдович, 1893–1938). Уже в детстве он испытал нищету, его семья была бедной. Он смог окончить только церковно-приходскую школу. Пройдя ужасы вражеского плена, он потерял от рук белогвардейцев и интервентов немало дорогих ему людей. У всех враждующих сторон было одно общее правило: «око за око, зуб — за зуб». *Это была психология той эпохи. Но, в отличие от своих противников, новая власть начала решать те проблемы, которые не могла решить власть «белого царя».* Для этого требовался мир и общественная стабильность. С учетом своей психологии создавал их Карпенко и его многочисленные единомышленники. В 1927 г. этот чекист был награжден орденом Боевого Красного Знамени. Еще в 1919 г. этим же орденом был награжден Ян Борисович Гамарник и после него — К. Ф. Пшеницын.

Именно в начале 1924 г., как никогда много обрушилось критиков на деятельность В. К. Арсеньева. Так, во Владивостоке было широко известно об об-

винениях, выдвинутых группой сотрудников ГДУ во главе с самим ректором В. И. Огородниковым (1886–1937?) в адрес Арсеньева. В финансовых махинациях обвинялся и ближайший родственник Арсеньева Н. М. Соловьев (1861–1932) — отец второй жены Владимира Клавдиевича, а кто-то из «активистов» прямо намекал, что оба мужчины действовали сообща в плане махинаций.

Еще более страшные обвинения выдвинул А. Н. Липский (Г. Д. Куренков, 1894–1973): Арсеньев, поддерживая связь с иностранцами, продал, дескать, в своих интересах в буржуазные страны ценные коллекции. Липский, как и группа Огородникова, доказывали, что бывший подполковник не является ученым.

При этом, ни в коем случае, нельзя отрицать, что Липский и Огородников были высокообразованными специалистами. Они также были талантливы. Огородников окончил Вятскую духовную семинарию (1906) и историко-филологический факультет Казанского университета (1911). В 22 года (!) получил золотую медаль за свою научную работу. Липский учился в Психоневролгическом институте в столице (1912–1915). По имеющимся сведениям, он и Гамарник учились в параллельных группах, но недолго. Столичный студент прошел серьезную школу в экспедициях по Алтаю, Монголии, берегам Амура. *Вот почему в 1917–1918 гг. ему дал положительную оценку даже Арсеньев.* С 1920 г. Липский — сотрудник ГПО ДВР. В 1924 г. А. Н. Липского уважали многие советские руководители: в 1923 г. Альберт Николаевич в трудных условиях севера во главе экспедиции подавил антисоветскую деятельность офицеров-белогвардейцев. В 1924, возглавив сложную операцию, ликвидировал мятеж на берегах Амура (район Тугура).

Делая свои заявления, Липский, почти весь 1923–1924 гг. провел в Хабаровске и, в лишенных связи, глухих районах Приамурской губернии. Многие его обращения адресовывались соответствующим чекистам в Хабаровск, а Владивосток, расположенный за несколько сот километров сам был, но другим (Приморским) губернским центром. Весь этот хаос и повлиял в марте 1924 г. на благожелательное для Арсеньева решение.

Характеризуя Арсеньева, его противники были правы в том, что Владимир Клавдиевич не только не имел специального образования, но и не обладал вообще высшим образованием. Он окончил только пехотное юнкерское училище (2 года). Арсеньев действительно поддерживал отношения с зарубежьем. И научные общества из Венгрии, Польши, США «за что-то» избрали его своим членом.

Но в марте 1924 г. в жизни Арсеньева были действительно те страницы, о которых он не хотел рассказывать мнительным чекистам. Еще летом 1900 г. отряд, в котором находился молодой офицер, принял участие в кровавом подавлении мятежа китайцев (среди них были ихэтуани). Беспорядки ликвидировались так же жестоко, как и действовали мятежники.

В начале 1911 г. штабс-капитан Арсеньев встретился и получил монаршью милость от «кровавого Николая II», как называли императора большевики.

Во второй половине 1911 г., 1912–13 гг. Арсеньев совершил две «особые экспедиции» по центральному Приморью и долине Тетюхе. Многого о них мы не знаем и сейчас. Но известно, что отряд Арсеньева (состоявший в основном

из городовых) арестовал в общей сумме более 1,5 тыс. людей. И это — в малозаселенных районах! Почти все арестованные и этапированные во Владивосток не имели никаких документов. Отряд уничтожил более ста лесных хижин и конфисковал у браконьеров добытый жемчуг, серебро, пушнину, женьшень. Эти экспедиции явились частью курса высшего руководства по ликвидации очередной волны социальных беспорядков. После расстрела мирной демонстрации на берегах Лены трудящиеся различных национальностей во Владивостоке, Уссурийске, Тетюхе высказали свой протест по поводу деятельности «людей в погонах». И опять (1911, 1912–1913) меч Арсеньева обрушился на китайцев, хоть и хунхузов.

В 1924 г. при Советской власти китайцы, особенно повстанцы, рассматривались как друзья и братья СССР.

После 1920 г., когда была установлена «полукрасная власть ДВР», а потом и Советская, Арсеньев помог тайно бежать за рубеж нескольким интеллигентам, а для этого убегающие нарушали границу.

Несколько раз Владимир Клавдиевич был на Камчатке и прилегающих районах. Видя тамошнюю ситуацию, он предполагал проводить в этом регионе несколько другую политику, чем на «материке». В его отряде, на Камчатке, были люди различных взглядов, в том числе атаман уссурийского казачьего войска А. Г. (Ю.) Савицкий (1864–после 1930). Эмигрировав, атаман занимал патриотические и антибольшевистские позиции.

Большинство вышеназванных, но различно трактуемых событий были неизвестны приморским руководителям в 1924 г. Многие большевики прибыли в Приморье после 1920–1922 гг., а к углубленному сбору информации местные чекисты только приступали (лишь после сбора этой информации и смены трезвомыслящих чиновников на преданных Аппарату и были выдвинуты обвинения в адрес Арсеньева: организация «Камчатской автономии» и т. п.).

Итак, в марте 1924 г. наряду с фактами о лояльности Арсеньева Советской власти были заявления граждан о почти противоположной позиции бывшего царского подполковника и его близких. И все же соответствующие работники приняли решение о снятии Арсеньева со спецучета в ОГПУ. Лишь позже стало твердо известно, что обвинения Арсеньева, Соловьева в хищениях и тому подобные — ложь. Следовательно, выходя из кровопролития гражданской войны, советские руководители с доверием отнеслись к исследователю. Не иммигрировавших ученых, даже на территории всей России, оставалось крайне мало, а на Дальнем Востоке еще меньше. Эту ситуацию понимали трезвомыслящие руководители. С апреля по июль 1924 г. именно Арсеньев был вызван в Читу (центр ДВК) и столицу СССР — Москву, где он заинтересованно решал актуальные проблемы с высшими руководителями народного хозяйства: Л. Б. Красиным и др. Можно предположить, что на мартовское снятие со спецучета повлиял вышеназванный вызов.

В. И. НЕСТЕРЕНКО
г. Владивосток

В. К. АРСЕНЬЕВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СУДЕБ РУССКОГО ОФИЦЕРСТВА

Несмотря на многочисленные публикации о В. К. Арсеньеве, в его жизни еще много неизвестного. Автор данной публикации утверждает, что огромную работу при этом проделали работники Приморского объединенного музея им. В. К. Арсеньева; А. И. Тарасова; А. Хисамутдинов и др. Но все же попытаемся исследовать одну из тех сторон жизни В. К. Арсеньева, которая, по- видимому, выпадает из поля зрения многих публицистов и ученых.

Часто В. К. Арсеньева называют путешественником и писателем. Поставим вопрос: как мог офицер старой имперской армии (где была высочайшая дисциплина) «путешествовать»? — Почему? За чей счет? В какое время?

В крепость Владивосток Арсеньев прибыл 5 августа 1900 года. После наблюдения за ним (проверки) он был назначен заведующим охотничьей командой полка. Этому решению способствовал тот факт, что начальство В. К. Арсеньева узнало о том, что молодой офицер проявил твердость и смелость при подавлении восстания их этуаней на берегах Амура в июле 1900 года. (Восстание подавлялось адекватно действиям мятежников — кроваво, вот почему свое участие в той компании Арсеньев не афишировал).

Охотничья команда полка занималась активной разведкой местности, составлением карт, охраной важных объектов и постоянно практической стрельбой (охотой на диких зверей). Во время войны с Японией и беспорядков первой русской революции Арсеньев был командиром уже двух конно-охотничьих команд, а потом всех четырех, имеющихся в крепости Владивосток. Вверенные ему «охотники» — так тогда говорили, и — выставляя пикеты, арестовывали подозрительных лиц, забирали оружие за незаконное хранение — всячески защищали крепость. В результате мер различных подразделений, японцы, хунхузы, не решились начать широкомасштабное наступление на территорию российского приморья. Был прекращен и хаос, беспредел революционных выступлений. (Стремясь представить тогдашнюю обстановку, отметим, что в Уссурийске — в соседнем городе — в августе 1906 года за «недостойное общение с нижними чинами», замешанными в нарушении дисциплины, был подвергнут суду офицерской чести фронтовик Д. М. Карбышев (1880–1945). На его груди ярким огнем горело пять орденов и три медали. Решением суда он был отправлен в отставку).

С августа 1903 года по октябрь 1907 года Арсеньев был награжден орденами Святой Анны четвертой и третьей степени, Св. Святослава второй и третьей степени, Св. Владимира четвертой степени, а также медалью. К тому же в марте 1905 года ему было присвоено звание штабс-капитана.

Учитывая те недостатки, которые проявились в системе российской разведки и контрразведки, их оперативной деятельности, обеспеченности картами в период войны с Японией, уже в 1905–1906 гг. началось совершенствование спецслужб. Именно в мае 1906 года и началась первая серьезная экспедиция Арсеньева. Ее основной задачей являлось: в ходе разведывательной деятельности собрать материал о неизученном регионе (массив Сихотэ-Алиня). Это было вызвано необходимостью укрепления обороны центральных районов губернии, если туда бы прорвался вражеский десант, высадившийся на побережье. Второй задачей похода являлась активизация колонизации Приморья. В то время под этим термином понималось комплексное освоение региона, как фактора обеспечивающего национальную независимость императорской, великой России.

Какие сведения заносил Арсеньев в свой дневник?

Проходимость дорог, крутизна склонов, расположение болот, характер рек и троп. Топонимические сведения он писал на нескольких языках: по-русски и на национальных языках (удэгейском, китайском и т. п.). В дневнике был и раздел «Сведения о японских шпионах» где были сведения: *«Не заходили ли японцы в данные местности, что здесь делали, о чем выспрашивали, чем интересовались, не проводили ли съемок, откуда пришли, куда отправились»*. И обратим внимание: «Способы выполнения ими своих задач». Вывод ясен: ***Перед нами записи самого настоящего контрразведчика***.

Все последующие экспедиции также в первую очередь включали военно-разведывательные или ***особые, специальные задания***. В апреле–мае 1911 года в Китае произошла вспышка убийств, грабежей и «желтого» расизма — все это явилось началом Синхайской революции. Названные события не могли не привести в движение и «русских китайцев». Во главе особого отряда (он был таковым, включая в себя, прежде всего полицейских) Арсеньев дважды «гонял хунхузов». Первый раз во второй половине 1911 года, второй раз с апреля 1912 по январь 1913 года.

Анализируя второй поход Арсеньева, обычно откровенно называемый «особый», у исследователей выпадает из внимания процесс, начавшийся с января 1912 г., на приисках сибирской реки Лена. В социальном плане сложилась там та взрывоопасная обстановка, о которой предупреждались губернаторы и полиция соседних регионов. Было ясно, что в силу профессионального товарищества горные рабочие и строители близлежащих районов могли поддержать «ленцев». Так, на тогда строящейся Амурской железной дороге в ноябре 1907 года произошла стачка. В апреле и мае «беспорядки» были уже на трех станциях. В мае 1910 г. они охватили уже восемь участков строительства, где находилось более 6 000 трудящихся. Этот протест был подавлен полицией и войсками. Именно в те дни, находясь в невыносимых условиях, каторжник Г. Котовский сбежал с Амурки.

В феврале 1912 года Арсеньев, согласно приказу, совершил как «особо порученец Приамурского генерал-губернатора» командировку в район пограничной реки Биры, где и находились недовольные железнодорожники и рабочие приисков. «Особо порученец» решал какие-то задачи «по рабочему вопросу». Сведений об этой командировке мало. Известно, что во время этой поездки им были

сделаны многочисленные диапозитивы и карты. И довольно объективно Арсеньев описал полунищее положение люмпенов (рабочих) и сельчан в этом районе. О содержании публичного (научного) отчета — известно, но практически ничего неизвестно о содержании служебного отчета.

За несколько сот верст от Амурской железной дороги 4 апреля 1912 года была расстреляна мирная демонстрация горнорабочих на берегах Лены. Свыше 500 человек — среди них были и маленькие дети — были убиты и ранены.

Узнав о злодеяниях царской полиции и военнослужащих, свой протест выразили россияне самых различных групп населения и национальностей. В апреле учащаяся молодежь Москвы и Владивостока эмоционально критиковала «людей в погонах». Подобные высказывания были и у печатников Благовещенска, Хабаровска, Владивостока. Взрывоопасная ситуация в плане общественного порядка существовала в долине реки Тетюхе. Напряженность то усиливалась, то ослабевала. Вызывали тревогу и другие районы центрального Приморья. Вот почему почти поспешно Арсеньев из Хабаровска перебрасывается во Владивосток, а оттуда в приморское село Кремово, откуда он и начал 22 апреля свой второй «особый» поход — в центральное Приморье. Именно оно явилось фокусом почти всех противоречий тех дней: здесь крайне активно волновались горнорабочие на приисках (профессионалы из их числа почти полностью состояли из славян), а вокруг этих приисков скрывалась кобылка (полу-уголовные личности), почти сплошь состоящая из «желтых».

В центральном Приморье, следовательно, сложился клубок национальных, классовых, расовых и даже государственных противоречий. С апреля по август была задержано почти одна тысяча лиц, вызвавших в отряде те или иные подозрения. Отряд же был, как и в 1911 году, особым, то есть он прежде всего включал в себя городовых и лесников. Но специально, лавируя и маскируясь, его командный состав сообщал местным гражданам, что они ведут археологические и этнографические исследования. В той или иной степени это было верно. Участниками похода был собран уникальный материал.

В долине Тетюхе (в августе) отряд разделился. Арсеньев продолжил движение по долине, а А. А. Шильников с остальными полицейскими отправился по долине реки Тадуши. Затем обе партии встретились в бухте Св. Ольги. Во Владивосток они отправили еще 250 задержанных. Дело в том, на Тетюнских рудниках уже тогда добывали огромное количество серебра, в реках — жемчуга. В результате — в наши дни жемчуга нет. Большинство из задержанных и были беспощадные браконьеры, но среди задержанных были самые настоящие хунхузы.

Далее Шильников обследовал долину реки Хусуна, а оттуда пошел в Ольгу и на р. Сучан, где и закончил свой маршрут. Арсеньев же пошел в верховье Абакумовки, а оттуда — в пограничную Иманскую долину. Именно в ней еще в 70-е годы XIX века возникло «Гун и Хуэй» («Общество единомышленников»). Оно почти полностью состояло из китайцев, не имеющих российского гражданства. Они занимались контрабандой. Имели постоянные связи с заграницей. Их деятельность стала представлять опасность для самих россиян. Вот почему «Гун и Хуэй» в 1907 году официально было запрещено. И с 1907–1908 гг. началась

его ликвидация — именно в это время в долине Имана Арсеньев побывал в первый раз (это было, по-видимому, ознакомление).

В январе же 1913 г. Арсеньев в этой долине появился неожиданно и энергично. Оставив отряд только с одним проверенным спутником Петровым, он начал инспекцию на золотом прииске Седатун. Лишь после этого подошел отряд. Общими усилиями было задержано 16 лиц, а остальные (это в январские морозы) скрылись. В верховьях Имана отряд уничтожил 36 лесных хижин, почти каждая из которых была лесной базой.

29 января 1913 г. Арсеньев телеграфировал Н. Л. Гондатти: *«Экспедицию закончил...»* Обратим внимание на следующие слова телеграммы: *«Люди отлично работали... Прошу разрешения дать городовым месячный отдых. К составлению отчета приступил. Капитан Арсеньев»*.

Обратим внимание также и на то, что в течение 1912 г. в населенные пункты центрального Приморья и к Тетюхе были подтянуты (или демонстративно прошли через них) казаки, полицейские и даже войска. Отряд Арсеньева, говоря языком XXI века, вел зачистку горно-лесных массивов. В результате различных мероприятий, а не только использования силовых мер, ситуация в интересах империи и мирного населения улучшилась.

Одной из причин успеха «особых» командировок Арсеньева являлась та секретность, которую стремились соблюдать участники его отряда как во время подготовки, так и во время движения по социально напряженным районам. Аресты подозрительных личностей и уничтожение лесных хижин происходили обычно после тех сведений, которые предоставлялись информаторами и проводниками отрядов. Среди них были: удэгеец Сале (1911 г.), пристав К. И., удэгеец Сунцай Геонка (1912 г.), китаец Чжан Бао (1912 г.) и другие. Некоторые из них погибли при «таинственных обстоятельствах».

Рысканье такого отряда по местности, где находилось психически наэлектризованное население, нельзя было скрыть. И, как это положено в разведке, была найдена «крыша» (занятие этнографией и археологией). Даже спустя полвека брат В. К. Арсеньева, Александр Клавдиевич, принимавший участие в походе 1912 г., называл его «экспедицией по изысканию старинных памятников с целью изучения древнейшей истории Уссурийского края».

Обращает на себя внимание тот факт, что во время этого «изучения» края Арсеньев и его приставы стремились поддерживать постоянную связь с Владивостоком и Хабаровском, а тамошнее начальство — с отрядом.

Профессионализм Арсеньева выразился и в том, что для ликвидации напряженности и условий, при которых контрабандисты и вражеские лазутчики могли бы найти себе опору в местном населении, в своем докладе генерал-губернатору предложил наделить инородцев (полукочевников), живущих в этих стратегически важных районах, «землею наравне с крестьянами» и также образовать «особый инородческий участок». Наблюдение и оперативный контроль в таком случае были бы для империи облегчены. Важно отметить, что Арсеньев в отличие от других работников спецслужб (отличающихся склонностью к использова-

нию силовых методов!) предложил и ненасильственные, экономические меры. Некоторые из них были реализованы.

Еще одним результатом «особых экспедиций» явилось издание двухтомника «Краткого военно-географического и военно-статистического очерка Уссурийского края», изданного (обратим внимание!) штабом Приамурского военного округа. В течение нескольких десятилетий этим изданием пользовались военные различных родов войск, и, если доставалось заполучить — геологи, торговцы.

Именно накануне Великой войны (так называли кадровые офицеры Первую мировую войну) на вдруг известного, даже в столице империи, Арсеньева обрушилась волна наград. 5 февраля 1911 г. в столице России ему была преподнесена на память серебряная медаль. В феврале 1912 г. — он награжден малой серебряной медалью ИРГО. В апреле 1912 г. ему было присвоено воинское звание капитана. Но прошел только год (!) и он стал подполковником (май 1913 г.). В сентябре того же 1913 г. в ознаменование 300-летия дома Романовых В. К. Арсеньев награжден золотой медалью.

Член Государственного совета великой империи, генерал П. Ф. Унтербергер (ранее — генерал-губернатор Приамурского края, немец по происхождению, а к ним с симпатией относились члены семьи Романовых) добился в начале 1911 г. у Николая II официального разрешения, чтобы Арсеньев вне зависимости от воинской службы мог совершать интересующие его путешествия.

Заострим внимание на том факте, что подполковник Арсеньев был отправлен на фронт. Но в г. Ачинске (май 1917 г.) был снят с поезда — и снят-таки при участии Унтербергера. Еще до производства в подполковники Арсеньев имел за год оклад в размере 4800 рублей, плюс неофициальные и официальные льготы, надбавки.

Осенью 1914 г., когда шли ожесточенные бои с германцами, и турками и действовали законы военного времени, разгорелся спор, скорее — личностный конфликт между молодым 32-летним подполковником Арсеньевым и 54-летним генерал-губернатором огромнейшего Приамурского края Н. Л. Гондатти. Гондатти уже тогда пользовался известностью у дипломатов, генералов Японии, Германии, Китая. И все же почти во всех аспектах Николай Львович вынужден был уступить офицеру, который годился ему в сыновья.

В 1916–1917 гг. финансовое положение Арсеньева ухудшилось. Но это произошло у миллионов россиян: монархия вела войну со своими противниками.

Приблизительно со второй половины 1912 г. до последних чисел 1916 г. Арсеньев являлся «чиновником особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе». Одной из основных его задач было — выявление и борьба с иностранными подданными, оказавшимися на территории России без соответствующих документов. Поэтому ему приходилось контактировать с начальником разведотделения (А. А. Аппельгреном) и начальником контрразведотделения (А. А. Немыским) штаба Приамурского военного округа.

Критическое отношение Арсеньева к власти постепенно нарастало, и вряд ли оно не было известно местным чиновникам. К тому же со многими у Арсеньева был конфликт: те не могли профинансировать ни издания книг, ни экспедиций, ни

обеспечивали продуктами питания туземцев. Немало старших офицеров за свои оппозиционные взгляды было отправлено в отставку.

Но эта тенденция ни до, ни после Февраля не коснулась подполковника Арсеньева. Возникает вопрос: ***почему?*** Остроту этого вопроса усиливает рапорт Арсеньева, согласно которому он сам ушел в отставку в середине октября 1917 г. Позже, в советское время этот факт часто трактовался, как протест против политики правительства Керенского.

Уже во время первых докладов Арсеньева начальнику штаба с 1902–1913 гг. Владивостокской крепости барону, генералу А. П. Будбергу и генерал-губернатору Приамурья (с 1905–1910 гг.) П. Ф. Унтербергеру между ними и молодым офицером сложились перспективные служебные и личные отношения. Они заметили талант уроженца Петербурга. Каждый из генералов с любовью вспоминал столицу, где у них прошла юность. К тому же, ***у них была однотипная микроструктура мышления:*** оба генерала были немцами, а дедом Арсеньева по отцовской линии был Т. (Ф.) И. Гоппмайер. Но учитывая, что этот управляющий имением не захотел дать свою фамилию сыну и потомкам, то они получили фамилию по имени крестного отца (Арсеньева).

Обе бабушки Владимира Клавдиевича говорили по-немецки (один из читаемых философов Арсеньевым был немец А. Шопенгауэр), и они прививали юноше добропорядочные черты характера. Унтербергер был в неплохих отношениях с Великим князем Георгием Михайловичем. При его участии приамурец был представлен самому императору России. 26 марта 1911 года «по высочайшему повелению» Арсеньев переведен на гражданскую службу с сохранением военного чинопроизводства.

9 апреля 1911 года принят закон и 4 июня того же года положение о контрразведывательных отделениях военных округов востока России. Начальниками КГО штаба приамурского округа с июля 1911 по февраль 1918 последовательно были Е. Л. Белоручев, В. В. Феошин, А. А. Немысский. Поддержка, которую Арсеньеву оказали военные лица России, явилась некоторой индульгенцией для его последующей деятельности. Они оценили в этом офицере интеллектуальную исполнительность, отвагу и черты разведчика.

Отвечая на вопрос: «Кто же Вы, подполковник Арсеньев?» — Можно ответить: военный топограф, разведчик, писатель.

Принадлежность Арсеньева к спецслужбам обычно замалчивалась, а то и отрицалась. В какой-то степени это связано с тем, что система военной разведки и контрразведки в приамурском округе возникла уже тогда, когда Владимир Клавдиевич прослужил немало лет. Он был работником специфического и высокого уровня, являясь «чиновником особых поручений при генерал-губернаторе». В функции этого чиновника и входили задачи разведки и контрразведки. Вполне понятно, что в годы советской власти сам Арсеньев и его близкие старались не вспоминать, как они решали те задачи, в том числе походы 1911, 1912–1913 годов. И этому не стоит удивляться — «особые поручения» выполняли даже великий русский писатель И. Тургенев, создатель всемирно известной таблицы Д. Менделеев и др.

Ю. А. ЯРОЦКАЯ
Дальневосточный государственный университет

БРЕМЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА — РАЗМЫШЛЕНИЯ В. К. АРСЕНЬЕВА И Р. КИПЛИНГА О ТОМ, «КАК УБИЙСТВЕННО МЫ ЛЮБИМ»

Объектом нашего исследования и сопоставления являются рассказ Р. Киплинга «Жизнь Мухаммед-Дина» и фрагмент из произведения В. К. Арсеньева «В горах Сихотэ-Алиня» — новелла, посвященная судьбе одного из первых исследователей Приморья Гроссевича.

Воспоминания родных Владимира Клавдиевича свидетельствуют о том, что Киплинга он называл одним из своих любимых авторов. Известно увлечение семьи Арсеньевых книгами о путешествиях, идущим от отца писателя, Клавдия Федоровича. Он, как свидетельствует семейная история; был чиновником, человеком домашним, но служившим на железной дороге. Зато трое его сыновей немало путешествовали по свету.

Книги Киплинга могли заинтересовать Арсеньева не только описанием далекой земли или романтикой. Скорей всего он обнаруживает в творчестве английского писателя мысли, которые волнуют и его самого. Для всего мира Арсеньев и Киплинг являются людьми необыкновенными, европейцами, проведшими жизнь вдалеке от родной цивилизации. Оба много общались с дикарями, что делает их еще более экстравагантными для белых читателей.

Известно из писем Арсеньева и дневников Пришвина, каким чужеродным был писатель для своих столичных коллег. Экзотичные для всего европейского мира, Арсеньев и Киплинг были братьями по крови друг для друга.

Европеец и дикарь: противопоставление культуры и варварства, просвещения и невежества, истинной веры и мракобесия. Предшественник и вдохновитель Арсеньева Пржевальский считал, что аборигенам Дальнего Востока большее влияние европейцев пошло бы на пользу. Для Арсеньева и позднего Киплинга эта мысль не является аксиомой. Скорей наоборот, жаль, что слишком повлияли.

В центре повествования обоих произведений — взаимоотношения коренных жителей и пришельцев. Любопытно, что история топографа Гроссевича — практически единственный подробный рассказ о судьбе европейца на страницах книг В. К. Арсеньева. Это реальное историческое лицо. Судьба этого человека потрясла писателя. В одном из своих ранних отчетов он упоминает о топографе, говоря о том, что первые исследователи дальневосточных земель совершали путешествия в тяжелейших условиях. Эти люди достойны вечной памяти и глубокого уважения, считал В. К. Арсеньев.

Писателя и его героя многое сближает. Оба они петербуржцы, топографы, оба попадают на Дальний Восток в молодом возрасте (Арсеньев — в 28,

Гроссевич — в 19 лет), оба живут то в Хабаровске, то во Владивостоке. Как и Арсеньев, Гроссевич совершает путешествие с целью нанести на карту районы, доселе неизученные. Арсеньев пишет, что топограф умер в Хабаровске в 1917 г., этим годом писатель датирует окончание своей первой книги «По Уссурийскому краю». Создается впечатление, что к концу жизни Арсеньева история топографа приобретает для него новое значение.

«В горах Сихотэ-Алиня» — позднее произведение писателя. Ко времени создания этой книги Арсеньев наблюдал уже распад того уклада жизни аборигенов, который он застал в Приморье и Приамурье в начале XX века. Для писателя это было тяжело, тем более что сам он немало сделал для колонизации края, объективно способствуя уничтожению столь любимой им аборигенной культуры. Он воспринимает историю Гроссевича через призму своей судьбы, в короткой новелле выражает горький итог своей жизни. Многие мотивы новеллы встречаются уже в книгах «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Но если в этих произведениях автор пишет о своих наблюдениях и предположениях, то в книге «В горах Сихотэ-Алиня» он ставит точку в этих размышлениях, худшие его предположения к тому времени уже сбылись.

В книге «По Уссурийскому краю» Арсеньев пишет: *«Этот дикарь был гораздо человеколюбивее, чем я. Забота о путнике!.. Отчего же у людей, живущих в городах, это хорошее чувство, это внимание к чужим интересам заглохло, а оно, несомненно, было ранее»* [1]. В истории Гроссевича эти размышления получают свое развитие. Европейцы, солдаты Гроссевича, в глухой тайге грабят своего командира, пока он спит, уносят не только деньги, но и всю его одежду, т. е. оставляют его на верную смерть. Экстремальная ситуация — совместное путешествие по нехоженым местам — не сплачивает европейцев, наоборот, она выявляет их стержень — страсть к деньгам и жестокость. Они бросают «своего», не имея к такому же русскому человеку, как сами, чувства родственной близости. В европейской культуре человек отделился от Бога, природы, семьи. Идет, по выражению Гоббса, «война всех против всех». Эту войну европеец ведет везде. Даже в таком неподходящем месте, как тайга, дикая природа, которая сама жестока по отношению к человеку, что заставляет аборигенов сплачиваться и проявлять «заботу о путнике».

Характерно поведение Гроссевича в стойбище спасших его удэгейцев — вначале он считает себя пленником, не подозревая за дикарями способности к гуманизму. Вспомним, что в книге «По Уссурийскому краю» главный герой до встречи с Дерсу был уверен — чувство гуманизма свойственно только цивилизованным людям. Его удивляет открытие, что дикарь гораздо человеколюбивее, чем он сам. Русские, пришедшие искать топографа, так же полагают, что удэгейцы удерживают его силой.

Находящийся среди чужого народа, Гроссевич имеет возможность сравнить обычаи своей культурной родины и дикарей: *«Он увидел, что люди эти живут мирно, тихо и не ссорятся между собой. Его поразил тот патриархально-родовой строй, при котором все заботились о вдове и ее детях, как о своих родных. Он неоднократно видел собрания стариков, на которых они спокойно и терпеливо выслушивали реплики подростков. Он видел, что молодежь в то же время слушалась советов стариков. Его одноплеменники искали его смерти, бросили его на произвол судьбы, а эти люди спасли его, вылечили и одели. Он решил никогда не возвращаться к своим и навсегда остаться с удэхейцами»* [2, с. 128]. Конечно, Гроссевичу некуда идти, но и во время набега на стойбище русских он предпочитает оставаться на стороне удэгейцев.

В письме 1927 г. Арсеньев пишет: *«Большие города и столицы меня не прельщают, чем меньше людей, тем лучше, а где их совсем нет — там рай. Есть ли это усталость, навеянная революцией, или это стремление быть ближе к природе есть результат возраста — быть может то и другое?*

Каждый раз, возвращаясь из тайги в город, я начинаю всего бояться: телефона, телеграммы, служебного пакета, постороннего человека... Потом, месяца через два опомнишься немного и тогда перестаешь опасаться всех прелестей городской цивилизации» [3].

Враждебность городской среды человеку, уродующее влияние города на человеческую личность Арсеньев остро чувствовал, вероятно, еще в Петербурге, недаром он не принял должность в столице и предпочел вернуться на Дальний Восток. Как и Гроссевич, познав аборигенную культуру, он решает дело в ее пользу — отныне судьба его определяется тягой к лесным людям.

В деле спасения Гроссевича русские показывают себя не лучшим образом: они хитростью выманивают удэгейцев из укрытия, нападают на них, ведут себя в стойбище агрессивно, распоряжаясь в чужом доме по-хозяйски. Арсеньев изображает не впервые эту черту европейцев — считать себя выше любого иноверца, присваивать себе право распоряжаться судьбой другого народа. Вспомним старовера из ранних произведений автора, того, который утверждал, что у Дерсу не душа, а пар. Эта позиция вызывает неприятие писателя.

Трагедия Гроссевича состоит в том, что он погубил племя, которое спасло его: *«Удэхейцы на реке Ботчи вымерли, но среди соседей их на Копи и Самарге долго еще ходили рассказы о том, как „омо лоца" (один русский) попал к удэхейцам и как от него погибло все стойбище»* [4].

Арсеньев сам пережил подобную трагедию. В 1929 г. он писал В. Г. Богоразу: *«Дерсу действительно погиб только потому, что я увел его из тайги в город. Я до сих пор не могу себе этого простить»* [5]. Писатель создает образ героя, всю жизнь страдающего от незаживающей раны. Героя, невольно погубившего тех, кого любил. Это тоже черта европейца, его проклятие. Сила разрушения, которая присуща его цивилизации, не подчиняется ему, даже не желая того, он уничтожает.

В новелле заметна склонность Арсеньева к притче, символу. Частная история осмысляется автором как лаконичное выражение коллизии собственной судьбы и шире — сущность европейской модели мира.

Маленькая новелла Киплинга «Жизнь Мухаммед-Дина» также похожа на притчу. Мы полагаем, что в образе ребенка воплотился известный европейский взгляд на дикаря, как на дитя. По представлениям Монтеня и Руссо, дитя безгрешное, живущее по разумным законам природы, не знающее порока. Арсеньеву подобное

восприятие туземцев было чуждо. Нравственность, культура и гуманизм аборигенов появились под влиянием тяжелых условий жизни. Он мудрее европейца, «старше». Дерсу говорит о солдатах: *«Какой народ... Так ходи, головой качай, все равно, как дети... Такие люди в сопках живи не могу — скоро пропади»* [6].

Но оба писателя сходятся в том, что нецивилизованные люди (если называть цивилизацией европейский путь развития) привлекательны в своем отличии от европейцев. Они люди. Недаром маленький герой Киплинга заявляет: *«...я не бадмаш. Я мужчина»* [7].

В новелле Киплинга два главных героя — повествователь и ребенок-индиец. Действие происходит в Индии, но автор подчеркивает, что на своей земле ребенок — чужой, бесправный, зависящий от прихоти сахиба. Брезгливый сахиб терпит его из жалости, постепенно проникаясь любопытством. Как и героям Арсеньева, этому европейцу неведомы сомнения относительно того, имеет ли он право распоряжаться на чужой земле, казнить и миловать чужой народ. Вероятно, таким был и сам автор в начале своего пути — Киплинг периода «Бремени белого человека»:

Неси это гордое бремя —
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли —
На каторгу ради угрюмых
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей.

Но маленький ребенок, играющий по милости сахиба в саду, занятый «какими-то своими таинственными заботами», вдруг стал привлекателен для европейца. При первой встрече с ребенком, который размечтался, как о сокровище, о треснутом шаре для поло, принадлежащем хозяину, повествователю хочется одного — поскорей от него избавиться. Белый человек вызывает у ребенка страх, который описан немногими, но сильными словами: *«Я вошел и перепугал его до полусмерти»* [8]. Потом он испытывает потребность во встречах с Мухаммед-Дином.

Место обитания малыша — потаенные уголки сада, его игры в одиночестве, его необыкновенные постройки, выполненные с применением ненужного, испорченного шара для игры в поло (как мало ему нужно для счастья) — создают образ чудесный и загадочный. Но несмотря на искреннюю симпатию к мальчику, «небеснорожденный», пусть и случайно, рушит его создание. С момента встречи героев Мухаммед-Дин второй раз льет слезы из-за хозяина, притом что тот вовсе не желал мальчику зла.

Хрупкий, чувствительный, живущий в мире фантазий, одинокий ребенок-туземец дорого заплатил за общение с белым: *«Спустя неделю я встретил Имам-Дина (хотя дорого бы дал, чтобы избежать этой встречи) на дороге к мусульманскому кладбищу. В сопровождении еще одного человека он шел и нес на руках белый полотняный сверток — все, что осталось от маленького Мухаммед-Дина»* [9].

Как и удэгейцы в произведении Арсеньева, ребенок умер от инфекции, источником которой, вероятно, был его хозяин. Несентиментальный доктор объявил, что причина случившегося — отсутствие сопротивляемости.

За пределами европейской цивилизации, по мысли Киплинга, есть иная культура — прекрасная, непонятная и хрупкая. Самые счастливые дни для обоих героев — те, когда они только издали приветствовали друг друга (причем белый возвышался над ребенком на лошади). Ребенок оказывался пострадавшим после каждого проникновения в его мир белого и умер после того, когда сахиб подарил ему раковину. Он не выдерживает столкновения с белым, не имеет сопротивляемости. Уходя, он уносит с собой свою тайну, образ мира, свойственный только ему. Желание принести добро людям другой культуры, «поднять» их до своего миропонимания — неразумно и пагубно. Ведь чужая культура европейцам непонятна, стремясь к добру, они совершают зло. Благими намерениями выстлана дорога в ад.

Будучи, условно говоря, полевиками, вживую соприкоснувшись с чужим миром, оба писателя приходят к мысли о «законности» существования разных культур на земле. Для Арсеньева аборигены, по его собственным словам, — друзья и учителя. Киплинг, по крайней мере, в данном произведении, придерживается позиции старшего по отношению к туземцам. Его мнение — надо позволить им жить своей жизнью, они — прекрасные дети. В этом смысле интересен эпиграф к рассказу, взятый из «Муничандры»: *«Какой человек называется счастливым человеком? — Тот, у кого в доме бегают, падают и плачут перепачканные малые дети»*. Как писал Александр Потебня: *«Если бы объединение человечества по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы гибельно для общечеловеческой мысли, как замена многих чувств одним, хотя бы это одно было не осязанием, а зрением. Для существования человека нужны другие люди; для народности — другие народности»* [10].

Мысли писателей о разрушительном творчестве европейской цивилизации, необходимости национальной полифонии на планете особенно актуальны сейчас — когда наша собственная культура может проявить отсутствие сопротивляемости.

Примечания

1. ***В. К. Арсеньев.*** *Сочинения в шести томах, «Примиздат», Владивосток, т. 1, с. 18.*
2. ***В. К. Арсеньев.*** *Сочинения в шести томах, «Примиздат», Владивосток, т. 3, с. 128.*
3. *ПГОМ им. В. К. Арсеньева, архив А. И. Тарасовой.*
4. ***В. К. Арсеньев.*** *Сочинения в шести томах, «Примиздат», Владивосток, 1947, т. 3, с. 130.*
5. *ПГОМ им. В. К. Арсеньева, архив А. И. Тарасовой.*

6. *В. К. Арсеньев. Сочинения в шести томах, «Примиздат», Владивосток, 1947, т. 2, с. 81–82.*
7. *Библиотека всемирной литературы. Серия вторая. Том 118. Оскар Уайльд. Стихотворения. Портрет Дориана Грея. Тюремная исповедь. Редьярд Киплинг. Стихотворения. Рассказы. Изд., «Художественая литература», М., 1976, с. 437.*
8. *Там же.*
9. *Там же, с. 439.*
10. *А. А. Потебня. Эстетика и поэтика. М., 1976, с. 229.*

Л. А. МИШИНА
Приморский государственный объединенный музей имени В. К. Арсеньева

ОБРАЗ В. К. АРСЕНЬЕВА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Популярность и известность Владимира Клавдиевича Арсеньева всегда привлекала внимание исследователей. Многочисленные публикации, раскрывающие разностороннюю его деятельность как ученого, писателя и путешественника носили, в основном, повествовательный характер.

Закономерно, что в изобразительном искусстве творческий процесс создания художественного образа начинался гораздо позднее и проходил свои этапы. Среди приморских художников, кто проявил интерес к яркой и неординарной личности, был Василий Григорьевич Шушунов (1866–1921 гг.). Ученик И. И. Шишкина, выпускник Академии художеств (Санкт-Петербург), жил в г. Уссурийске, преподавал в гимназии и был первым профессиональным художником Приморья. Сюжет его графического рисунка «Арсеньев и Дерсу в тайге» (бум. кар. 97х64. МПК 4277–1. Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева), вероятно, навеян литературным произведением «По Уссурийскому краю» (В. К. Арсеньев, 1921). Образ знаменитого путешественника явно напоминает персонаж из книг известных писателей (Вальтер Скотт, Фенимор Купер). Художник использует композиционный прием (спиралевидное движение от верхнего угла до нижнего края, пробелы гуаши), который придает особую выразительность динамике сюжета. Небольшой отряд во главе с Владимиром Клавдиевичем спускается по крутому склону горы. При этом мотив для создания образа носит иллюстративный характер.

Лаконичность сведений определяет трудности при создания образа. В целом же, как пишет В. П. Копнин, *«Образование художественного образа происходит действительно по общим законам движения познания. А если так, то художник исходит не из готовой идеи, которую воплощает потом в чувственный об-*

раз, а из имперического материала, из наблюдений над жизнью людей в природе и обществе» [1].

Следует отметить, что у приморских художников важным звеном являлось — воображение, ассоциации и представление, а источником информации стали фотографии, литературные, документальные материалы и воспоминания современников.

Н. А. Кановер, работавшая с В. К. Арсеньевым в 1929–1930 гг. в Приморском филиале Географического общества, вспоминала: *«...к концу рабочего дня в музее, Владимир Клавдиевич часто начинал рассказывать отдельные эпизоды из своих таежных походов. Рассказчиком он был замечательным, и никто не замечал, как за ними проходил порой час, а порой и больше — все забывали даже об обеде. Умел Владмир Клавдиевич и слушать, и его интересовало все с одинаковым вниманием...»* [2].

Образ великолепного собеседника передает художник Н. А. Мазуренко (1916–1982 гг.), который в 1951 году написал небольшой эскиз к картине «Арсеньев и Д. Узала» («Вышли к морю», к. м. 51х28. МПК 9478–1. ПГОМ). Дерсу внимательно слушает увлекательные рассказы Владимира Клавдиевича. Ведущая роль в картине отведена пейзажу. Спокойная гладь моря, горные склоны покрыты лесом с первыми признаками ранней осени, вечернее солнце освещает фигуры В. К. Арсеньева и Д. Узала, сидящих у небольшого костра. Автор стремился передать единство природы и человека. К этой теме он вновь вернется в 1987 году. В сложной технике пастели им будет выполнен знакомый сюжет, где эпический пейзаж обозначит масштабность известных персонажей («В. К. Арсеньев и Д. Узала». к. п. 70х103. МПК 16487. ПГОМ).

Образ В. К. Арсеньева дополняют воспоминания И. Васьковского, который был знаком с ним с 1918 по 1930 гг.: *«Как лектор Владимир Клавдиевич был не превзойден. Слушать его доставляло большое удовольствие. Владимир Клавдиевич был в высшей степени трудолюбивый и аккуратный человек. Днем он добросовестно выполнял свои служебные обязанности. Вечером обязательно делал доклад или читал лекцию, где-нибудь в клубе учителей, моряков, в географическом обществе или занимался в одном из учебных заведений Хабаровска или Владивостока. К лекциям Вл. Кл. готовился во всякий свободный промежуток времени — или в дачном вагоне и в трамвае и, даже идя по улице города. Он ухитрялся записывать в книгу, и карандашом заносить что-то в свой конспект или блокнот»* [3].

Обаяние личности В. К. Арсеньева оставило заметный след и в творчестве известного приморского графика — В. С. Чеботарева (1928 г. р. Член Союза художников РФ). В процессе выполнения заказа Приморского книжного издательства на оформление книги В. К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края», художник активно изучал материалы музейных коллекций. Литературное творчество писателя также произвело на него глубокое впечатление. В течение 1963–1966 гг. им были созданы цветные линогравюры: «Отряд с вьючными животными в буран» (бум. 62х40. 1963. КП-1407. Г-34. Приморская картинная галерея), «Дерсу и Арсеньев в походе» (бум. 62х40. 1963. МПК 5175–4. ПГОМ), «Арсеньев и Дерсу» (бум. 62х40. 1966. КП-1358. Г-15. ПКГ). Несмотря на условность графического

изображения, автору удалось преодолеть иллюстративность и придать самостоятельность каждому произведению. При этом образ Арсеньева приобретает черты неутомимого путешественника. В дальнейшем, выполняя заказ музея, художник несколько иначе воссоздает знакомый образ. Используя возможности смешанной техники (пастель, уголь, гуашь), он пишет портрет В. К. Арсеньева в военной форме (фр. кар. 68х46. 1985. МПК 16476. ПГОМ). Созданный им портрет участника двух войн, современника трех революций, имеющего немало выдающихся наград, станет одним из самых содержательных произведений.

Особое место в создании художественного образа займет портрет В. К. Арсеньева (х. м. 98х80. 1968. НВ 7536–1. ПГОМ), написанный Ю. С. Рачевым (1929 г. р., Член Союза художников РФ). Основанием для передачи портретного сходства послужили фотоматериалы коллекции из фондов музея имени В. К. Арсеньева. Портрет был написан быстро, буквально за два месяца. Как признается сам художник, огромное впечатление на него произвели книги В. К. Арсеньева. Единственный живописный портрет отличается глубиной психологической характеристики и является этапным в процессе обобщения художественного образа.

Поиски в создании образа продолжил С. М. Черкасов (1948 г. р. Член Союза художников РФ). С 1983 г. по 1986 г. он выполняет заказ Дальневосточного книжного издательства на оформление книг В. К. Арсеньева. Работая над иллюстрациями к книге «По Уссурийскому краю» (фронтиспис. бум. смеш. тех. 18,8х27. 1986. МПК 12691. ПГОМ), художник обращает внимание на внешний облик стремительно идущего В. К. Арсеньева. Иной подход в иллюстрациях к книге «Дерсу Узала» (бум. смеш. тех. 30х26. 1983. МПК 13490–4. ПГОМ), где образ Арсеньева как бы уходит на второй план. Высокохудожественные графические листы передают удивительную природу Приморского края.

Многие художники обращались к созданию образа: А. Д. Баландин («Памяти Арсеньева», х. м. 145х200. 1980. МПК 11635. ПГОМ), А. П. Набожейко («В. К. Арсеньев», бум. к. 19х30. 1993. МПК 14921. 1993. ПГОМ), Г. В. Приходько («Портрет В. К. Арсеньева», бум. акв. 58х50. 2000. МПК 16767. ПГОМ), И. И. Дункай («В. К. Арсеньев», х. м. 82х60. 1997. МПК 16237–2. ПГОМ), М. В. Беляев (эскиз проекта «Памятный нагрудной знак», ф. бум. тушь. 29,х19. 1989. МПК 16182. ПГОМ).

К теме «В. К. Арсеньев» обратились и скульпторы: М. В. Шейко («Портрет В. К. Арсеньева», тон. гипс. 64х35. 1954. МПК 2748–1. ПГОМ), С. А. Лойк («Арсеньев В. К. и Д. Узала», дер. 96х1,18х86. 1960. МПК 4404–1. ПГОМ), Н. П. Монтач («В. К. Арсеньев» тон. гипс. 96х40х40. 1999. НВ 7302–1. ПГОМ).

Свое отражение образ находит и в области фалеристики (Нагрудной знак «100 лет В. К. Арсеньеву. 1972», аллюм. 3х2,3. МПК 11538–9/н. ПГОМ), барельеф с элементами глиптики («Арсеньев В. К. 1872–1972», тон. медь, d-13,5. МПК 14021–1. 1972. ПГОМ).

С применением числового программного управления на станке-автомате завод «Прогресс» (г. Арсеньев) изготовил портрет к юбилейной дате В. К. Арсеньева (21,8х34. металл. МПК 15716–30. 1980. ПГОМ).

Рассматривая произведения изобразительного искусства, хранящиеся в фондовых коллекциях музеев, убеждаешься, что разные по стилю, манере, решениям, все они сходны в одном — в искреннем стремлении авторов создать полный и достоверный образ В. К. Арсеньева — ученого, исследователя Дальнего Востока, путешественника и гуманиста.

Примечания

1. ***В. П. Копнин.*** *Идея как факт мышления. Киев, 1963. С. 72.*
2. *МПК 14028–7. Ф. 61, ОП. 1, д. 11, л. 44. Кановер Н. А. Живой Арсеньев. ПГОМ.*
3. *МПК 11566–34. Ф. 60, ОП. 1, д. 28, л. 1,3. Васьковский И. Воспоминания об Арсеньеве. ПГОМ.*

РАЗДЕЛ II

КРАЕВЕДЕНИЕ И ИСТОРИЯ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Г. А. АЛЕКСЮК, А. Т. ХРАМЦОВА
Приморский государственный объединенный музей имени В. К. Арсеньева

ПГОМ ИМЕНИ В. К. АРСЕНЬЕВА: МЕЖДУ МИССИЕЙ И РЫНКОМ

Музей как социальный институт, являясь сокровищницей человеческой памяти, во все периоды существования общества служил ему источником, который пополнял духовные силы, сохраняя коллективную память, обогащая и развивая интеллект нации.

В переломные периоды, переживаемые обществом, роль музеев многократно возрастала и становилась комплексной, охватывая сферу не только духовной жизни, но и существенно влияя на экономику и социальную жизнь общества [1].

Это в полной мере относится к Приморскому государственному объединенному музею имени В. К. Арсеньева. Он был создан жителями Амурского края в конце XIX века с целью удовлетворения потребности общества в утверждении в крае российских начал, развитии культурной и научной жизни местного сообщества.

С первых лет функционирования музея Амурского края сформировалась традиция консолидации вокруг него лучших представителей интеллигенции — предпринимателей, чиновников, офицеров, которые создавали музей, поддерживали и помогали ему совершенно бескорыстно.

Следует подчеркнуть, что указанная традиция возникла и развивалась в условиях предпринимательства, основанного на частной собственности, говоря современным языком, в условиях рыночных отношений.

Бескорыстие и подвижничество по отношению к музею стали традицией общественной жизни Амурского края и были переданы последующим поколениям дальневосточников. Эту традицию кратко, но емко сформулировал В. К. Арсеньев: *«Музеи — дело всенародное, общее, и потому все должны работать бескорыстно»*.

В советский период традиция бескорыстной помощи музею передавалась как эстафета от поколения к поколению, но развивалась в совершенно иных экономических и социально-культурных условиях. В эти годы в музейное собрание поступило свыше трехсот тысяч музейных предметов, и в большинстве своем это были дарения.

В конце XX — начале XXI века ПГОМ имени В. К. Арсеньева, как и все музеи страны, осуществляет свою деятельность в уникальных условиях. Смена формаций, ценностей и приоритетов, начавшийся процесс изменения менталитета российского человека, возрождение рыночных отношений породили две, на первый взгляд, плохо совместимые тенденции. С одной стороны, загнанные в тяжелейшие экономические условия, приморцы зачастую не имеют никакой возможности для бескорыстной помощи краевому музею и другим «своим» музеям. С другой стороны, они активно тянутся к музею, потому что для многих из них в тяжелые годы ПГОМ и музеи края остаются иногда единственным местом, где можно получить заряд духовности и надежды на возрождение России.

Это потребовало от коллектива ПГОМ научного осмысления социальных функций современного музея, определения спектра этих функций и на этой основе определения степени и характера востребованности музея приморским сообществом, то есть его миссии в условиях нового жизненного уклада.

Мы считаем, что в достижении этой цели приемлемо музееведческое понятие миссии, предложенное государственным музеем политической истории России: *«Миссия — это совокупность социальных функций музея, его общественное предназначение, ради которого он существует, и то, что помогает посетителю отличить его от других образовательно-воспитательных, культурно-просветительных и досуговых учреждений»* [3].

Миссия современного ПГОМ — это не просто определение его новых целей и задач. Это обновленное содержание его функций, основанное на современной философии музея. В основе этой философии находится непреложная истина — развитие любого человеческого сообщества, экономическое, политическое, социальное — «опирается на культурный фундамент» [4].

Музей — одна из существенных составляющих культурного фундамента общества — оказывает значительное влияние на духовную и культурную жизнь человеческого сообщества.

В определении нового содержания миссии ПГОМ исходил также из особенностей геополитической, экономической и социально-культурной ситуации, в которой оказалось Приморье и в которой он функционирует.

В конце XX века, с распадом СССР, на Дальнем Востоке Россия широким фронтом вышла в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), один из наиболее динамичных регионов мира. Ранее закрытый край, бывший форпост России на Тихом океане, Приморье оказалось на стыке самых различных политических систем и этнокультурных сообществ.

Между тем, сложная и противоречивая история Дальнего Востока России породила наслоения острых геополитических проблем. Наследием прошлого является ряд обид и территориальных притязаний на фоне значительных этнокультурных несхожеств.

Межцивилизационные противоречия оказывают сильное отрицательное влияние на процессы взаимодействия в регионе. В частности, остро стоят проблемы взаимодействия россиян с соседними народами — проблемы взаимопонимания, психологического контакта, оценки специфики культурных традиций в условиях, когда ни одна из местных традиций не принимает славянскую цивилизацию как равную [5].

На фоне таких сложных геополитических процессов на Дальнем Востоке России произошли и происходят значительные изменения в этнокультурной ситуации во «внутреннем» пространстве края. В их числе — формирование в приморском сообществе новых национально-культурных образований.

Население Приморья изначально было многонациональным. В настоящее время в крае проживает свыше 120 национальностей: представители коренных народов ДВР — удэгейцы, нанайцы, орочи; преобладающие славянские нации — русские, украинцы, белорусы, а также литовцы, евреи, поляки, немцы, азербайджанцы, армяне, корейцы, китайцы.

Большинство диаспор создали свои национально-культурные объединения, через деятельность которых активно развиваются процессы межкультурного диалога на основе самоидентификации его участников. Для многих из них консолидирующим началом стал краевой музей. В его стенах формировались общества украинской, польской, еврейской культур, он стал соучредителем центра русской культуры.

Вместе с тем ослабление экономических и социальных связей с историческим центром порождают у дальневосточников настроения «оторванности», а порой и «ненужности» Дальнего Востока России. Из всех социально-культурных организаций именно музей способен наиболее эффективно помогать обществу в формировании нового менталитета россиянина, в возрождении и укреплении его исторического самосознания, уверенности в возрождении России.

В контексте обозначенных факторов научный коллектив так определил миссию ПГОМ в начале XXI века:

- собирание и сохранение культурно-исторического наследия Приморского края;
- изучение и представление его приморскому сообществу через различные виды коммуникационных технологий;
- формирование в приморском сообществе, особенно у подрастающих поколений, новых ценностных ориентиров, исторического самосознания;
- объединение в музейном пространстве всех, кто стремится к возрождению достоинства и процветания России;
- содействие развитию процессов межкультурных взаимодействий в регионе, основанных на принципах толерантности.

Научно-популярная версия миссии ПГОМ:

ПГОМ — уникальное место встреч разных эпох, поколений, культур, народов и всех, кто стремится к возрождению достоинства и процветания россии в устойчивом, ненасильственном мире.

В ПГОМ Вы можете:

- совершить путешествие на «Машине времени»;
- выявить и развить собственные способности и таланты, о которых иногда не подозреваете;
- развить таланты и способности своих детей;
- увековечить память своего рода, своей семьи;
- внести посильный вклад в развитие своего края, своей страны, следовательно, и в свое процветание;
- познакомиться и пообщаться с соседями на Земле — народами сопредельных стран.

Миссия ПГОМ определила стратегию его развития на ближайшее десятилетие. Являясь музеем края с пестрой мозаикой края, широко распахнутого в Азиатско-Тихоокеанский регион со своей не менее яркой палитрой культур, он объективно призван стать территорией межкультурного, межцивилизационного диалога в культурном пространстве Дальнего Востока России в частности и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом, диалога, основанного на самоидентификации его участников.

С целью практического воплощения своей миссии ПГОМ разработал краевую комплексную целевую программу «Музей и общество». В ней определена главная цель деятельности музея на ближнюю и дальнюю перспективу — обеспечение максимально благоприятных условий для доступа населения к историко-культурному наследию края, для межпоколенной трансляции духовного и хозяйственного опыта дальневосточников, для включения потенциала музея в процессы формирования в крае демократического, гражданского сообщества, в диалог культур и цивилизаций в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Комплексная целевая программа «Музей и общество» предусматривает создание новой экспозиции, модернизацию всех направлений деятельности и материальной базы Приморского государственного объединенного музея имени В. К. Арсеньева в соответствии с миссией ПГОМ и стратегией его развития на 2002–2010 гг. через реализацию комплекса подпрограмм.

Подпрограмма «Обеспечение сохранности музейного собрания» направлена на создание в музее надежной системы хранения, реставрации и охраны историко-культурных ценностей, являющихся неотъемлемым духовным достоянием общества.

Она предусматривает также реконструкцию и модернизацию материально-технической базы музея с целью создания необходимых условий для сохранности музейного собрания и дальнейшего развития всех направлений деятельности музея. Планируется проведение капитального ремонта и реконструкции основных зданий по ул. Светланской, 20 / Алеутской, 23 и Петра Великого, 6, увеличение экспозиционных площадей и размеров фондохранилищ в головном здании и филиалах, компьютеризацию музея, создание необходимых условий для научно-просветительной, культурно-образовательной и рекреационной деятельности музейного объединения.

Подпрограмма «Основные направления научной и социально-культурной деятельности музея» определяет содержание и направления развития научно-исследовательской, экспозиционной, научно-методической, культурно-образовательной и научно-просветительной работы ПГОМ в 2002–2005 гг. Главное мероприятие программы — создание новой основной краеведческой экспозиции в головном музее и совершенствование имеющихся экспозиций в филиалах объединения в городах Лесозаводске и Партизанске, на основе которых музеи осуществляют свою многогранную деятельность.

Модернизация материальной базы и концептуальное обновление экспозиции позволит ПГОМ в полной мере осуществить подпрограмму «Музей — обществу».

Основные направления деятельности музея и мероприятия, предлагаемые краевым музеем приморцам:

- Комплексная программа патриотического воспитания населения края, направленная на снижение социальной напряженности, возрождение чувства патриотизма, стремления к созданию новой демократической России. Она предусматривает также создание условий для самоидентификации приморцев, представителей различных национальностей, для взаимного представления своих культур на базе «Славянского Дома» на Светланской, 20, дома-музея семьи Сухановых, музейно-выставочного центра на ул. Петра Великого, 6;
- Долговременная программа «Арсеньевское наследие» включает научное, литературное наследие В. К. Арсеньева в процессы патриотического воспитания и межкультурного диалога;
- Проект «На пути к культуре мира», обеспечивающий осуществление миссии музея как территории межцивилизационного диалога. Для достижения этой цели в филиале по улице Петра Великого, 6 создан международный музейно-выставочный центр;
- Социальная программа «Преодоление», предусматривающая комплекс мероприятий для недостаточно социально защищенных приморцев и людей с ограниченными физическими возможностями;
- Специализированная программа «Музей и семья», направленная на возрождение ценности семьи как основы общества;
- Программа эстетического воспитания «Мир искусства», обеспечивающая условия для эстетического развития детей через создание эстетического центра, мастер-классов, выставок, творческих мастерских;
- Программа «Музей — центр экологических знаний» ставит своей целью содействие утверждению в обществе экологического мировоззрения.

Основу ресурсного обеспечения программы составляет краевое бюджетное финансирование.

Реализация комплексной целевой программы «Музей и общество» происходит в сложных экономических условиях — некоторые виды музейной деятельности финансируются недостаточно или не финансируются вообще. Не в полном

объеме выделяются средства на содержание, ремонт и реставрацию фондохранилищ и музейных зданий.

Музеи объединения получают недостаточно средств на приобретение и реставрацию музейных предметов, обновление экспозиций, научно-исследовательскую, научно-просветительную работу. С большим напряжением финансируется охрана музейных объектов, коммунальные услуги.

В этих условиях необходим переход к экономической деятельности музея на основе новых подходов и технологий. В программе предусматривается развитие музейного менеджмента и маркетинга.

Реализация программы «Музей и общество» обеспечит возможность сохранения и модернизации главного хранилища отечественного культурного достояния в крае — Приморского государственного объединенного музея имени В. К. Арсеньева, который является неотъемлемой частью духовной жизни приморского сообщества, так как дает обществу возможность сохранять память о своих исторических корнях, передавать от поколения к поколению хозяйственный и исторический опыт, снимать социальную и межнациональную напряженность, возрождать патриотизм.

Программа рассчитана на 2002–2010 годы. Коллектив музея надеется на ее успешное осуществление. Основанием для такой надежды является то, что в самые тяжелые времена приморцы не бросили свои музеи на произвол судьбы, помогли выстоять краевому музею во время сплошной приватизации, поддерживают все его новые начинания, продолжая традицию, бескорыстно помогают сохранять и приумножать наследие, завещанное предыдущими поколениями россиян.

Примечания

1. ***Е. Г. Артемов.*** *Социальные функции современного музея исторического профиля. Теория и практика музейного дела России на рубеже XX и XXI веков. // Труды ГИМ. Вып. 127. М., 2001. С. 99.*
2. ***В. К. Арсеньев.*** *Жизнь и приключения в тайге. М., 1957. С. 219.*
3. ***Е. Г. Артемов****, там же. С. 104.*
4. ***П. Г. Щедровицкий.*** *Думать — это профессия. — М., 2000. С. 26.*
5. ***П. Я. Бакланов, М. Г. Романов, А. В. Мошков, В. А. Созинов, В. А. Ларин*** *Приморский край: основные положения концепции и стратегии развития. Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2000. С. 31.*

Ю. В. РОМАНЕНКО
Приморский государственный объединенный музей имени В. К. Арсеньева

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПГОМ ИМЕНИ В. К. АРСЕНЬЕВА

В последние годы коллектив ПГОМ имени В. К. Арсеньева занимается глубоким анализом всех направлений своей деятельности в ходе работы над Концепцией развития музея до 2011 года. В данном сообщении рассматриваются основные положения проекта Концепции коммуникационных связей музея: анализ работы с посетителями; базовые идеи, лежащие в основе Концепции; программы и проекты; задачи, стоящие перед музеем в ходе реализации Концепции.

На протяжении более 110-летней истории музея суть и содержание его работы с посетителями менялись, наполняясь новым звучанием по мере изменения социально-экономических и культурных условий развития края и государства.

Так, в самом начале своего пути, когда история заселения юга Дальнего Востока русскими поселенцами насчитывала всего несколько десятилетий, музей выполнял «большое дело закрепления русского начала в крае» [1]. Именно в это время были заложены традиции просветительной и учебно-воспитательной работы с посетителями, отражающие задачи музея как историко-культурного учреждения: систематическое обслуживание на базе коллекций музея слушателей образовательных учреждений, организация познавательного досуга людей разных интересов и увлечений.

После утверждения советской власти государство много внимания уделяло проведению пропагандистской работы среди населения, в том числе с помощью музейных форм работы. Просветительная деятельность музея в советские годы характеризовалась массовым охватом посетителей, в тематике преобладающими являлись темы «ленинского и военно-патриотического звучания, направленные на реализацию воспитательной функции» [2].

Новый качественный этап в деятельности музея начался с конца 1970-х годов, когда коллектив музея переосмыслил функции своего учреждения и возродил традиции научного краеведения. Период 1980-х годов можно охарактеризовать возрастанием уровня образованности музейного посетителя, в связи с чем на повестку дня была вынесена проблема повышения информативности разных форм научно-просветительной работы музея. Одним из решений данной проблемы явилась систематическая работа с музейными коллекциями по вводу их в различные формы работы с посетителями. В тематике лекций, которые читались в эти годы в школах, воинских частях и вузах, появились темы «Холодное оружие в коллекции музея», «Редкие печати в коллекции музея», «Игры и игрушки народов Севера и Дальнего Востока» и др., расширилась тематика выставок и сеансов показов.

В 1990-е годы все учреждения культуры перестали быть идеологическими, что отразилось на направлениях, подходах и формах работы музея с посетителями. Воспитательная функция музея отошла на последний план, всё больше музейные работники начали говорить о таких функциях музея, как отдых и досуг. Для детей создавались интерактивные выставки и программы досуга выходного дня развлекательно-познавательного плана, направленные на поддержание интереса детской и семейной аудитории к музею. В ПГОМ активизировались клубы по интересам, некоторые мероприятия стали носить познавательно-развлекательный характер в угоду посетителю, желающему провести в музее свой досуг. Популярными стали такие формы мероприятий, как презентация поэтического сборника или концерт известного музыканта. Заметно уменьшилось количество детей и молодёжи (школьников, учащихся и студентов), которые прежде в течение учебного года под руководством педагога обязательно посещали музей, чтобы прослушать лекцию или экскурсию по теме, близкой к учебной программе. В настоящее время, имея свободную минуту, молодёжь с большим удовольствием посещает компьютерный зал, кинотеатр или дискотеку, а в основное учебное время многие педагоги просто не хотят приводить своих подопечных в музей. Причина этого, на мой взгляд, кроется в недостаточном внимании, которое уделяет педагог воспитанию учеников, а также в нежелании тратить время на организацию «походов» в музей. В результате этих и ряда других причин в российском обществе наметились негативные тенденции. После десятилетней сложной российской истории на повестку дня вышли насущные проблемы недостатка патриотического воспитания, отсутствия у россиянина чувства гордости за свою Родину.

На подобную ситуацию, характерную для всей России в целом, накладываются проблемы местного значения. Так, анализ новой экономической и социально-культурной ситуации, сложившейся в Приморском крае за последние годы, выявил ряд негативных процессов, происходящих в обществе. Среди наиболее серьёзных общественных проблем края, в решении которых музею может быть отведена немаловажная роль, можно выявить следующие: разрушение межпоколенной преемственности исторических и культурных традиций, характерное для российского общества и усугубляемое территориальной отдалённостью Приморского края от Центра России; глубокий кризис общественного и семейного воспитания, выражающийся в росте организованной преступности, наркомании, беспризорности, бездуховности и др. Тем не менее одним из важных благоприятных факторов социально-экономического развития Приморья является геополитическое положение края, так как Приморье, будучи пограничной территорией, расположено в динамично развивающемся и занимающем одно из главных геополитических мест на карте мира регионе — АТР.

Приморский музей принимает активное участие в решении вышеперечисленных проблем общества и усилении благоприятных факторов развития края, что подтверждается анализом научно-просветительной работы музея по направлениям.

В историко-краеведческом направлении, которое включает работу с посетителями и партнёрами музея в области истории, археологии, этнографии, музееведении, кроме традиционных (экскурсии, лекции, сеансы показа по историко-краеведческим темам) развиваются и нетрадиционные формы работы. Так, сотрудниками действующего на базе музея Информационно-Методического Туристско-Экскурсионного Центра, который разрабатывает и проводит экскурсионные маршруты по городу и краю, в 2001 году был разработан экскурсионный маршрут, удостоенный звания «Лучший товар России», «Славянский лик Владивостока» с посещением городских мест, связанных со славянской культурой, и выступлением музейного ансамбля народной музыки «Традиция» в этнографическом комплексе «Славянский Дом» [3]. Тематика сеансов показа фондовых коллекций в начале 2002 года начинает дополняться занятиями с детьми в выходной день, что связано с задачей музея по организации познавательного отдыха семейной аудитории. Сеансы показа, разработанные в музее, рассчитаны на аудиторию различного возраста, начиная с 5–6 лет. Важно, что эти занятия адаптированы к особенностям восприятия информации у детей дошкольного и младшего школьного возраста и оформлены в ежемесячную Программу выходного дня. В этом направлении складывается успешное взаимодействие между музеем и представителями краевых и городских властей, подрастающим поколением (школами, средними учебными заведениями, вузами), интеллигенцией, представителями общественного движения в крае. Однако не систематизированной остаётся работа с дошкольниками, недостаточно активно ведётся диалог с педагогами. На протяжении последнего времени малорезультативно внедрялись в практику комплексные просветительные историко-краеведческие программы, предназначенные для детской и молодёжной аудитории.

Природоведческое и экологическое направления в работе музея с посетителями, кроме традиционных форм работы, представлены работой Экологического Центра на базе музейных экспозиций и выставок. Отдельным направлением Музейного всеобуча Экологического центра является проект «Путешествие по тропинке открытий», рассчитанный на детей 4–6 лет и 7–10 лет. Его цель — на начальном этапе образовательного процесса осуществить знакомство с растениями и животными, применяя методику игровых занятий с использованием «вопросов и ответов», викторин, загадок, стихотворений. Проект «Музейный экологический клуб» имеет цель объединения детей среднего и старшего возраста, интересующихся природой родного края и желающих принимать участие в пропаганде экологических и биологических знаний. С учётом меняющихся требований к учебному процессу и тем учебных программ меняется и лекционная тематика музея. Например, разработаны специализированные лекции для студентов, обучающихся на специальностях «биология» и «экология»: «Экология промышленности», «Сельское хозяйство и загрязнение поверхностных вод», «Загрязнение морской акватории г. Владивостока», «Последствия загрязнения морских акваторий для морских обитателей» и т. д. Положительной чертой является работа с воспитанниками дошкольных образовательных учреждений, однако остро стоит задача систематизировать работу музея с разными аудиториями и партнёрами по программе Музейного Экологического Центра.

Музей активно развивает свою деятельность в области эстетического воспитания. Работу в этом направлении можно условно разделить на два поднаправления: литературно-музыкальный и театральный; художественный. Традиционно музей занимал значительное место в городе и крае как культурный центр, активно работающий по эстетическому воспитанию населения через реализацию таких форм просветительной работы, как литературно-музыкальные вечера, презентации новых поэтических изданий, мастер-классы на художественных выставках, концерты, мероприятия с театрализованными элементами и др. Так, в начале 2002 года на выставке «Каменная радуга» был реализован цикл театрализованных занятий для школьников «В гостях у Хозяйки Медной горы». Сложилось тесное сотрудничество музея с художественными школами края, Владивостокским училищем, Дальневосточным институтом искусств. Теперь предстоит выстроить программу эстетического воспитания, реализация которой позволит охватить широкую неспециализированную аудиторию.

Следующее направление научно-просветительной работы музея включает циклы мероприятий, направленных на развитие межкультурного диалога в приморском сообществе и АТР. В рамках крупных международных проектов проводятся программы мастер-классов, праздничных представлений, знакомящих жителей и гостей края с культурными традициями региона, фестивали национальных культур народов стран АТР с участием зарубежных представителей, Дни культур и праздники народов мира, концерты зарубежных представителей культуры и искусства, выставочные проекты. Так, реализуемый на базе музея международный проект «Международная Владивостокская Биеннале визуальных искусств» ориентирован на широкие слои населения города и края, российских и зарубежных туристов и включает обширную музейную и художественную программы. Представляя культуру других стран, музей активно знакомит население и с традиционной славянской культурой. Сотрудники Лаборатории славянского фольклора и ансамбля народной музыки «Традиция» проводят концертно-игровые программы для школьников и студентов по традиционному народному календарю, лекционные тематические программы для студентов института искусств и специалистов из цикла «Традиционная народная культура славян», концертно-развлекательные программы для взрослой аудитории, в т. ч. для иностранных туристов. Музей прочно занял место как центр межкультурного диалога, о чём свидетельствуют партнёрские связи музея с Генеральными Консульствами Японии, Кореи, зарубежными музеями и обществами дружбы, студентами и педагогами языковых и культурологических кафедр вузов и институтов, различными общественными объединениями.

Таким образом, выявляется важная роль и значение научно-просветительной и социально-культурной деятельности музейного объединения как историко-культурного патриотического центра края, главное предназначение которого, согласно выработанной миссии музея, «быть центром развития нового, гуманитарного образования и планетарного мышления», основанного на принципах терпимости и ненасилия.

Исходя из основных положений миссии музея, базовыми идеями Концепции научно-просветительной и социально-культурной деятельности ПГОМ имени В. К. Арсеньева является идея патриотического воспитания, то есть идея формирования «национального самосознания народа, выражающаяся в чувстве любви, гордости и преданности своему Отечеству, его истории, культуре, традициям, быту, в осознании своего нравственного долга перед ним» [4], а также идея необходимости признания самобытности и ценности других человеческих сообществ.

Из общего числа просветительских, образовательных, воспитательных и рекреационных задач музея приоритетными являются задачи патриотического воспитания и гуманитарного образования:

- признание и сохранение великого духовного и культурного наследия России, воспитание потребности к освоению ценностей национальной культуры;
- формирование новых ценностных установок общества, ориентированных на развитие личности, проявляющееся в самореализации человека на благо края;
- формирование исторического самосознания и осознания своей родственности с государством, частью которого является малая Родина — Приморский край;
- восстановление межпоколенной связи и преодоление в сознании людей разрыва между историческими эпохами в развитии государства;
- формирование у людей патриотических чувств — любви к Родине, гордости за её культуру и историческое прошлое;
- формирование бережного отношения к природным богатствам, к использованию её недр и водных ресурсов;
- воспитание потребности к здоровому образу жизни, стремления к созданию нормальной семьи и активной деятельности по борьбе с наркоманией, пьянством и другими явлениями, подрывающими здоровье человека.

Равнозначными в деятельности музея являются задачи по утверждению самобытности и ценности других человеческих сообществ:

- воспитание чувства национального и расового равенства;
- формирование идей «Культуры Мира», ненасилия и толерантности;
- воспитание потребности к освоению мировой культуры и воспитание уважения к культурам других народов мира.

Исходя из миссии и задач музея, разрабатываются программы научно-просветительной и социально-культурной деятельности: военно-патриотического воспитания «Подвиг» (для школьников и студентов по истории локальных конфликтов и войн, в которых участвовали жители Приморья, участников военно-патриотических объединений, военнослужащих срочной службы, педагогов школ, СПТУ, техникумов и вузов, ветеранов войн); историко-патриотического воспитания «Память», в т. ч. программа «Арсеньевское наследие» (для дошкольников, школьников и студентов по истории Приморского края, участников историко-патриотических объединений,

краеведов-историков, педагогов, военнослужащих, интеллигенции, пенсионеров); «Музей — Центр экологических знаний» (для дошкольников, школьников и студентов по темам растительного и животного мира Приморья, геологии, экологических проблем края; участников детских, молодёжных и взрослых экологических объединений, педагогов, краеведов-экологов); программа выходного дня «Мир семьи» (для семейной аудитории: родителей или других родственников с детьми или внуками и их друзьями); социальная программа «Преодоление» (для школьников и студентов по темам здорового образа жизни, для детей и молодёжи из социально незащищённых слоёв населения по адаптации в обществе, для разновозрастных категорий больных и инвалидов по их включению в творческий процесс, педагогов, психологов, участников общественных объединений социальной направленности); эстетического воспитания «Музейный мир искусства» (для дошкольников и школьников по привитию эстетического вкуса, учащихся и педагогов художественных школ края, художественного училища, Института искусств, интеллигенции, самодеятельных и профессиональных художников, педагогов-художников, участников художественных общественных объединений, любителей искусства); Школа славянской культуры (для дошкольников и школьников, студентов и педагогов по культурологии и русской филологии, фольклорных профессиональных и самодеятельных коллективов и студий, отечественных и иностранных туристов); «На пути к культуре мира», в т. ч. проект Владивостокская Биеннале визуальных искусств (для школьников средних и старших классов, студентов языковых и культурологических кафедр и институтов, представителей отечественных и зарубежных учреждений культуры и общественных организаций и фондов, туристов, педагогов разного профиля, энтузиастов-любителей).

Для того чтобы реализовать весь потенциал музейных программ, планируется решить ряд внутримузейных задач:

- реорганизация структур музея, отвечающих за научно-просветительную работу (закрепление за специалистами координационной работы по конкретным программам, выделение специалиста по культурно-просветительной работе Лаборатории Славянского Фольклора);
- переход на проектно-программную организацию научно-просветительной и социально-культурной деятельности музея;
- переход на новый уровень внешних связей, характеризующийся диалоговыми формами и адресностью различных форм работы;
- разработка стратегии музейного менеджмента и маркетинга, рекламно-информационной деятельности, которая будет отражена в Концепции, Программе привлечения посетителей и PR-Программе;
- внесение структурных изменений в области музейного маркетинга для более эффективной работы с посетителями (выделение сектора работы с посетителями);
- решение комплекса задач по оптимизации работы с приоритетными категориями населения (определение эффективности музейной коммуникации, систематизация работы по изучению настоящего и потенциального музейного посетителя, создание и апробация новых методик

и программ, установление оптимальных форм взаимодействия с партнёрами).

В заключение хотелось бы отметить, что в данном сообщении рассматриваются лишь некоторые положения первого варианта Концепции научно-просветительной и социально-культурной деятельности музея, которые будут корректироваться с учётом музейной теории и практики.

Примечания

1. *Послание Владивостокской мужской гимназии к 25-летию музея // Архив ПГОМ имени В. К. Арсеньева.*
2. ***И. Е. Каргинова** Музей — это не только история // «Завещано: сохранить и приумножить», Владивосток, 2000. С. 33*
3. *Отчёт Приморского Государственного Объединённого музея имени В. К. Арсеньева за 2001 год. Владивосток, 2002 С. 10*
4. *Проект Концепции патриотического воспитания населения РФ. Владивосток, 2001. С. 5*

С. П. МОСКВИТИНА

Приморский государственный объединенный музей имени В. К. Арсеньева

К РАЗРАБОТКЕ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭКСПОЗИЦИИ ПГОМ ИМ. В. К. АРСЕНЬЕВА: ПРИМОРЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Разделы по истории XX века занимают существенное место в экспозициях и коллекциях краеведческих музеев. Однако в течение многих лет выполнение музеями роли преимущественно идеологических организаций отразилось как на концепциях их экспозиций, главной задачей которых была пропаганда достижений социализма, а формой — экспозиция дидактическая, строго выверенная, с обязательным набором тем и проблем, так и на фондовых коллекциях, которые формировались в соответствии с этими задачами.

Поэтому пересмотр концепций объективного отражения исторического процесса сегодня является одной из главных задач музеев. Как полагает Г. К. Ольшевская, важнейшими направлениями реализации задачи построения современных экспозиций по истории XX века являются:

- объективный показ исторического процесса, событий и людей, что предполагает ликвидацию исторических мифов;

- активизацию научно-исследовательской работы музеев;
- обращение пристального внимания на краеведческую тематику;
- ориентацию на специфику музейного отражения истории, иными словами, отказ (или попытку отказа) от ориентации на единственный тип экспозиции дидактической, построенной по единому для всех принципу;
- создание необходимых условий для функционирования экспозиций как коммуникативной системы [1].

Сегодня Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева работает над созданием новой исторической экспозиции. Ее главная задача — переосмысление концепции истории и адекватное новым историческим, эстетическим, нравственным, техническим представлениям современного человека отражение этой истории. В настоящем сообщении речь пойдет о проблемах создания экспозиции по истории XX века, истории противоречивой, истории, переходящей в современность, и многим из посетителей музея знакомой по личному опыту.

Этот проект двояким образом включается в общую работу ПГОМ им В. К. Арсеньева по реконструкции истории Приморья музейными средствами. С одной стороны данная экспозиция, сменяя предшествующую ей экспозицию «Символы XX века», тематически и содержательно завершает ряд развернутых в залах музея по хронологическому принципу других исторических выставок. С этой точки зрения она итожит собой большую экспозиционную работу коллектива музея, проделанную в предшествующее десятилетие. С другой стороны, концептуально, организационно, художественно и технически планируемая экспозиция существенно отличается от того, что уже сделано и может рассматриваться как лаборатория реализации новых идей и подходов к историко-музейной работе, как одна из форм и этап практического осуществления современной концепции развития ПГОМ.

Создание выставочного комплекса по региональной истории 50–90 гг. XX века достаточно сложно для охвата в рамках одной экспозиции и вместе с тем проблематично в плане распределения материала на ряд таковых, более частных. К концептуальным трудностям проекта подобной экспозиции можно отнести следующие моменты:

- содержание экспозиции хронологически охватывает собой всю вторую половину XX столетия, что предполагает значительный объем рассматриваемых событий и, соответственно, экспонатуры;
- вместе с этим для этого периода характерно отсутствие масштабных, общезначимых и позитивных доминант (событий, этапов), на которых строятся другие экспозиции по истории Приморья (например, освоение края, Русско-японская война, Октябрьская революция, гражданская война и эмиграция, Великая Отечественная война);
- данный период дробится на «советскую» и «постсоветскую» историю, что препятствует возможности единой или, как минимум,

непротиворечивой интерпретации содержания экспозиции в традиционном ключе;

- верхней границей этого исторического периода является современность, что предполагает принципиальную незавершенность и открытость в реализации и интерпретации соответствующей экспозиции. Это обстоятельство усиливается и на уровне индивидуального восприятия этого периода: недавнее прошлое в отличие от в известной степени деиндивидуализированной истории предшествующих периодов является личным «вчера» всех субъектов музейной практики.

На эти обстоятельства накладываются также организационные и художественно-технические проблемы, как то: ограниченность и непродуктивность традиционных форм презентации экспонируемого материала (преобладающий визуализм, антикварианизм и иллюстративность в подходе к музейным предметам) и взаимодействия субъектов музейной практики (анонимность и пассивность адресата экспозиции, редукция роли экспозиционера к трансляции готовых идей и смыслов), устаревшее экспозиционное оборудование, недостаточное использование современных технических средств и др.

Мы полагаем, что названные проблемы могут быть преодолены или скомпенсированы в рамках подхода, ключевой идеей которого является кардинальная переориентация в понимании, способах презентации музейными средствами и восприятии современной истории Приморья, в отказе от преобладающего до сих пор так называемого «глобального» видения ее. В контексте современной экспозиционной практики Приморского государственного объединенного музея векторы такой трансформации можно сформулировать следующим образом:

- в содержании и интерпретации экспозиционного материала — перепесение центра тяжести в определении ведущих принципов и подходов: от универсального к локальному, от монументализирующего к приватному, от социально-исторического к культурно-историческому, от объясняющего к понимающему;
- в художественно-технической организации экспозиционного пространства и конфигурации его элементов — переход от континуального к дискретному, от монолинейности к поливекторности, от хронологического к топологическому принципам размещения зон и материалов, от объектов — знаков идеального содержания к объектам — ситуативным моделям действительности, от преобладающих визуальных к синтетическим технологиям презентации;
- в характере и способах включенности и взаимодействия субъектов экспозиции — переход от субъект-объектного к субъект-субъектному отношению, от событийной информированности к переживанию события, от трансляции к коммуникации и интеракции.

Целостным выражением этой трансформации и является кладущийся в основание экспозиции по истории Приморья в 50–90 гг. XX века концепт «частная жизнь». Смысл его не сводится к лежащему на поверхности расхожему зна-

чению данного выражения, в котором «частное» человеческой жизни, как производный и вторичный элемент подчинено «целому» социальной истории и лишь подтверждает и иллюстрирует ее. В настоящем проекте «частная жизнь» — это выражаемый в музейных предметах и музейными средствами полисемантический и динамический ансамбль идей, смыслов, понятий, образов, не только транслирующий и воспроизводящий, но и коррелятивно целям и интенциям субъектов экспозиции генерирующий новое историческое содержание в реальных (от музейных артефактов до вещей самой действительности), актуальных (т. е. деятельностных — от штатного сценария экскурсии до спонтанных реакций и индивидуальных интерпретаций) и виртуальных (от замысла авторов до смыслов, открываемых самими посетителями) формах.

Концепт «частная жизнь» как ядро одноименной экспозиции, посвященной Приморскому краю и приморцам в в 50–90 гг. XX века, включает в себя три тематических блока: «Приморье — часть России (СССР)»; «Приморье — часть Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)»; «Частная жизнь приморцев (культура и быт)». Последний блок является ведущим как для содержательного, так и организационного и художественно-технического решения данной экспозиции.

Первые два раздела в тенденциях их собственного исторического содержания и взаимного соотношения демонстрируют возрастание роли и изменение смысла феномена части, частного, частной жизни. Великая Отечественная и Вторая мировая война (содержание экспозиции предыдущего зала музея) — это кульминация и завершение истории Приморья (от его освоения русскими) как части общей истории России, всецело обуславливаемой ею и выражающей ее как свое целое. На разных этапах всего этого периода край являлся как передней линией российской (советской) колонизации и влияния на Дальнем Востоке, так и рубежом, отделяющим и защищающим западные (по отношению в Приморью) территории страны от иностранного проникновения. Такое замыкание жизни Приморья на государственные интересы России и СССР слабо способствовало развитию собственной истории края и историческому самосознанию его жителей, хотя, с другой стороны, многие исторические события этого периода (в большей степени дореволюционных и первых послеоктябрьских лет) предполагали и основывались на частном интересе и личной инициативе людей.

Вторая половина XX века, т. е. послевоенная и постсталинская история СССР (до середины 80-х гг.), характеризующаяся экономической и политической стабильностью страны и ее военно-стратегическим паритетом с ведущими государствами Запада, превращает Приморье из форпоста и рубежа (каковым оно в эти годы является лишь в военном отношении) в дальнюю экономически-сырьевую окраину, политическую и культурную периферию страны. Почти все происходящее в регионе становится эхом процессов, идущих в политических, экономических и культурных центрах страны. В такой ситуации сравнительной бессобытийности большой истории и несамостоятельного характера собственной официальной истории края в последней акцентируются групповые (моряки и рыбаки, пограничники и военные моряки) и приватные мотивы. Историческая

динамика Приморья все в большей степени начинает выражаться в автономных феноменах, в изменении содержания и форм частной жизни приморцев.

На такую спровоцированную удаленностью от центра и политикой самого последнего частичность и неполноту собственной жизни края накладываются и компенсируют ее географическая близость и открытость, если не политическая, то хотя бы экономическая (пусть и достаточно ограниченная) и культурная (хотя бы на уровне массовых форм) открытость Приморья соседним странам Азиатско-Тихоокеанского региона. Причем, в отличие от западных приграничных районов являвшихся своеобразными официальными «парадными дверями» СССР и посему находившимися под партийно-государственным патронажем, Приморье было рабочим «черным ходом» на Запад (географически — на восток), пусть и контролируемым государством, но более проницаемым на неофициальном, частном уровне. Символом этого является, например, Владивосток с его знаменитой и парадоксальной «закрытостью» в советские годы. Последняя, номинально будучи барьером против западного (географически — опять-таки восточного) влияния на советском Дальнем Востоке, фактически изолировала Приморье от центра, а по отношению к внешним воздействиям выполняла роль фильтра, обходя государственно-идеологические ограничения на неохватываемом запретами и регламентациями уровне частной жизни. Перестроечная и постперестроечная либерализация внутренней жизни и международных связей лишь легализовала и санкционировала уже случившееся на этом уровне и продолжающееся ныне, и также в большей степени основывающееся на частной экономической и гражданской инициативе, вхождение Приморья в АТР.

Таким образом, история и современность Приморья, его принадлежность и России, и АТР и вместе с тем известная автономность края, своеобразная «одаренность осколка жизнь сосуда вести» (И. Бродский) имеют в своем основании не одну лишь универсально-историческую необходимость или игру воль руководящих субъектов, но и реализующую и то, и другое, воплощающую их в непосредственные материальные и духовные формы исторической действительности частную жизнь людей края.

В контексте такой интерпретации тема частной жизни перестает быть лишь эпизодом исторического целого, иллюстративным фрагментом его восприятия, а напротив в силу своего личностно-актуального характера становится несущим фундаментом такого восприятия, основным событием индивидуализированной истории, разворачивающимся на общеисторическом фоне эпохи.

Примечания

1. Музейное дело. Вып. 22. История XX века в музейных экспозициях. М., 1995. С. 3.

И. И. БАБЦЕВА
Приморский государственный объединенный музей имени В. К. Арсеньева

РАЗВИТИЕ МУЗЕЙНОЙ СЕТИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

История музейного строительства в Приморье тесно связана с началом географического и экономического освоения этих территорий, вызванного развитием капитализма в России после буржуазных реформ 60-х годов XIX века. Произошедшие сдвиги в экономической жизни края оживили его культурную и общественную жизнь. Историческое краеведение как составная часть исторической науки имеет свои глубокие традиции, у его истоков стояли Ф. Ф. Буссе, А. З. Фёдоров, В. К. Арсеньев и многие другие.

Можно выделить три больших периода развития музейного строительства: дореволюционный (80-е годы XIX века — 1917 г.), советский с 1917–1991 гг., с 1991 г. — период реформ, преобразований.

24 апреля 1884 г. в г. Владивостоке начата деятельность Общества изучения Амурского края и музея: председателем Общества изучения Амурского края был избран Ф. Ф. Буссе, директором музея — В. П. Маргаритов. Первоначально музей размещался в одном из классов местной прогимназии, предоставленном директором гимназии Г. Л. Мазингом. 30 сентября 1890 г. было освящено и открыто для публики здание, построенное специально для музея Общества изучения Амурского края. Строительство осуществлялось на средства, собранные общественностью. Целью музея был показ дальневосточной природы, истории края с древнейших времён.

Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции музей Общества изучения Амурского края оставался единственным музейным учреждением в Приморье.

В истории музейного дела особое место занимает I Всероссийская музейная конференция, состоявшаяся в феврале 1919 года в Петербурге, принятая на ней программа развития музеев в Советской России чётко очертила их задачи и социальный статус в новых исторических условиях.

Советский период развития музееведения прошёл несколько этапов: 1-й 1917–1941 гг., 2-й 1941–1945 гг., 3-й 1946–1960 гг., 4-й 1961–1991 гг. Каждому этапу присущи свои черты и особенности.

С 1917 г. начался новый, качественно отличный от дореволюционного периода. Гражданская война, экономическая разруха, материальные трудности тормозили процесс развития исторического краеведения на Дальнем Востоке. Пагубно отразился на этом движении и кризис 30-х годов, начавшийся в самом краеведении. Дальневосточные кадры серьёзно пострадали от репрессий. Свёртывание данной работы, её децентрализация привели в какой-то мере к забвению

лучших традиций. Вместе с тем это был самый богатый по событиям в истории краеведческого движения на Дальнем Востоке этап. В апреле 1922 года в г. Никольск-Уссурийске состоялся 1-й съезд по изучению Уссурийского края в естественно-историческом отношении. В 1925 году состоялось Дальневосточное краеведческое совещание в г. Хабаровске. При ГДУ начал работу Дальневосточный научно-исследовательский институт краеведения. В 1927 году начало работать Общество краеведения в г. Хабаровске. В 1936 году многие краеведческие организации свернули свою работу, но именно в этот период определялись единые задачи и методы работы краеведов.

Декретом СНК от 17 февраля 1925 г. музей ОИАК был выделен в самостоятельную единицу и переименован во Владивостокский Государственный областной музей. В 1938 году произошло административное разделение Дальневосточного края на Хабаровский и Приморский края. В связи с этим Владивостокский Государственный областной музей был реорганизован в Приморский Краевой краеведческий музей по указанию начальника музейно-краеведческого отдела Наркома РСФСР от 10/05/1939 г.

2-й этап 1941–1945 гг. в развитии исторического краеведения на Дальнем Востоке характеризуется изменением форм и методов работы. В этот период научно-исследовательская деятельность обществ и музеев отошла на второй план из-за сокращения ассигнований. А политико-массовая работа стала первоочередной в условиях военного времени. Из-за отсутствия кадров многие отделы РГО закрылись. По указанию начальника музейно-краеведческого отдела Наркома РСФСР от 4/09/1945 г. решением исполнительного комитета Приморского краевого совета депутатов Приморскому Краевому краеведческому музею было присвоено имя В. К. Арсеньева.

3-й этап 1946–1960 гг. Музейное дело приобретает международное значение, в 1946 г. создан Международный совет музеев. В 1957 г. советские музеи вошли в состав Международного совета музеев.

4-й этап развития исторического краеведения 1961–1991 гг. Ему присуще дальнейшее совершенствование форм и методов краеведческой работы, об этом свидетельствует рост сети дальневосточных краеведческих музеев, возросший процент их посещаемости, создание местных отделов ВООПИК.

В 60–70 годах в стране начинается процесс организационной перестройки музейной работы. Большое значение для развития и совершенствования музейного дела имело постановление ЦК КПСС 1964 г. «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся». В соответствии с выдвинутыми задачами объединённой комиссией Министерства культуры СССР и Президиума Академии наук СССР были разработаны «Принципы развития музейного дела в СССР», в которых определялись основные направления формирования музейной сети в соответствии с современными потребностями социально-культурной ситуации.

Эти направления предусматривали:

1. Открытие государственных музеев в первую очередь в новых экономических и культурных центрах, в районах со слаборазвитой музейной сетью.

2. Государственную поддержку общественной инициативы в создании музеев; перевод на государственный бюджет общественных музеев, состав фондов и масштаб работы которых перерастает возможности музея на общественных началах.
3. Музеефикацию ценных мемориальных, исторических, природных, архитектурно-художественных памятников.

В постановлениях 1964 и 1982 гг. музеи чётко и определённо вписывались в общую структуру государственных институтов, предназначенных для идеологического воздействия на массы. Музейная сеть Приморского края развивалась в соответствии с этими принципами.

В 60–70 годы создаются общественные музеи на таких предприятиях, как Дальзавод, Аскольд, музеи истории г. Арсеньев, Партизанск, Дальнереченск.

В 1965 году Приморский краевой краеведческий музей им. В. К. Арсеньева передал часть фондовой коллекции для создания музея Дальневосточного морского пароходства. 29 июня 1966 года была открыта Приморская картинная галерея, основой галереи явилась художественная коллекция Приморского краевого музея им. В. К. Арсеньева.

Наибольшее число музеев появилось в Приморском крае в годы 10-й и 11-й пятилеток. Среди них — музей Арсеньевского авиационного объединения, Спасского цементного завода, Владивостокского рыбного порта и другие. Согласно паспортизации на 1 января 1986 года, в крае насчитывалось 120 музеев. Особое внимание в крае было уделено развитию музеев в городах: укрепляется их материальная база, осуществляется перевод на государственное финансирование. В разряд государственных переводятся музей истории г. Арсеньева (1969 г.), г. Дальнереченска (1970 г.), г. Партизанска (1976 г), г. Находки (1977 г.)

15 июля 1976 года было принято постановление бюро крайкома КПСС и крайисполкома «Об открытии в г. Уссурийске, Спасске, Лесозаводске, Партизанске, Дальнереченске филиалов краевого музея».

В 1977 году по инициативе секретаря КПСС К. М. Харченко, волевым решением крайкома КПСС в г. Владивостоке был открыт музей В. И. Ленина, с научной точки зрения совершенно неоправданный, не имеющий подлинных материалов, единственное, что удалось сделать администрации музея, это назвать его не музеем, а отделом «В. И. Ленин и Дальний Восток» Приморского краевого краеведческого музея им. В. К. Асеньева, который, выполнив свою идеологическую функцию, был закрыт в 1985 году.

В 1978 году музеи городов Партизанска (основан. 1976 г.), Дальнереченска (основан. 1970 г.), Находки (основан. 1977 г.) стали филиалами Приморского краевого краеведческого музея им. В. К. Арсеньева.

В эти же годы открывается для посетителей Литературно-мемориальный музей А. А. Фадеева в с. Чугуевка (основан. 1960 г.), Екатериновский научно-экскурсионный комплекс (1975 г.) как отдел ПККМ им. В. К. Арсеньева, дом-музей К. А. Суханова — председателя первого большевистского исполкома горсовета (основан. 1977 г.)

По решению 12-й Генеральной ассамблеи Международного совета музеев, которая состоялась в 1978 году, музеи всего мира ежегодно 18 мая отмечают Международный день музеев.

Во второй половине 70-х — начале 80-х годов принципиально новой формой совершенствования системы управления и организации музейного дела становится централизация музеев. Суть данного процесса — целенаправленное развитие местных музеев на основе единого генерального плана, комплексного использования музейных коллекций, рационального использования кадров и материальной базы музеев.

В 1982 году вышло Постановление ЦК КПСС «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев», в котором дана положительная оценка централизации музеев. Решением Приморского краевого совета народных депутатов от 25 февраля 1985 года Приморский краевой краеведческий музей им. В. К. Арсеньева был реорганизован в Приморский государственный объединённый музей им. В. К. Арсеньева.

В его состав вошли головной музей с тремя отделами: дом-музей К. А. Суханова, Выставочные залы на Петра Великого, Екатериновский экскурсионный комплекс и 5 филиалов в крае: музеи истории гг. Дальнереченска, Находки, Партизанска, Арсеньева, литературно-мемориальный дом-музей А. Фадеева в селе Чугуевка.

В 1986 г. открыт и стал филиалом ПГОМ им. В. К. Арсеньева, Спасский краеведческий музей, в 1889г. в музейное объединение вошли музеи гг. Лесозаводска и Дальнегорска.

В 1988 г. по приказу № 201 от 22/12 Управления культуры Приморского крайисполкома, Екатериновский экскурсионный комплекс был передан в подчинение отдела культуры Находкинского горисполкома. В 2001 году экспонаты из комплекса были возвращены в ПГОМ им. В. К. Арсеньева.

В 90-е годы проходит частичная децентрализация музейной системы в крае: в 1991 г. из объединения вышел музей г. Находка, в 1994 году — музеи городов Спасска и Дальнегорска. В 1997 году открылся и вошёл в музейное объединение Дальневосточный мемориальный дом-музей В. К. Арсеньева. В настоящее время в Приморский государственный объединённый музей им. В. К. Арсеньева входят 3 филиала в г. Владивостоке: Дом-музей семьи Сухановых, Дальневосточный мемориальный дом-музей В. К. Арсеньева, Музейно-выставочный центр (на Петра Великого) и 5 филиалов в городах края: музей истории г. Арсеньева, музей истории г. Дальнереченска, музей истории г. Партизанска, музей истории г. Лесозаводска, литературно-мемориальный музей А. А. Фадеева.

В середине 90-х годов был принят ряд документов по развитию культуры и музейному делу. В 1991 году вышло постановление «О разграничении государственной собственности Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краёв, областей, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность, которое внесло существенные изменения в финансирование объектов культуры.

В районных центрах крупных городов появляются муниципальные музеи.

9 октября 1992 года был принят закон Российской Федерации «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», 24 апреля 1996 года издан закон Российской Федерации «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», 19 ноября 1997 года закон Приморского края «О музеях и музейном деле в Приморском крае». В 2000 году в Москве был издан Сборник действующих нормативных правовых актов и наиболее значимых работ по проблемам сохранения культурных ценностей. В сборнике сосредоточены все основные законы и постановления по музейному делу, позволяющие юридически грамотно решать музейные проблемы.

В 2000 году сотрудниками ПГОМ им. В. К. Арсеньева были собраны сведения о наличии и состоянии музеев в Приморском крае и составлен новый справочник всех действующих музеев Приморского края, в который вошли различные по финансовому статусу музеи: государственные музеи краевого подчинения, муниципальные и общественные. В ходе работы при составлении справочника выявлены позитивные изменения в музейной сети края. Если в 1997 году для посетителей были открыты двери 140 музеев, то в 2002 году в Приморском крае работает 185 музеев, из них 11 государственных: ПГОМ им. В. К. Арсеньева и 8 филиалов, Приморская краевая картинная галерея с филиалом, детская картинная галерея. Муниципальных музеев насчитывается 24, к ним относятся музеи городов и посёлков, заповедников Приморского края. За последние годы многие общественные музеи истории городов и посёлков в крае стали муниципальными. Общественные музеи края представлены музеями вузов и научно-исследовательских учреждений (20), средних специальных учебных заведений (8), школьными (69), и музеями других ведомств. (53)

В г. Владивостоке 56 музеев, из них 6 государственных, 7 школьных, 2 средних учебных заведений, 17 вузов и научно-исследовательских учреждений, 24 других ведомств. Музеи края различны по своей профильной ориентации: краеведческие, исторические, художественные, литературные, технические.

В г. Владивостоке наряду с государственными музеями активно и на высоком профессиональном уровне работают такие крупные общественные музеи, как военно-исторический фортификационный музей «Владивостокская крепость», Океанариум, музей Боевой Славы пограничных войск, Военно-исторический музей Краснознамённого Тихоокеанского флота.

В последние годы музейная сеть пополнилась новыми учреждениями, отвечающими современным требованиям музейного дела и музейного дизайна: научный музей Дальневосточного государственного университета, историко-краеведческий музей г. Артёма, музей истории Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, музей истории таможенной службы Дальнего Востока, районный исторический музей Надеждинского района, Уссурийский муниципальный историко-краеведческий музей, музей истории уголовно-исполнительной системы Приморского края, историко-краеведческий музей отдела культуры муниципального образования Михайловского района, Дальневосточный

мемориальный дом-музей В. К. Арсеньева, филиал ПГОМ, Ворошиловская батарея, Филиал музея Тихоокеанского Флота, музей-салон А. С. Пушкина. (при ДВГТУ), музей истории Находкинского рыбного порта, этнографический комплекс «Первое казачье поселение села Графское Дальнереченского района», мемориальный музей памяти В. И. Ильичёва Тихоокеанского океанологического института им. В. И. Ильичёва ДВО РАН и другие. Музейная сеть пополнилась и целым рядом школьных музеев. Каждый город, посёлок, предприятие, вуз, школа имеют свой музей, продолжающий свои традиции по сохранению памяти и передаче её последующим поколениям. Многие из музеев за творческие достижения были удостоены звания «Народный», в крае таких музеев 13.

В настоящее время ведётся научная и организационная работа по открытию новых музеев: музей истории Уссурийского казачьего войска, музей Связи Тихоокеанского флота, музей Управления судебными департаментами, музей «Автомотостарина», музей ОАО «Дальсвязь», музей истории технологического института г. Арсеньева, исторический музей Анучинского района, музей истории г. Владивостока и другие музеи.

Современная концепция развития музейной сети края предполагает создание муниципальных музеев в каждом городе и районном посёлке. В современной ситуации музеи становятся культурно-образовательными центрами, способствуют развитию исторического краеведения, исторического образования, создают благоприятные условия для сохранения памятников истории и культуры.

С. В. ЛЕВАДНЯЯ
Музей истории профтехобразования Приморского края

МУЗЕИ В СИСТЕМЕ НАЧАЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В конце XIX века в России стали развиваться *подвижные педагогические музеи*: Можайский, Серпуховский, Подольский, Курский, Казанский и т. д. Они вели сбор, научное изучение и хранение памятников культуры и документов, отражающих историю образования и педагогической деятельности. При крупных музеях имелись библиотека, производственная мастерская, склад книг и учебных пособий, литературно-издательский отдел, справочное бюро. Организовывались лекции, беседы, выставки, а также распространялись профессиональные знания.

После октября 1917 г. педагогические музеи продолжали обслуживать учебно-воспитательные учреждения, вели методическую работу с учителями и учащимися, но к концу 30-х годов почти все они прекратили свое существование. Функции их перешли к школьным музеям и институтам усовершенствования учителей. Эта же картина прослеживается и в Приморском крае. В 1923 г. открыт

педагогический музей в г. Владивостоке (ул. Пекинская, 22). Далее он реорганизован в педагогический кабинет, в 1939 г. на базе педагогического кабинета создан институт усовершенствования учителей. С 1980 г. при институте вновь стал создаваться музей народного образования.

Бурное развитие технической промышленности, науки, экономики во второй половине XIX в. требовало создания организации, объединяющий ученых-техников, инженеров и предпринимателей. В 1866 г. в Петербурге учреждено Русское техническое общество (РТО), членами которого были Д. И. Менделеев, Э. Л. Нобель. Девятый отдел РТО занимался образованием рабочих и открыл более 60 профессиональных и технических школ. В 1893 г. по инициативе А. Г. Неболсина в Петербурге был открыт *Подвижной музей Российского технического общества*. Через 20 лет музей уже обслуживал до полутысячи учреждений, в основном начальные училища.

Технический музей создан в 1866 г., в его формировании приняли участие все отделы Российского технического общества. Сначала его фонды пополнялись из даров членов общества, потом туда стали поступать коллекции с отечественных и зарубежных промышленных выставок, экспонаты с заводов и фабрик. Эти музеи можно считать предтечами современных музеев профессионального образования.

Крупнейший из них — *Государственный музей истории профессионального образования г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области*. Здесь размещено уникальное собрание материалов, отражающих зарождение и развитие системы профессионального образования, начиная с Петра I. Большой раздел посвящен А. Г. Неболсину, который с 1887 по 1917 гг. руководил постоянной комиссией по техническому образованию Императорского Русского технического общества. Широко представлена тема «Трудовые резервы Ленинграда в годы Великой Отечественной войны», показан и сегодняшний день профшколы. Музей представляет интерес для посетителей всех возрастов и профессий, его посещают более 12 тыс. человек в год.

В 1987 г. открылся *Центральный музей профессионального образования* Министерства общего и профессионального образования Российской Федерации. Расположен он в г. Подольске, в 40 км от Москвы, в здании памятника архитектуры конца XVIII — начала XIX вв. — бывшем имении «Ивановское».

В 12 экспозиционных залах музея раскрывается история профессионального образования России, а также показывается история художественно-промышленного образования, демонстрируются художественно-декоративные работы учащихся.

Музей успешно работает по программам «Музей и дети», «Училище о себе». В театральном зале проводятся вокальные, литературные и театральные вечера, встречи с ветеранами профессионально-технического образования и войны. При музее действует Ученый совет, в его работе принимают участие специалисты Минобразования, ученые, директора училищ и филиалов музеев. Лучшие музеи регионов, в том числе и Приморского края, имеют статус филиалов Центрального музея.

Непосредственно в учреждениях начального профессионального образования Российской Федерации число музеев сегодня около 300. Большая часть создана в 70-е годы. В Приморском крае музеи, уголки боевой и трудовой славы были

тогда чуть ли не в каждом втором училище. Музеи играли огромное значение в военно-патриотическом воспитании учащихся.

Во время многодневных походов, экскурсий, мотопробегов учащиеся встречались с ветеранами, восстанавливали памятники, собирали материалы по истории нашей Родины, края. Найденные материалы оформлялись в альбомы, помещались на стенды, становились основой для экспозиций училищных музеев. Только в Больше-Каменском училище № 15 было совершено более 350 походов.

Далеко не все музеи сохранились. Из самых значительных сегодня музеи в профессиональном лицее № 15, профессиональном училище № 53 (с. Чернышевка). Восхищение вызывает у всех посетителей *музей в селе Чернышевка* (открыт в 1978 г.). Создал его ушедший сейчас из жизни Георгий Веславич Новицкий, работавший мастером производственного обучения в училище. Каждый из 1200 экспонатов, уникальный сам по себе, хранит тепло рук Георгия Веславича. Участник Великой Отечественной войны, мастер на все руки: паять, лудить, клепать, класть печи — он с детства увлекался историей, коллекционированием книг и редкостей. Музей был его долгом перед павшими и воплощением его души. С удивительным тактом и благородством принимал он в своей сокровищнице любого посетителя: от несмышленышей, зашедших с соседней улицы, до убеленных сединой генералов. Музей награжден медалью Дальневосточного Краснознаменного округа. Эти традиции старается сохранить В. П. Кукушкина, нынешний руководитель музея, так, чтобы ручеек приобщающихся к живой истории не прекращался.

В 1998 г. музею присвоено имя Г. В. Новицкого. В 2000 году под рецензией профессора А. П. Деревянко музей издал рукопись Георгия Веславича «Династия Рюриковичей и Романовых (хронология, генеалогия, размышления автора)». Как и музей, книга не оставляет равнодушным никого. Кропотливо собранная хронология о тех, кто собирал Русь Великую, правил ею, составил славу и гордость ее, позволяет каждому почувствовать себя причастным к истории, частицей великого и сильного государства.

Музей профессионального лицея № 15 создан по инициативе краеведа Алексея Филипповича Хортова в 1967 г. Его во всем поддерживали директор училища М. Х. Хабибрахманов и зам. директора по воспитательной работе А. Н. Анненков. Их опыт создания музея обобщался на местном и республиканском уровне: изданы брошюры «Дорогой отцов» (1971 г.), «Организация и работа музея революционной, боевой и трудовой славы в профтехучилище» (1974 г.)

Нынешний руководитель музея З. А. Громова сумела найти новые формы деятельности музея и является таким же активным пропагандистом родного училища, системы в целом и всего, что касается истории района, города Большого Камня, завода «Звезда». В 2000 году музей занял I место в краевом смотре музеев, поисковых групп и отрядов учреждений начального профессионального образования, посвященном 55-летию Победы. В 2001 году музей получил Почетную Грамоту Центрального музея профессионального образования Российской Федерации за участие в конкурсе на лучший путеводитель.

Оба этих музея достойно подтверждают свое звание народных музеев, которое было им присвоено в 1982 г. — 20 лет назад.

С 1985 г. действует *музей в профессиональном училище № 2* г. Лесозаводска. Училище создано в 20-е годы для подготовки кадров для лесозаводов № 1, 2. Славные страницы в истории края и нашей родины вписали учащиеся и выпускники училища в годы Великой Отечественной войны. В 1942 и 1944 гг. оно дважды завоевывало призовые места во Всесоюзном социалистическом соревновании. Традиции училища не утрачены и в наши дни, о чем рассказывает экспозиция музея. Руководит музеем библиотекарь училища Н. А. Неплюева. В 1995 г. передвижная выставка музея ПУ № 2 «Мое училище в годы Великой Отечественной войны» заняла I место во Всероссийском конкурсе.

Уникальные экспонаты, связанные с историей г. Уссурийска и района, начиная с эпохи государств Бохай, Чжурженей, собрал в своей частной коллекции мастер производственного обучения *профессионального училища № 3* А. В. Полянский. Некоторые его раритеты сделали бы честь городскому архиву и музею. Музей расположен в общежитии училища, за 10 лет переехал уже в 3-е помещение — с каждым разом все меньше! Но не иссякает интерес к его экспонатам у школьников, курсантов, студентов и всех, не равнодушных к истории.

В 1986 г. открыт *музей истории профессионального училища № 7 г. Владивостока*. С гордостью показывают его гостям юные экскурсоводы в морской форме. В 2001 г. — год 300-летия профессиональной школы России — Дмитрий Стрежнев был назван одним из лучших экскурсоводов Всероссийского конкурса.

С 1992 г. стал создаваться *музей в профессиональном училище № 1 г. Владивостока*. Его организатором была Н. И. Демченко, зам. директора по учебно-воспитательной работе. С 1998 г. музеем стала заниматься преподаватель литературы Е. М. Шевелева. Экспозиция пополнилась уникальными предметами старины, советского периода развития нашего города, материалами профессионального училища № 8 (связисты), с которым произошло объединение. Значительно расширилась площадь музея. К сожалению, пока нет художественного оформления экспозиции, не ведется книга учета поступлений.

Представляет интерес музейная комната-выставка работ по дереву учащихся и мастеров производственного обучения *профессионального училища № 27 г. Дальнереченска*. Время накладывает отпечаток и здесь — некоторые работы продаются для украшения интерьеров имеющим деньги, если училищу не хватает средств для собственного ремонта и развития. А эти работы представлялись на конкурсах декоративного творчества Всероссийского уровня, были в Японии, Корее.

Несколько лет был закрыт один из лучших наших музеев *в профессиональном училище № 52 с. Черниговки*. Часть экспонатов ушла в районный музей, передана туда и картинная галерея, собранная Сергеем Иннокентьевичем Дацко. Сейчас музей вновь начал функционировать.

Собраны материалы, оформлено помещение под музей в Тавричанском училище № 26, но нет организатора, который бы вел этот музей и всей душой болел за него.

С сентября 1981 г. началась работа по созданию во Владивостоке *музея истории профессионального образования края*. Были организованы поисковые группы, проведена работа в архивах, созданы картотеки училищ (менялись их наименования, номера, некоторые действовали 4–6 месяцев), именные картотеки по ветеранам и выпускникам.

Архитектурно-художественный проект музея подготовил член союза художников В. М. Шлихт, строительные работы вели учащиеся. В 1985 г. — к 40-летию Победы — состоялось открытие музея. Были приглашены ветераны Великой Отечественной войны — работники профтехучилищ всего края. Ленточку разрезала выпускница военных лет школы ФЗО № 11, Герой Социалистического Труда М. А. Волкова.

Музей расположен в здании профессионального училища № 49 на одной из доминирующих сопок бухты Тихой. Это одно из самых современных училищных комплексов г. Владивостока, неподалеку находятся еще 4 городских училища и индустриально-педагогический техникум. На следующий год при музее открылся выставочный зал продукции, изготавливаемой в училищных мастерских. В рекреациях училища в витринных шкафах оформлялись временные выставки. Это позволяло расширить стационарно оформленную экспозицию, давать демонстрационный материал к открытым урокам преподавателей, показывать творчество учащихся и работников училищ, отмечать памятные даты в истории края и страны. Передвижные выставки организовывались также в самых посещаемых кинотеатрах города: «Океан», «Москва», «Союз».

В разные годы при музее действовали исторический кружок, кружок экскурсоводов, которые посещали учащиеся ПУ № 1, 5, 7, 8, 49, школ № 33, 65. Четыре последних года успешно работает Клуб интересных встреч.

В 1985–1987 гг. проведена большая работа по восстановлению имени Героя Советского Союза В. Л. Полещука, выпускника школы ФЗУ Главного Военного порта (ныне ПУ № 5). Учащиеся вели переписку с родственниками героя, ветеранами 21 Стрелковой дивизии, в которой воевал Василий Полещук. Некоторые из них проживали за пределами края. Результатом поиска было открытие мемориальной доски с барельефом В. Полещука перед входом в училище. На открытие приехали 40 ветеранов дивизии. Учащиеся восстановили полковые песни, сами исполняли их на встрече с ветеранами. По материалам, собранным музеем, журналист В. Дебелов написал повесть «Высота». Администрацией училища совместно с базовым предприятием было подготовлено обращение в Министерство рыбного хозяйства о присвоении новому судну имени Героя. И сейчас в рыбном порту г. Владивостока прописан приемно-транспортный рефрижератор «Василий Полещук».

В 1986 г. поисковая группа музея выезжала в г. Анапу на Всесоюзный слет правофланговых «Летопись Великой Отечественной» и была отмечена медалями слета. В 1990 г. активисты музея приняли участие в зональном слете-семинаре общественно-политических клубов, музеев профтехучилищ, который приходил в течение недели в г. Хабаровске. Среди делегаций из 18 регионов наши ребята выглядели довольно подготовленными и получили диплом II степени.

В музее проводится массовая культурно-просветительская работа с учащимися: краевые конкурсы рефератов и сочинений, конкурсы экскурсоводов, знатоков, встречи с интересными людьми, ветеранами, тематические вечера, экскурсии в музее и экскурсионные поездки по памятным местам города, дружественные связи с другими музеями, участие в работе различных клубов, участие в социологических исследованиях, отмечаются памятные даты: День знаний, День защитника отечества, Международный День музеев, День Приморского края, Международный День освобождения узников концлагерей, День памяти жертв политических репрессий в России.

Большая работа проводится с ветеранами профтехобразования. В задачу музея входит также координация работы общественных музеев, действующих в училищах края, оказание им практической помощи, паспортизация, проведение научно-практических семинаров, смотров музеев, распространение их опыта работы, организация и проведение конкурсов.

Музей осуществляет комплектование, хранение, изучение и популяризацию памятников и документов по истории начального профессионального образования края. Фонды и экспозиция музея насчитывают более 3 тыс. зарегистрированных единиц музейных предметов. 110 экспонатов поставлены на государственный учет в краеведческом музее им. В. К. Арсеньева как памятники материальной и духовной культуры нашего народа. Часть своих фондов Краевой музей передал при открытии музеям ПУ № 1 и 7, более 200 предметов передано в Центральный музей профессионального образования, и теперь во многих разделах его экспозиции можно видеть материалы о Приморской профшколе.

Музей регулярно участвует в краевых семинарах преподавателей истории, литературы, библиотекарей, руководящих работников. Музейные материалы используются учащимися училищ, студентами при написании дипломов, конкурсных работ. В музей обращаются также диссертанты института истории ДВО РАН.

Работа Краевого музея профтехобразования нередко освещается в средствах массовой информации. Музей публикует также самостоятельные материалы: это статьи «Они были первыми» («Красное Знамя», 17 января 1986 г.), «Родом из войны» («Красное Знамя», 4 июня 1989 г.), «А мне нравится Паинька...» («Владивосток», 22 июня 1996 г.), «Разводный ключ дядьки Черномора» («Рыбак Приморья», 14 марта 1997 г.), «Они из гнезда Петрова» («Утро России», 11 января 2000 г.), «В жизнь путями Крузенштерна» («Дальневосточный ученый», 10 апреля 2002 г.).

В активе музея 16 публикаций в информационно-методическом бюллетене Учебно-методического кабинета управления профтехобразования «Поиск», 4 подготовленных и изданных поэтических сборника ветеранов профтехобразования, ряд статей в изданиях Центрального музея. В 1995 г. издана книга «Жизни прожиты не напрасно» авторским коллективом: А. П. Ткалич, В. Я. Гирийчук, Л. Я. Иващенко, С. В. Левадняя. В компьютерном наборе изданы брошюры «К 300-летию профессионального образования России (эпоха Петра I — начало XX века)» (1999 г.) и «Клуб интересных встреч» (2001 г.).

Краевой музей имеет почетное звание Народного музея, отмечался грамотами Управления культуры администрации Приморского края и Министерства

общего и профессионального образования РФ. В 2001 г. был отмечен дипломом Всероссийского конкурса научно-исследовательских работ по истории профессионального образования России. Музей внесен во Всероссийский реестр музеев.

Все музеи учебных заведений профессионального образования собирают и хранят памятники и документы, отражающие историю своей малой Родины, историю училищ. Музеи организуют Уроки мужества, встречи с ветеранами, различные конкурсы, игры с использованием музейного материала, являются подспорьем преподавателям-предметникам. Хорошо работающие музеи становятся центром воспитательной и профориентационной работы, способствуют процессу социального, культурного развития учащихся, школьников, работников учреждений профессионального образования, росту их интереса к культурно-историческому наследию.

Однако роста числа училищных музеев в крае нет. Закрылись музейные уголки, музеи со стажем работы, активно действовавшие в 70–90 годы. Где-то музеи расформированы в силу того, что закрывались училища. Это музей боевой славы в Дальнереченском училище № 54, музей А. С. Макаренко в Находкинском училище № 13. Где-то закрывались после ухода организатора — археологические музеи в ПУ № 34 и Партизанском ПУ № 17. А некоторые исчезли в силу того, что администрации училища не хотелось иметь лишней головной боли: решать проблемы с площадью, пожарной охраной, хоть какой-то оплатой руководителю — ЖУ № 6 г. Владивостока. Сейчас в 51 профтехучилище края музеи имеются лишь в 9 плюс краевой музей, который за 20 лет деятельности числится уже в 5-й структурной организации. У наших соседей в Хабаровском крае картина благоприятнее. На 46 училищ у них 33 музея, расширяется краевой музей, введены в штат еще методист и экскурсовод. Но пока наш музей считается лучшим в регионе, и в этом году Министерство образования предложило нам стать координирующим центром по развитию музейного дела и поисковой работы в Дальневосточном федеральном округе. У музея стоит задача переезда в другое помещение, на ул. Пушкинскую, создания новой экспозиции, и, возможно, в связи с вышеизложенным, расширения функций и штатов.

Н. С. ПРОТАСОВА
Краеведческий музей Еврейской автономной области

ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ЭКСПОЗИЦИЯХ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ

Вопрос поддержания требуемого качества окружающей среды и ее сохранения приобретает сегодня все большую актуальность и значимость, особенно ввиду произошедшей деградации природных экосистем. Краеведческие музеи могут взять на себя задачу распространять информацию и повышать осведомленность общественности об этих проблемах с помощью экспозиций и осуществляемой ими деятельности.

Огромные возможности, которыми располагают музеи для содействия осознанию общественностью того, как важно сохранять наше природное наследие, должны быть использованы в полной мере.

Областной краеведческий музей г. Биробиджана относится к категории музеев, которые наряду с традиционной деятельностью по комплектованию и изучению коллекций, значительное внимание уделяют экспозиционной и просветительной работе. Такое акцентирование вызвано необходимостью удовлетворять все более растущие запросы музейной аудитории.

Благодаря тем возможностям, которыми обладает музей, стало возможным в стенах музея реализовать многие направления экологического просвещения и воспитания населения и подрастающего поколения.

Богатство и разнообразие природных ресурсов области обусловлено удивительным сочетанием северных и южных видов и пород растений и животных, которое характерно для всей природы Дальнего Востока. Еврейскую автономную область по характеру рельефа и растительности можно разделить на две части: горная и равнинная. Западная половина области — горная, лесная, занимает южные отроги Буреинского хребта, входящего в систему Малого Хингана. Кроме того, на территории области имеются небольшие по протяженности и невысокие хребты: Сутарский, Помпеевский и Щуки-Поктой. Южная и восточная части области заняты слабоблесенной равниной — Средне-амурской низменностью, на которой простирается гряда небольших возвышенностей Даур, Большие Чурки и Ульдуры. На территории области есть выходы горных пород всех геологических эр и периодов. Богатая геологическая история области обусловила своеобразие и насыщенность территории полезными ископаемыми. На территории области выявлены и разведаны более 20 видов полезных ископаемых: золота, железа, марганца, олова, графита, брусита, мраморов, цеолитов, угля, торфа, минеральных источников.

Но главное богатство области — это леса. Растительный мир ЕАО сформировался на стыке трех биогеографических подзон, что обусловило высокое видовое разнообразие на сравнительно небольшой по площади территории. По данным лаборатории экологии Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, флора области слагается из 1 232 видов. К категории редких и находящихся под угрозой исчезновения отнесено 188 видов сосудистых растений. Леса Еврейской автономной области занимают 73,2 % (2 294,5 тыс. га) общей площади территории области. Кедрово-широколиственные леса занимают средний горный пояс между 200–300 и 600–700 м над ур. м. Особенностью этих лесов является сложность строения: древостой многоярусен и имеет многовидовой состав. Пихтово-еловые леса сохранились на Буреинском хребте выше 750–800 м. Наиболее молодые — лиственничные леса.

Совсем недавно в области господствующим был лесной тип растительности. Систематические рубки, лесные пожары изменили характер древостоев. Раньше в них преобладали хвойные породы из кедра корейского, пихты белокорой и ели аянской, в настоящее время они частично или полностью заменены лиственными. Широко распространены вторичные формации широколиственных лесов (дубняки, белоберезники с осиной, лиственницей и др.)

Растительность равнинной части области, представленная малолесными и безлесными территориями, также испытывает отрицательное воздействие антропогенного фактора. Равнинная территория — местообитание вторичных зарослей кустарников, вейниковых, осоковых и злаково-разнотравных лугов.

На переувлажненных участках долины Амура господствуют среднекочковатые вейниковые и осоково-вейниковые луга, травяные и травяно-моховые болота. Моховые болота покрывают значительные площади на низменных участках области.

Ухудшение качества природной среды и нерациональное использование природных ресурсов привели к значительному сокращению биоразнообразия области. За последние 25 лет с территории автономии, вероятно, исчезли красный волк, амурский тигр, горал, колпица, красноногий ибис, рыбный филин. В угрожающем состоянии находятся 189 видов сосудистых растений. В Красную книгу занесены 10 видов зверей, 61 — птиц, 7 — рептилий, 1 — амфибий, 7 — рыб. Многие из них до недавнего времени являлись объектами интенсивного промысла. Барсук, солонгой, тетерев, каменный глухарь, клоктун, желтощек, и некоторые другие виды еще 8 лет назад относились к категории промысловых животных.

В настоящее время в области существует целая сеть охраняемых природных территорий, которая включает 1 государственный заповедник «Бастак», 4 государственных природных, 1 государственный лесной и 1 государственный биологический заказники областного значения, дендрологический парк, 29 памятников природы, 8 охотничьих вопроизводственных участков.

Проблема сохранения биоресурсов области в настоящее время стоит очень остро, с каждым годом в результате хозяйственной деятельности ухудшаются показатели сохранности и защиты лесов, воспроизводства охотничьих ресурсов. Для решения этой экологической проблемы на территории области действуют региональные экологические программы, экологический мониторинг. Огромное значение придается в области и экологическому образованию, и просвещению населения. На современном этапе развития общества становится все более очевидным, что экологическое образование, просвещение и воспитание населения нужно рассматривать как непрерывный процесс, начиная с детского возраста. Решение этой задачи вполне под силу краеведческому музею, обладающему особым потенциалом нетрадиционного и неформального воздействия на население.

Конечно, экспозиция отдела «Природы» не может заменить саму природу, но стать краеугольным камнем в познании природы края, пробудить у посетителя желание узнать как можно больше о каждом представленном на экспозиции виде животных или растений, вполне по силам. А ведь невозможно овладеть экологическими знаниями, не получив знаний о видах и их разнообразии.

Можно сколько угодно кричать, что любое чучело не может служить экологическому воспитанию и не совместимо с понятием «экологического просвещения». Но, к сожалению, в мире, где человечество все больше урбанизируется и где утрачивается реальный контакт с природой, именно контакт посетителя с чучелом, возможность увидеть животных на близком расстоянии и больше узнать о них служит много более формированию экологического мышления и пробуждает интерес к природе.

Показать широкой публике, что такое биологическое разнообразие лучше всего с помощью диорамы. Уникальное построение экспозиции отдела «Природы» музея состоит в представленных с помощью диорам основных природных комплексов области. Действующая экспозиция была создана в 1984 году, но и сегодня она является актуальной и востребованной у населения. Диорама не только прекрасная картина, но и наилучший способ донести в стенах музея материал о животном и растительном мире края, особенностях их обитания и других аспектах данной местности. Именно диорама может наиболее полно отобразить экологическую значимость отдельных видов живой природы, необходимость их охраны для сохранения всего природного комплекса.

Особый интерес у посетителей вызывает центральная диорама экспозиции «Заповедник „Бастак“». Здесь представлены кедрово-широколиственные леса области, многоярусный и многовидовой состав растительного и животного мира этого природного комплекса. За последние годы площадь кедрово-широколиственных лесов значительно сократилась в результате антропогенного воздействия. А ведь это наиболее значимые леса как в экологическом, так и в эстетическом отношении. Поэтому диорама «Заповедник „Бастак“», где показаны кедр корейский, пробковое дерево, маньчжурский орех, лимонник китайский, амурский виноград, представлены такие животные, как амурский тигр, бурый и гималайский медведи, волк, рысь, харза, соболь, кабан, лось, косуля, многочисленный мир пернатых — является любимой экспозицией у посетителей музея. Эта диорама является фоновой для всех мероприятий, проводимых отделом природы.

Диорама «Среднеамурская низменность» представлена природным комплексом разнотравных лугов в сочетании с антропогенным воздействием — именно эта территория в большей степени занята в области сельскохозяйственными угодьями.

Очень интересная диорама «Голубичная марь» — природный комплекс моховых болот. Болота занимают 29 % территории области и являются важнейшим составляющим компонентом природной экосистемы. Здесь показаны не только удивительный растительный мир болот, но и своеобразие животного мира болотной экосистемы.

Диорама «Лотосовое озеро» представляет ботанический памятник природы озеро Лебединое, где произрастает лотос Комарова — древнейшее водное растение Дальнего Востока и уникальный памятник природы.

Конечно, в диорамах не могут быть полностью раскрыты все слагаемые компоненты природного комплекса, а также не раскрывает диорама и всей сложной и многозвенной биологической цепи. Но с помощью разработки специальных программ и мероприятий музей может в полной мере выполнять свою просветительскую функцию, способствовать формированию экологического

мышления у населения. С этой целью сотрудниками музея разработан целый ряд познавательно-развлекательных игр для детей дошкольного и школьного возраста, для старшеклассников и студентов работает лекторий.

Простая экскурсия по отделу природы, знакомящая посетителей с природой области, с внесением в нее акцента экологической значимости видов животных и растений, геологических образований, становится очередным этапом популяризации вопросов экологии и экологического воспитания.

Эколого-просветительская деятельность нашего музея не ограничивается проведением экскурсий, показом фильмов и организацией отдельных лекций. Экологическое воспитание и информирование не заключено только в стенах музея. Сотрудниками музея разрабатывается внемузейная программа экскурсии в парки и скверы города, заповедники живой природы, включающая элементы самостоятельной исследовательской и аналитической деятельности, показывает сложную взаимосвязь «природа-человек-город».

Когда дело касается окружающей среды, важно показывать позитивные перспективы, подчеркивая роль человека в содействии оздоровлению окружающей среды в интересах будущего, а не вставать на позицию предсказателей «конца света».

Е. В. БЕНДРЫШЕВА
Приморский государственный объединенный музей имени В. К. Арсеньева

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ЖУРНАЛИСТ Н. И. КОЛБИН НА ПОСТУ ДИРЕКТОРА ПРИМОРСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В ПГОМ им. В. К. Арсеньева собран архив дальневосточного журналиста, писателя Николая Ивановича Колбина — фонд 112,10 дел. Документы поступили от И. И. Миролюбова в 1959 и 1960 годах. Помимо этого часть материалов архива Колбина хранится в архиве писателя Льва Князева, от которого они поступили в 1993 году — фонд 121,4 дела. В основном это материалы творческой деятельности Колбина: рукописи романа «Партизаны» («Сергей Лазо»); рассказов, повестей, которые не были опубликованы; машинописные тексты статей и очерков по истории революционного движения, гражданской войны и интервенции в Приморье, а также по истории комсомольской организации и т. д. Здесь же — множество вырезок из газет; несколько писем Колбину от собратьев по перу за 1946–1951 гг. И очень мало собственно биографических документов и документов служебной деятельности. Особенно нас интересует период с 1937 по 1939 год, так как в это время Н. И. Колбин был директором Приморского краеведческого музея. Четверо из директоров, занимавших этот пост до него, в 1930-х годах были репрессированы. Е. М. Чепурковский (директор в 1924–1927 гг.), М. А. Фирсов (директор в 1927–1928 гг.), А. А. Половинкин (в 1928–1932 гг.), Е. А. Галликас (в 1932–1937 гг.) [1].

В декабре 1937 года Приморский обком ВКП(б) назначил директором Приморского Государственного Областного музея (так назывался музей до 1939 г.) Николая Ивановича Колбина. В декабре ему исполнялся 31 год, за плечами был университет и журналистская работа в краевых газетах. О себе Колбин подробно рассказал в автобиографии от 13 мая 1939 г. [2]. Родился он 19 декабря 1906 года в селе Истобенском Вятской губернии. Отец работал в железнодорожных мастерских. Детство Николая прошло в Чите, где он окончил школу, вступил в комсомол. В 1925 г. был направлен на комсомольскую работу в деревню. В 1928 г. работал воспитателем детприёмника в Чите и готовился к поступлению в вуз. В сентябре 1928 г. приехал во Владивосток, поступил в Дальневосточный Государственный университет на педагогический факультет, который был реорганизован в Пединститут. В 1931 г. закончил литературное отделение Пединститута.

Вспоминая об этом периоде в дневнике за 1942 г. (недавно опубликованном), Николай Иванович писал: *«В 25 лет мне ещё казалось, что всё значительное в жизни ещё впереди. Я только что закончил вуз, были мечты о литературном поприще, но мечты остались мечтами. Я увяз в текучке газетной работы... Когда я думаю об этом долго, меня начинает грызть тоска по перу...»* [3].

С августа 1931 по февраль 1932 Николай Колбин был редактором краевой студенческой газеты «За пролетарские кадры», в 1932 г. Владивостокский горком ВКП(б) перевел его в газету «Красное знамя». Здесь он работал заведующим ряда отделов, секретарем редакции, а с января 1936 г. по сентябрь 1937 г. — заместителем ответственного редактора.

Просматривая в Краевом архиве подшивку газет за август — сентябрь 1933 г., я обратила внимание на три статьи за подписью Н. Колбина, находившегося в служебной командировке в Ольгинском районе. Две из них критические: «Решения Крайкома партии застряли в районном центре», «Газеты прибывают тоннами», а третья под названием «Молодежный вожак» [4] — о секретаре комсомольского комитета Тетюхинского рудника, который проходил чистку. Чистка партии, борьба с классовым врагом, политические репрессии... Тяжелые времена переживала Советская страна. «Времена были коварные, подлые», — написал о 30-х годах доктор филологических наук С. Ф. Крившенко в статье, посвященной 90-летию со дня рождения Н. Колбина [5].

В 1936 г. журналист получил партийный выговор — за допущение в газете грубой опечатки, 20 сентября 1937 г. — второй выговор за притупление партийной бдительности и допущение зажима критики. Вина Колбина заключалась в том, что он «будучи заместителем редактора, не разоблачил связь бывшего редактора Станевского с врагами народа». За выговорами последовало снятие с работы. Итак, в сентябре 1937 года, в разгар политических репрессий по всей стране, Н. И. Колбина изгнали из «Красного знамени». Но для него гроза прошла стороной. Меньше

чем через три месяца, в декабре 1937 года, бывшего журналиста назначили директором музея.

В Государственном архиве Приморского края хранится личное дело Н. И. Колбина за 1939–1940 гг. В этом деле три документа, и все они важны и интересны:

1. Личный листок по учету кадров, дата заполнения 14 мая 1939 г.
2. Автобиография. 13 мая 1939 г.
3. Характеристика на члена ВКП(б) Колбина Н. И. 27 апреля 1940 г.

«Личный листок...» [6] позволяет подробно проследить трудовой путь Николая Ивановича Колбина — начиная с марта 1925 г., когда он работал курьером в отделении Госбанка города Читы, до декабря 1937 г. — времени назначения его директором краеведческого музея города Владивостока. На момент заполнения «Листка», 14 мая 1939 г., он также являлся директором.

В различных графах листка указаны: социальное положение — служащий; номер партбилета — 0495399 (с XI/1931г., принят Владивостокской организацией); стаж пребывания в ВЛКСМ — с 1923 по 1930 гг.; специальность, полученная в вузе — преподаватель русского языка и литературы.

Отмечено здесь и участие Колбина в выборных партийных органах: член пленума I созыва Ворошиловского РК ВКП(б) — с V/1936 г. по V/1937г., кандидат в члены пленума Приморского обкома ВКП(б) — с VI/1937 по IX/1937 г.

Перечислены и два партийных взыскания, полученных в VIII/1936 г. и в IX/1937 г. — оба выговора сняты Приморским обкомом ВКП(б) 13/V/1939 г.

Автобиография, написанная рукой Н. И. Колбина 13 мая 1939 г., на двух страницах, с его подписью, также относится к «музейному периоду» его жизни.

Следующий документ напечатан на машинке. Это «Характеристика на члена ВКП(б) Колбина Н. И.» — заместителя ответственного редактора газеты «Красное знамя». В ней, в частности, говорится: *«Товарищ Колбин опытный квалифицированный журналист, активный коммунист, аккуратно выполняет все партийные поручения, дисциплинирован, политически подготовлен хорошо, идеологически устойчив, партийных взысканий не имеет, ведет активную пропагандистскую работу.*

Товарищ Колбин пользуется большим авторитетом в коллективе редакции...»

Характеристика утверждена на заседании партбюро редакции газеты «Красное знамя» 27 апреля 1940 г., ее подписал секретарь партбюро А. Стоник [7].

Как видим, недолго довелось Николаю Ивановичу заниматься музейной работой — лишь с декабря 1937 г. по август 1939 г., когда крайком партии снова перевел его в редакцию «Красного знамени». Вся дальнейшая жизнь Н. И. Колбина была связана с журналистикой и службой на Тихоокеанском флоте.

В архиве ПГОМ им. В. К. Арсеньева имеется несколько документов, относящихся ко времени пребывания Колбина на посту директора музея.

Во-первых, это два акта, оба составлены уполномоченными НКВД, от 17 июля 1938 г. и от 11 мая 1939 г. В акте от 17 июля 1938 г. сообщается об осмотре и обыске шкафа с книгами в квартире арестованного З. Н. Матвеева; выносится постановление об изъятии литературы, дневников (перечислены списком). «Остальные материалы передать в Госфонд Приморского Областного музея, как материал, имеющий

художественную и историческую ценность». Акт подписали: уполномоченный ПОУ НКВД — инспектор Л. Н. Иваньев, присутствовали: зам. директора Приморского Областного Музея товарищ Н. И. Лодейщиков (правильно: Ладейщиков) и комендант г. Владивостока майор товарищ Трушин [8]. Отметим, что в 1937–1938 году в Музей было передано множество предметов, изъятых при обысках и арестах; при ликвидации храмов и т. д.

В акте от 11 мая 1939 года — о проверке О/Уполномоченным спец. Отдела УРКМ УНКВД Приморского края Олейником учета, хранения с/д ядовитых веществ, произведенной «в присутствии директора музея краеведения гр-на Колбина Николая Ивановича, зав. отдела истории гр-на Иваньева Леонида Никифоровича» (с подписями всех троих), предлагалось немедленно оформить разрешение на хранение, а ненужные с/д ядовитые вещества сдать [9].

Следующий документ — это «Отчет Приморского краеведческого музея за 1938 год», который подготовили и подписали директор музея Н. Н. Колбин и за ученого секретаря Н. П. Ладейщиков. Отчет утвержден зав. сектором домов культуры и колхозных клубов Прим. КрайОНО Серебряковым (подпись, г. Владивосток, 21/V/39 г.). Надо сказать, что в мае 1939 года Приморский Государственный Областной музей сменил свое название, теперь он стал именоваться: Приморский краевой краеведческий музей. В отчете отмечалось, что в 1938 году основой деятельности музея была работа по созданию отдела социалистического строительства. Большой успех у посетителей имела выставка, посвященная событиям у озера Хасан. Экспозиционная работа музея была представлена в виде таблицы; по отделу истории значились темы: «Освоение края русскими», «Первый период колонизации Дальнего востока», «Народы ДВК к моменту прихода русских»; ответственный исполнитель — Н. Колбин. За 1938 год музей посетили 67 345 человек (в 1937 г. — 38 918 человек). В отчете были приведены «Сведения о штатах руководящего состава, научных работников, экскурсантов и о зарплате» — всего шесть фамилий, первым значился Н. И. Колбин — директор; ставка за отчетный год — 700, специальность — редакционный работник; образование — высшее; партийность — член ВКП(б); возраст — 32 года; общий стаж в музее — с XII–37 г.; с какого года в данном музее — с XII–37 г. На последнем листе отчета предлагались варианты увеличения здания музея [10].

Не так давно в ПГОМ им. В. К. Арсеньева поступили от С. Ф. Крившенко новые материалы, касающиеся жизни и деятельности Н. И. Колбина. Сначала скажем о следующих документах: 1. выписка из приказа № 541 Приморского краевого отдела народного образования от 27 августа 1939 г. г. Владивосток. 2. почто-телеграмма от начальника Музейно-Краеведческого отдела Радус-Зеньковича от 3 сентября 1939 г. г. Москва, Чистые Пруды, 6, НК Прос. РСФСР. В приказе говорится:

«1. Колбина Николая Ивановича — директора Краевого музея освободить от работы в музее с 10 сентября с.г., ввиду перевода по решению Крайкома ВКП(б) на работу в редакцию „Красное знамя".

2. Назначить директором Краевого музея тов. Березовского, с 26 августа сего года, с окладом 700 рублей в месяц.

3. Директору музея тов. Колбину Н. И. сдать дела музея, а тов. Березовскому принять, начиная передачу с 28 августа с.г.

4. Для сдачи и приёмки музея создать комиссию в следующем составе: председатель комиссии — зав. сектором домов культуры — Серебряков П. Т., члены комиссии — директор музея Колбин Н. И., вновь назначенный директором музея — Березовский, научный сотрудник музея Первушина З. Ф., бухгалтер музея — Сапежко К. И., научный сотрудник музея — Иваньев.

Акт сдачи и приёмки музея представить в КрайОНО» [11].

В почто-телеграмме, адресованной заведующему КрайОНО во Владивосток (копия — директору Приморского музея Колбину), говорится: *«В Музейно-краеведческом отделе получены сведения о намерении местных руководящих организаций перевести на другую работу директора Приморского музея т. Колбина. Музейно-Краеведческий отдел НКП решительно протестует и настаивает на Вашем личном вмешательстве, тем более что т. Колбин прошёл специальную музейную подготовку и является квалифицированным музейным работником»* [12].

Протест т. Радус-Зеньковича не был принят во внимание. С сентября 1939 года Н. И. Колбин приступил к работе в редакции газеты «Красное знамя». Интересно, что в телеграмме из Москвы музейное руководство, протестуя против перевода Колбина, называет его квалифицированным музейным работником, а партийное руководство края, в свою очередь, принимает решение о переводе его как опытного квалифицированного журналиста. Понятно, что такие знающие, образованные люди, как Николай Иванович Колбин, были необходимы на любом посту.

Сохранилось несколько фотографий, на которых запечатлен Н. И. Колбин. На первом снимке он вместе с участниками экспедиции научно-исследовательского института ДВ края в Южный Сихотэ-Алинь с 21/6. по 15/9/1929 г. г. Владивосток. На другой фотографии Н. И. Колбин в краеведческом музее, в одном из залов, рядом с манекенами [13].

В ПГОМ им. В. К. Арсеньева также передан делегатский билет Н. Колбина на 1-ю Дальневосточную краевую конференцию писателей и литкружков от г. Владивостока с правом решающего голоса. Конференция проходила 5 июня 1934 года в г. Хабаровске.

Перед самой войной, в 1940 г., Колбин редактировал сборник «Советское Приморье», здесь же помещена его статья «Форпост социализма». В 1941 и 1944 годах вышли два первых номера литературно-художественного альманаха «Советское Приморье» под его редакцией, во втором — статья Н. Колбина и А. Мельчина «Приморье в дни Великой Отечественной войны». Во время войны Н. И. Колбин служил на Тихоокеанском флоте, в политуправлении. Хочется процитировать строки из военного дневника журналиста за 1942 год: «24 ноября. ...Помимо своей основной работы в Политуправлении, о которой я никому, ничего и никогда не могу сказать, ...я серьёзно занимаюсь сбором материала о войне на Тихом океане. ...Я много думаю о личных литературных планах, но пока только думаю. Писать нет времени. А хочется закончить свою повесть о Лазо, начать сбор о первооткрывателях края — написать о Хабарове, Пояркове, о Стародубцеве, Янковском — этих фермерах, своеобразных помещиках Приморья, вскрыть завесу, которая закрывает их интересную жизнь в Приморье в прошлом...» [14].

В ПГОМ им. В. К. Арсеньева в фонде Н. И. Колбина имеется два его служебных удостоверения — о командировке на Северный флот в 1943 году. Политуправлением флота капитану Н. И. Колбину предписывалось отправиться в г. Мурманск для опроса военнопленных с 6 мая по 10 мая 1943г., а с 18 мая по 3 июня 1943 г., сроком на 15 дней, — в Политотдел для организации звуковещания [15].

В 1948 году вышел в свет роман Николая Колбина «Партизаны», посвященный Сергею Лазо. Над этим повествованием Николай Иванович работал не год и не два, а на протяжении ряда лет, серьезно изучая историю гражданской войны на Дальнем Востоке.

В 1953 году Колбин перевелся в город Севастополь, где был начальником газеты Черноморского флота «Флаг Родины». Умер полковник Н. И. Колбин 26 февраля 1955 года, на 50-м году жизни.

К сожалению, ему так и не удалось написать продолжение книги о партизанах, многие другие творческие планы также остались не завершенными. Его архив теперь хранится в Приморском государственном объединенном музее имени В. К. Арсеньева, в том самом музее краеведения, который Николаю Ивановичу Колбину довелось возглавлять с декабря 1937 г. по август 1939 г. — в один из самых сложных и драматических для страны периодов.

Примечания

1. *Завещано: сохранить и приумножить... Юбилейный альбом к 110-летию музея. Владивосток, 2000. С. 22.*
2. *ГАПК. Ф. 601, оп. 2 л, д. 983, л. 1–2.*
3. *Н. Колбин. В кольце смерча: из дневника военных лет // Утро России. 1996. 31 декабря.*
4. *ГАПК. Красное знамя. 1933. 8 августа, 9 августа, 1 сентября.*
5. ***С. Крившенко.*** *Голос из героической поры // Утро России. 1996. 31 декабря.*
6. *ГАПК. Ф. 601,оп. 2 л, д. 983, л. 1–2.*
7. *Там же. Л. 4.*
8. *ПГОМ им. В. К. Арсеньева. МПК 15933:27.*
9. *ПГОМ им. В. К. Арсеньева. МПК 15933:125.*
10. *ПГОМ им. В. К. Арсеньева. МПК 15933 : 131,л. 1–15.*
11. *ПГОМ им. В. К. Арсеньева. МПК 15925 : 2.*
12. *ПГОМ. им. В. К. Арсеньева. МПК 15925 : 3.*
13. *ПГОМ им. В. К. Арсеньева. МПК 16019 : 1, 2.*
14. *Н. Колбин. В кольце смерча: из дневника военных лет // Утро России. 1996. 31 декабря.*
15. *ПГОМ им. В. К. Арсеньева. Ф 112, оп. 1, д. 5, л. 1,2.*

Д. Л. БРОДЯНСКИЙ
Дальневосточный государственный университет

КРАЕВЕД-ИСТОРИК Б. А. ДЬЯЧЕНКО

Б. А. Дьяченко

Мне не известно исчерпывающе точное определение понятия «краеведение». Любое изучение природы, истории, культуры определенной территории — от села до крупного региона (края, области), коллекционирование, например, кирпичей местного производства или записывание частушек, местных говоров, воспоминаний старожилов — все подпадает под определение «краеведение». В равной степени краеведением могут заниматься энтузиасты-любители и ученые-специалисты. Увлеченные любители достигают подлинно научного уровня, но, случается, делают элементарные ошибки и не очень принимают научную критику. Специалисты в рамках своей дисциплины тоже не застрахованы от ошибок, научное сообщество принимает, критикует или отвергает полученные результаты, но воспринимает их в рамках конкретной науки, а не в границах изучаемой территории.

В целом я бы относил к краеведению работы отдельных любителей и общественных структур типа Географического общества. В начале 30-х годов минувшего века советская власть объявила краеведение опасным и жестоко подавила большинство его представителей, как, впрочем, и представителей научного сообщества, не вписавшихся в тоталитарный режим. Свобода мысли, неординарность занятий и увлечений подавлялись как опасные для режима военизированного лагеря. Судьба В. К. Арсеньева, в 1901 году начавшего изучение Уссурийского края как краевед-универсал, а в 20-е годы выросшего до уровня крупнейшего специалиста-этнолога, географа, археолога, показательна. После смерти ученого и писателя в 1930 году, его близкие были репрессированы, а сам он посмертно обвинен в политической неблагонадежности. Чудом выжившее Географическое общество во Владивостоке сохранило библиотеку, архив, некоторый ис-

следовательский потенциал, например, спелеологов во главе с любителем Е. Т. Лешком, но новый расцвет краеведения в Приморье пришелся на время ослабления и падения тоталитарного режима. В историческом краеведении выделяется масштабностью и уровнем деятельность Бориса Алексеевича Дьяченко (1940–2001). Инженер-судостроитель, он 30 лет строил и ремонтировал корабли, серьезно занимался туризмом и привлечением в него подростков, с успехом участвовал в международных выставках художественной фотографии, в 90-е годы избирался в городской Совет родного Владивостока, всю жизнь кому-нибудь помогал (мне помог спасти обожженного внука), был всегда в гуще дел и забот, но главное дело своей жизни нашел в историческом краеведении, которому полностью отдал последнюю четверть такой короткой жизни...

Краеведческая работа Б. А. Дьяченко была удивительно многообразной, всеохватывающей, активно-созидательной. Незадолго до смерти Борис Алексеевич написал свою автобиографию и передал ее Приморскому государственному музею им В. К. Арсеньева, в ней несколько страниц занял перечень дел, осуществленных в 1985–2000 гг. Приводимый ниже перечень творческого наследия Б. А. Дьяченко — далеко не исчерпывающий, в нем лишь дела известные, завершенные, опубликованные, многое осталось не завершенным.

1. Музееведение, собирательство и пополнение коллекций. Передал музею имени В. К. Арсеньева более 20 000 единиц хранения: свою коллекцию орденов и значков, фонды Бринеров, Бурачков, Брехмана, Волкенштейнов, Голицыных, Жариковых, Н. П. Задорнова, Д. И. Ивлиева, П. В. Казакевича, Матвеевых, Меркуловых, В. М. Молчанова, Невельских, Пановых, А. И. Петрова, Римских-Корсаковых, Рыковых, Сибирцевых, И. Е. Тамма, Ю. Н. Удовиченко, П. Ф. Унтербергера, братьев Худяковых, Шевелевых, Шефнеров, Янковских, книги из библиотек Ивана Елагина, В. П. Петрова, Янковских, архив Б. Г. Масленникова (привез из Петербурга), русскую зарубежную периодику (за две поездки в США привез 1,5 тонны коллекций), комплекты харбинского журнала «Рубеж» за 1927–1945 гг., альбом фотографий Владивостока 1874–1885 гг., альбом «Русские в Шанхае», автографы В. К. Арсеньева, В. И. Беринга, Г. И. Невельского, М. И. Янковского, грамоты Приамурского Земского Собора...

Собирался в Австралию и третий раз в Сан-Франциско, вел переписку, встречался и принимал у себя дома людей из первой волны русской эмиграции. Сегодня только ленивый не обращается к безбрежному морю эмигрантского пласта русской культуры, пишутся и защищаются диссертации, Б. А. Дьяченко был первым в этой работе, а о диссертациях просто не думал. Его волновало возвращение на Родину наследия уходящего поколения первой эмигрантской волны. Многое сделал, очень многое — не успел.

2. Возвращение и пополнение архива. С 1988 г. занимался проблемой возвращения вывезенного в Томск Центрального архива Дальнего Востока. Добивался передачи для архива бывшего здания штаба Сибирской флотилии, впоследствии занятого крайкомом КПСС. Добился — горсовет передал здание под архив, но Е. И. Наздратенко отобрал и отдал частному банку. Голодал на центральной

площади города, голодал всерьез и, возможно, именно тогда сократил свою жизнь. Ездил в Москву, в Госархив, в Томск, собирал подписи. Добился: архив вернулся, наши историки, невзирая на невообразимую тесноту, в архиве работают, он служит городу и краю, студентам и профессорам. А без Б. А. Дьяченко и по сей день бы гнил и пропадал в Томске.

3. Восстановление и обустройство исторической инфраструктуры города и края. Б. А. Дьяченко хранил и берег как драгоценные воспоминания детства, проведенного в старых владивостокских дворах. Он хорошо понимал, как важна для ребенка и подростка окружающая его среда города, его архитектура, улочки, дворы, памятники. Безликие хрущовки плодят бездушных людей.

Не менее 4-х лет Борис Алексеевич потратил на возвращение из Парижа праха Н. Н. Муравьева-Амурского, 3 месяца пропадал на строительстве мемориала, где перезахоронен прах основателя города. Сегодня на этой обустроенной площадке можно увидеть торжественные церемонии с военным оркестром, казацкими мундирами, большими и малыми местными чинами. Когда Б. А. Дьяченко сооружал мемориал, мундиров и чинов я там не встречал. Сколько лет укороченной жизни Бориса Алексеевича в этих плитах и памятном кресте, нам уже не узнать.

В 1989 г. сумел поставить 4 памятника: шкиперу Ф. К. Геку, первому командиру поста Владивосток Евгению Степановичу Бурачеку (1836–1911) — его прах перевез из Петербурга, геологу Д. И. Ивлиеву, на острове Путятин — А. Д. Старцеву (1839–1900) — сыну декабриста Н. Н. Бестужева, создавшего на Путятине образцовое хозяйство. В 1990 г. поставил памятник нобелевскому лауреату физику Е. И. Тамму, в раннем детстве жившему во Владивостоке, в 1991 г., в Безверхово — памятник М. И. Янковскому (1842–1912) — создателю в Приморье паркового оленеводства, первому археологу края. В 1995 г. установил памятник Якову Лазаревичу Семенову (1831–1913), первому гражданскому жителю Владивостока, первому старосте, купцу. А в 1997 г. поставил новый памятник А. С. Пушкину. Один памятник — Ф. Э. Дзержинскому с активным участием Б. И. Дьяченко был снесен, и Борис Алексеевич этим гордился. Памятник был уродлив, стоял, как говорится, ни к селу, ни к городу, вряд ли о нем сожалеют даже поклонники железного чекиста.

По инициативе и при участии Б. А. Дьяченко установлены памятные доски в честь посещения Владивостока цесаревичем Николаем Александровичем в 1891 г., в честь генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера и первого председателя городского Совета К. А. Суханова — все на одном здании. При активном участии Б. А. Дьяченко в 1991 г. восстановлены исторические названия улиц: Светланской, Алеутской, Семеновской, Фонтанной, Пологой. В 1992 г. при его же участии возрожден герб Владивостока образца 1883 года. Не успел возродить памятник адмиралу В. С. Завойко.

Не знаю, сколько планов и замыслов по созданию памятников и сохранению исторических памятных мест осталось неосуществленными. У Б. А. Дьяченко в этой работе не было соперников. Он был не только хранителем истории, но и ее созидателем, строителем. Историк-строитель — редчайшее сочетание.

4. Создание художественной исторической летописи — издание альбомов. Составлял, писал тексты, пробивал издание великолепных историко-художественных альбомов, успел создать и издать 3 таких альбома: «Старый Владивосток», 1992; «Край России — Владивосток», 1994 и посмертно изданный «Скрепы памяти — Владивосток», 2001.

В первом из них «Старый Владивосток» — 379 иллюстраций из числа редчайших — настоящий кладезь изобразительных исторических источников. Рассматривая альбом, узнаешь, что больница на Светланской — дом Даттана, а нынешний Пушкинский дом — Дом собрания приказчиков. Фотографии и модели исторических кораблей, маяков, старинные планы и карты, текст Айгунского договора. Но более всего в альбоме — фотографий исторических лиц и кратких исторических справок о них, биографии людей были для Б. А. Дьяченко главной темой и главной страстью.

Пролистав альбом, читатель увидит лица, прочтет сведения о Н. Н. Муравьеве-Амурском (1809–1881), адмиралах П. В. Казакевиче (1814–1887), Г. И. Невельском, И. Ф. Лихачеве (1826–1907), генерале М. С. Корсакове (1826–1871), командире «Америки» и «Японца» Н. Я. Шкоте (1829–1870), картографе В. М. Бабкине (1813–1876), морских офицерах А. И. Петрове (1829–1891), В. А. Римском-Корсакове (1822–1871), А. К. Шефнере (1832–1891), первом городском голове М. К. Федорове (1844–1906), первом Приморском генерал-губернаторе А. Н. Корфе (1831–1893), первом редакторе газеты «Владивосток» Н. В. Соллогубе, о создателе приморской археологии, Общества изучения Амурского края и главе переселенческого управления Ф. Ф. Буссе (1838–1896) и его соратнике на ниве образования и археологии В. П. Маргаритове (1854–1916), о знаменитейшем адмирале С. О. Макарове (1848–1904) и путешественнике М. И. Венюкове (1832–1901). И здесь же — купец М. Г. Шевелев (1845–1903), препаратор музея А. И. Черский и сторож музея Иван Алексеевич Алексеев. Не припомню другого примера такого демократичного ряда исторических персонажей — в этом характер Б. А. Дьяченко, его удивительный талант историка.

Особое место в поисках Б. А. Дьяченко занимали биографии литераторов, поэтов, журналистов: Ивана Елагина, Венедикта Марта, Новеллы Матвеевой — выходцев из могучего потомства Н. П. Матвеева, чей «Краткий исторический очерк Владивостока» Б. А. Дьяченко в 1990 г. переиздал. Его же заслуга в переиздании книги Виктории Янковской «По странам рассеяния», 1993 г. и сборника «Желтая опасность», 1996 г.

В альбомах можно обнаружить и ошибки. Так, в «Старом Владивостоке» неверно указано место рождения С. О. Макарова — не Николаевск, а Николаев, где я еще в детстве видел на родной моей улице Мало-Морской мемориальный домик. Неверно указана и дата гибели — 31 марта 1904, а не 1905 г. Неверны сведения о 4-х годах работы во Владивостоке Л. Я. Штернберга. Ошибки элементарные, их можно было исправить при научном редактировании, но вот этого Борис Алексеевич как раз не любил.

5. Историческая публицистика, персонификация истории. Единственная книга исторических очерков, написанная Б. А. Дьяченко, «Три истории из жизни

далекой окраины», издана во Владивостоке в 1989 г. Несмотря на немалый тираж — 15 000 экз., давно стала библиографической редкостью. На моем экземпляре — авторский автограф со словами *«с врожденным страхом дилетанта перед профессионалом»*. Весьма характерно для краеведа, но глубоко неверно. Я просто не встречал за 40 лет работы на Дальнем Востоке более профессиональной и столь же ярко и талантливо написанной книжки о творцах дальневосточной истории России. Десятки персонажей, биографические очерки о тех, кто заселял и осваивал русский берег Тихого океана. Кроме уже помянутых по альбому, братья Худяковы, М. Я. Сибирцева, Л. А. Волкенштейн. В небольшой по объему книге читатель встречает и ощущает историю в лицах — как раз тот аспект истории, коего так не хватает археологам, да и большинству коллег, пишущих о более близких к нам периодах истории. Чтобы так написать, надо было почувствовать, полюбить этих людей, писать о них, как о современниках — это редкий талант!

Такие же очерки о семье Янковских и о Маргарите Николаевне Арсеньевой опубликованы в первых двух номерах альманаха «Рубеж», изданных при активном участии Б. А. Дьяченко в 1992 и 1995 гг. Показательно, что в № 1 он указан как заместитель главного редактора, а в № 2 — его в редколлегии уже нет. Не умел и не хотел бороться за должности, права собственности. Очень мне понятная и близкая позиция человека исключительных бескорыстия и честности.

В том же жанре исторической публицистики выдержаны многочисленные очерки в прессе, на радио. Собрать бы и издать их!

С биографическими, историографическими докладами Б. А. Дьяченко не раз выступал на конференциях: Янковских чтениях, Арсеньевских чтениях, его доклады всегда были не просто интересны, они были украшением конференции, их автор был прекрасным рассказчиком.

6. Охрана памятников истории и культуры. 10 лет, в 1988–1998 гг. Б. А. Дьяченко возглавлял городское отделение Общества охраны памятников. В городе, где сменяющиеся власти при всем их разнообразии никогда не отличались бережным отношением к памятникам-зданиям, монументам, такая работа требовала колоссальных затрат нервной энергии, вот здесь Б. А. Дьяченко был неуступчив, многое отстоял и спас от сноса или бездумных переделок.

Подводя итоги в этом кратком очерке, должен сказать, что инженер Б. А. Дьяченко стал крупнейшим ученым-историком и сделал как историк больше, чем целое созвездие профессионалов, увенчанных учеными степенями и званиями. Он работал талантливо, широко, страстно, бескорыстно и этим превосходил многих-многих профессионалов. Такой вот краевед-историк.

Есть во Владивостоке еще один замечательный пример исторического краеведения — воссоздание истории крепости Владивосток. Среди 4-х авторов недавно изданной книги «Крепость Владивосток» первые два имени — Н. Б. Аюшин и В. И. Калинин. Коля Аюшин и Володя Калинин стали заниматься полевыми разысканиями по истории крепости еще школьниками, не прекращали в студенческие годы, выросли в уникальных в России специалистов и осуществили, наконец, монографическую публикацию уникального памятника мировой фортификации. У полезного дела, как обычно, оказалось множество «родителей»-благодетелей, примкнувших и участвующих, что не плохо, но далеко не всегда неофиты вспоминают родоначальников. Надеюсь, что среди прочих задач, данный сборник послужит сохранению памяти о тех, кому историческое краеведение во Владивостоке обязано своим высоким научным уровнем и вполне заслуженной известностью.

Л. В. КУЖЕВСКАЯ
Дальневосточный государственный университет

Э. Н. ОСОКИНА — СОЗДАТЕЛЬНИЦА МУЗЕЯ ЭТНОГРАФИИ В ДВГУ

Эмилия Николаевна Осокина — одна из тех, кто стоял у истоков создания музея археологии и этнографии Дальневосточного государственного университета.

Э. Н. Осокина пришла в университет, будучи в зрелом возрасте. Сначала училась на историко-правововом факультете, затем осталась преподавать. Если человек в середине жизненного пути способен столь круто изменить свою жизнь, это свидетельствует о силе характера и мужестве совершить серьезный поступок. Всегда трудно начинать практически с нуля.

Эмилия Николаевна родилась в 1927 г. в г. Измаиле. Тогда город принадлежал Румынии. Корни семьи были русско-болгарские. Семья была относительно зажиточная, но и детей было шестеро. После скорой смерти отца мать воспитывала детей одна и, надо отметить, сумела дать всем детям образование. Дети выросли трудолюбивыми, целеустремленными, добрыми, внимательными.

Девочки учились в румынской гимназии. С тех времен сохранилось знание нескольких языков: румынского, болгарского, французского.

Сохранились фотографии девушек-гимназисток в румынских национальных костюмах — как память о гимназических праздниках.

Установление советской власти в 1940 г. запомнилось арестом многих родственников, в том числе мэра города, рассказывавшего о стране, где нет церквей, все люди равны и у всех есть работа. Многие жители покинули город и ушли на другую сторону Дуная. Затем началась война, румынские власти вернулись. Жизнь продолжилась почти как до 1940 года. Занятия в гимназии возобновились.

После прихода частей Советской Армии вновь были беженцы, уехали многие родственники семьи.

Эмилия в числе старших детей начала трудовую деятельность, завершая обучение в вечерней школе. После трех лет работы кассиром-плановиком Горпромкомбината, Эмилия Николаевна, как коренная жительница, знающая румынский язык, была приглашена научным сотрудником областного архива в г. Измаиле — для разборки многочисленных архивов, оставшихся после ухода румынских властей.

Замужество круто поменяло жизнь. Вслед за мужем Эмилия Николаевна приехала на другой край земли — во Владивосток в 1951 г. Обладая способностями и даром к рисованию, в 1952 г. она поступила в Художественное училище на живописно-педагогическое отделение. Успешно окончила его в 1957 г., получив диплом учителя рисования. Ее приняли художником в Приморский краеведческий музей. Творческая музейная работа захватила молодого, инициативного сотрудника. Эмилия Николаевна принимала активное участие в строительстве новых экспозиций, ездила в экспедиции по краю, участвовала в сборах материалов по культуре и искусству коренных малочисленных народов Приморья. Остались фотографии оформленных витрин экспозиций в музее (в здании на ул. Петра Великого, 6).

Столь значительная работа потребовала существенного пополнения знаний. Эмилия Николаевна приняла решение поступать в Дальневосточный государственный университет. Поступила на историко-правовой факультет в 1966 г. на заочное отделение. Закончила его в 1971 г. Дипломная работа по этнографии была защищена на «отлично». Главным объектом исследований Э. Н. Осокиной на долгие годы становится культура удэгейцев. Материалы, использованные при подготовке диплома, были собраны в результате поездок в экспедиции в места проживания коренных народов. Э. Н. Осокина, как обнаружившая глубокий интерес и способности к научной и преподавательской работе, была зачислена на кафедру всеобщей истории в 1972 г. преподавателем-почасовиком. Эмилия Николаевна разработала и успешно читала самостоятельный авторский лекционный курс «Основы этнографии». Тогда же продолжала выезды в экспедиции по краю, собирала этнографический материал, предметы быта, культуры, образцы одежды, посуды, ритуальные предметы, делала зарисовки.

На основе собранных этнографических материалов, собранных неутомимой Эмилией Николаевной, в университете был создан музей этнографии малочисленных народов Дальнего Востока СССР — полностью на средства Э. Н. Осокиной. В коллекции музея среди более чем 350 экспонатов были предметы культа, бытовые вещи, изобразительные материалы, художественные изделия, карты и схемы расселения коренных народов Приморья.

Э. Н. Осокина вслед за известным ученым-этнографом Е. Р. Шнейдером осознавала роль народного орнамента как важного историко-этнографического источника: орнаментика как прекрасный материал для установления происхождения или культурных взаимоотношений различных этнических групп. На протяжении десяти лет продолжалась кропотливая работа над диссертационным исследованием «Удэгейское искусство в историко-этнографическом аспекте (орнамент, скульптура, сюжетный рисунок, вторая половина XIX — середина XX в.)». Удэгейское изобразительное искусство XIX — середина XX в. являлось важным компонентом его традиционно-бытовой культуры.

По мнению Э. Н. Осокиной, изучение традиционного искусства удэгейцев способствует разработке существенных аспектов культуры истории человечества. Объектом исследования традиционного искусства явились орнамент, скульптура и плоскостной сюжетный рисунок XIX — середины XX в. удэгейцев, проживающих на территории Хабаровского и Приморского краев, как более выразительные, емкие по содержанию, богатые традициями из всех видов удэгейского народного искусства.

Научная новизна исследования состояла в том, что автор рассматривала удэгейское народное традиционное искусство во всем его объеме в историко-этнографическом аспекте. Оно изучалось в процессе развития и трансформации, во взаимосвязи с историческими процессами и условиями, которые складывались на территории Дальнего Востока нашей страны.

Исследователь ввела в научный оборот обширный материал, широкий круг оригинальных источников, малоизвестный до сих пор или неизвестный и лично ею собранный.

На основе анализа конкретных материалов, с учетом трактовки самого народа, по-новому решались некоторые аспекты орнамента, впервые давалось описание скульптуры, плоскостного сюжетного рисунка, рассматривались общие и особенные черты по сравнению с таковыми других народностей Приамурья и Приморья. Автор исследования проследила трансформацию основных сюжетов орнамента.

Исследование имело практическую ценность, которая выразилась в конкретных рекомендациях, направленных на дальнейшее развитие удэгейского искусства в современных условиях, его популяризации, широком творческом использовании традиций.

На основе материалов диссертации был разработан спецкурс «Искусство удэгейского народа», который читался на историческом факультете Дальневосточного госуниверситета.

Материалы и исследования были использованы при создании музея археологии и этнографии ДВГУ. Этнографические коллекции были также переданы в Приморский краеведческий музей им В. К. Арсеньева во Владивостоке и Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР в Ленинграде.

При подготовке диссертации Э. Н. Осокиной был опубликован ряд статей. Это такие, как: Декоративно-прикладное искусство удэгейцев // История и культура народов Дальнего Востока. (Доклады и сообщения, прочитанные на 2-й сессии Дальневосточных исторических чтений в г. Южно-Сахалинске в декабре 1974 г.) — Ю-Сахалинск, 1973. Удэгейская скульптура (вторая половина XIX — середина XX в.) // Вопросы источниковедения и историографии. — Владивосток, 1977. Сюжетный удэгейский рисунок (конец XIX — начало XX в.) // Новая советская литература по общественным наукам. Серия: история, археология, этнография. — М., 1978.

Диссертация по праву получила высокую оценку и была успешно защищена в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР в Ленинграде.

Выводы, сделанные Э. Н. Осокиной, не утеряли своей актуальности и в настоящее время. В приложении к диссертации включены 3 альбома с образцами сюжетов орнаментов, скульптуры и сюжетного плоскостного рисунка. Исследовательницей выделены сравнительно-сопоставительное графическое развитие элементов, сюжетов этих видов искусства удэгейцев. Приведены

сравнительные таблицы бытования сюжетов орнамента у различных народов южной части Дальнего Востока СССР.

В последние десять лет трудовой деятельности Эмилия Николаевна работала на кафедре истории СССР. Кроме курса «Основы этнографии», разработала и читала курс вспомогательных исторических дисциплин: «Нумизматика», «Сфрагистика и геральдика», вела спецсеминар по проблеме «Советское изобразительное искусство в боевом строю (1918–1945 гг.)» специализировалась по курсу этнографии народов Дальнего Востока и тихоокеанского региона СССР. Продолжительное время вела практические семинарские занятия со студентами-историками в музее археологии и этнографии ДВГУ.

Впервые на историческом факультете под ее руководством была разработана программа и осуществлена этнографическая практика студентов по изучению этнодемографических проблем советского Дальнего Востока. В ходе ежегодных экспедиций были изучены в историко-этнографическом плане села Дальнереченского, Спасского районов. В течение десяти лет она вместе со студентами выезжала на этнографическую практику в Дальнереченский, Спасский и другие районы Приморского края и собирала предметы славянского и аборигенного населения: полотенца-рушники, традиционную посуду, предметы традиционных промыслов, культовые одеяния и предметы шамана, тотемы, фотографический материал, полевые записи рассказов первых переселенцев. Многие студенты на этих материалах написали обстоятельные дипломные работы. Спокойная, неизменно приветливая и заботливая Эмилия Николаевна была для студентов в экспедициях матерью. Тратила свои деньги не только на экспонаты, но и на сладости студентам. В экспедициях всегда царила атмосфера тепла и доброты, заботы и внимания. Весь свой личный материал, собранный и купленный до работы и во время работы в университете, был передан в дар университету.

По итогам практики проводились студенческие научные конференции, подготовлено учебное пособие «Быт и культура восточных славян». Практика позволила также в этнографическом музее создать новую экспозицию «Восточнославянские переселенцы Приморского края»

Своим внимательным, доброжелательным и строгим учителем Э. Н. Осокину могут назвать несколько десятков выпускников исторического факультета: М. Д. Погорелова, Г. В. Милейко, О. Б. Баринова, И. В. Бирзул, В. Б. Мухачев и многие другие. Они прошли школу настоящей научной подготовки, экспедиционной работы, обработки полевых документов, музейных экспонатов. О своем преподавателе всегда отзываются с большой теплотой.

Э. Н. Осокина продолжала заниматься научной работой, выступала с докладами по проблеме культуры народов Дальнего Востока на научных конференциях Дальневосточного и Ленинградского университетов. Долгое время осуществляла руководство научным студенческим кружком, помогала студентам овладеть методикой исследовательской работы, члены кружка проводили экскурсии для школьников в музее археологии и этнографии ДВГУ, прививая интерес и любовь к истории родного края.

Отдав любимой работе в общей сложности более сорока лет, Эмилия Николаевна ушла на заслуженный отдых. Но связей с кафедрой, ставшей родной, не теряет.

От души хочется поблагодарить ее за все: за труд, за обширные знания, за щедрость души, за скромность, ответственность, даже за строгость. И еще пожелать здоровья и благополучия на многие годы.

Автором статьи использованы материалы текущего архива кафедры отечественной истории ДВГУ, архива ДВГУ, материалы из фондов музея истории ДВГУ, личные полевые записи. Автор выражает благодарность Р. Н. Касьяновой за помощь в сборе документов.

Д. Э. РЫКУНОВ
Музей автомотостарины, г. Владивосток

ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ АВТОМОТОСТАРИНЫ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

В настоящее время в России насчитывается свыше двух десятков музеев технического профиля. Однако музея, достаточно полно отражающего историю отечественного автомотостроения, в их числе нет. И это при том, что российскому автомобилю, например, в этом году исполняется 106 лет.

Существующие отраслевые музеи Ижевского машиностроительного, Горьковского автомобильного завода, АЗЛК и др., во-первых, ограничивают свои экспозиции образцами собственного производства, во-вторых, они практически не доступны для широкого круга посетителей и, в-третьих, многие из этих музеев находятся в столь плачевном состоянии, что уже в ближайшем будущем придется говорить о безвозвратной утрате целого ряда интересных образцов отечественной автомототехники (ЗИС-16, ГАЗ-ААА, Я-4 и др.).

Крупнейший в стране Политехнический музей уже в силу своей многопрофильности, ограниченности экспозиционных и фондовых площадей в последние годы занимается только сохранением уже имеющихся экспонатов.

Вопрос создания национального автомобильного музея неоднократно рассматривался в прошлые годы. Достаточно вспомнить инициативу группы известных ученых и представителей автомотопромышленности (в том числе 3-х министров автомобильного транспорта — Украины, Белоруссии, РСФСР) — на страницах журнала «За рулем» (№ 4, 1971 г.); дискуссию в журнале «Техника-молодежи» (1978 г.); проведение круглого стола в Москве в 1999 г. с участием ведущих историков и представителей клубных автообъединений страны. Однако до сих пор все эти попытки оставались на уровне обсуждений. На этом фоне создание во Владивостоке первого в дальневосточном регионе музея Автомотостарины

является существенным прорывом в практическое воплощение этого долгожданного и необходимого проекта.

Музей автомотостарины создавался не на пустом месте, его непосредственным предшественником является «Клуб любителей автомотостарины» (АМС), основанный в г. Владивостоке 20 апреля 1990 года. Учредителем клуба выступили Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева (генеральный директор — Г. А. Алексюк) и группа энтузиастов, любителей автомотостарины во главе с Н. А. Шульжицким. На организационном собрании, состоявшемся в актовом зале музея, были намечены основные направления создаваемого клуба: поиск и реставрация старинной автомототехники, организация выставочной и просветительной деятельности. Спустя несколько месяцев, а точнее в августе 1990 г., совместными усилиями клуба и музея была организована первая на Дальнем Востоке выставка «Мотоциклы прошлых лет», на которой были представлены редкие образцы мототехники 30–50-х гг. Первый опыт удался, выставка пользовалась большой популярностью у жителей и гостей города. Для реставрации автомототехники в ноябре 1991 г. у Дальзавода было арендовано помещение котельной ацетиленовой станции на ул. Сахалинской. Одновременно началась активная поисковая работа. За сравнительно короткий срок членами клуба АМС по документации ГАИ и со слов очевидцев было выявлено 148 (!) адресов предполагаемого хранения образцов старинной автомототехники. И хотя далеко не все сведения оказались достоверными, начался постепенный процесс формирования клубной коллекции. Среди первых поисковых экспедиций клуба АМС нельзя не отметить беспрецедентную по дальности и сложности (800 км по бездорожью) экспедицию 1992 г. в пос. Амгу (Тернейский район), в результате которого был приобретен автомобиль ГАЗ-ААА — один из немногих сохранившихся в стране.

25 марта 1993 г. в музее им. В. К. Арсеньева состоялась официальная презентация «Клуба любителей автомотостарины», ознаменовавшая собой окончание организационного периода в истории клуба.

Постепенно клуб АМС становится заметным явлением в культурной жизни города и края; участвует во многих праздничных мероприятиях: Дни города, 60 лет ГАИ, 60 лет Хасанских событий и др. Одна за другой появляются публикации о клубе в ведущих краевых и городских газетах: «Красное Знамя», «Владивосток», «Новости» (всего свыше 50); регулярно выходят сюжеты в программах местного телевидения. Клуб АМС устанавливает связи с аналогичными объединениями страны: Москвы, Челябинска, Ленинграда и т. п. В 1994 г. президент клуба Н. И. Шульжицкий становится почетным членом швейцарского объединения «Друзей старинных мотоциклов» (FAM), в 1995 г. — американского клуба антикварных автомобилей (ААСА). Завязывается переписка с любителями автомотостарины из Берлина, Мюнхена, Женевы. В октябре 1995 г. Олег Шульжицкий как представитель клуба участвует во всеамериканском слете членов ААСА в г. Херши (штат Пенсильвания, США). В 1994–1995 гг. статьи о владивостокском клубе любителей автомотостарины появляются в ведущих мотоциклетных

изданиях Германии — «Oldtimer Magazin», «Motorrad Classic». Сотрудничество с зарубежными партнерами не ограничивалось только обменом любезностями. Например, в 1992 году Н. А. Шульжицкий консультировал мотолюбителя из Дуйсбурга (Германия) по вопросам реставрации советского послевоенного мотоцикла ИЖ-49. Не менее интересными были и личные встречи. В 1994 г. и 1997 г. гостем клуба был журналист немецкого издания «Oldtimer Magazin» Лотар Дич, в 1998 г. клуб принимал известного автопутешественника из Голландии Яна Тиммермана. Одно время планировалась поездка членов клуба АМС в Швейцарию на встречу с зарубежными коллегами, но из-за финансовых и других проблем поездку пришлось отложить.

В период с 1995 по 1997 гг. клубом любителей автомотостарины совместно с музеем им. В. К. Арсеньева осуществлен ряд интересных проектов, в том числе: стационарные экспедиции «Техника и время» (1995 г.), Мотоциклы прошлых лет (расширенные, 1996 г.), стали традиционными экспресс-выставки в День Победы. В 1996 г. на центральной площади г. Владивостока проведен парад старинной автотехники приуроченный к 100-летию выпуска первого российского автомобиля.

В 1997 г. в Корее издан уникальный коллекционный календарь, со снимками клубной коллекции автомобилей и мотоциклов. Осенью того же года осуществлен первый на Дальнем Востоке автопробег авторитетов по маршруту г. Владивосток — бухта Лазурная. В 1999 г. увидел свет телевизионный журнал «Автопробег», в котором на основе клубной коллекции рассказывалось об истории отечественного автомотостроения. Большинство проектов были осуществлены благодаря финансовой поддержке компании «Гамма Лимитед» (президент В. Владимиров).

Уже на первом, организационном собрании «Клуба любителей автомотостарины» в апреле 1990 г. в качестве приоритетной перспективной цели было заявлено строительство первого на Дальнем Востоке технического музея. К концу 90-х гг. сложились объективные условия для построения музея. В наличии имелась большая и разнообразная коллекция автомобилей и мотоциклов, наработан некоторый опыт в построении экспозиций, была разработана концепция перспективного развития музея.

Осенью 2000 г. благодаря содействию руководства холдинговой компании «Дальзавод» под строительство музея было передано 2 здания бывшей кислородной станции Дальзавода с прилегающей территорией, общей площадью 0,7 га. В том же году подготовлен пакет необходимых документов, в первую очередь архитектурный проект.

В июле 2001 г. зарегистрировано негосударственное учреждение Музей Автомотостарины. С этого момента Музей Автомотостарины начинает обретать свои контуры. С лета 2000 г. началось капитальное строительство экспозиционных залов музея.

Музей Автомотостарины, завершение строительства которого планируется на осень 2002 года, будет представлять собой комплекс зданий, состоящих из помещений основной (постоянной) экспозиции (1000 м^3), ангара грузовых автомобилей (500 м^3) и парковой зоны отдыха.

В музейной экспозиции будут представлены свыше 40 единиц техники — автомобилей и мотоциклов 20–70 гг. изготовленных на заводах СССР, Германии, Японии, Англии, США, большое количество документов и фотографий. Музейная экспозиция будет состоять из 4 разделов, охватывающих историю отечественного автомотостроения с конца XIX до 70-х гг XX в.

Пройдя тернистый путь от клубного объединения к музею и став заметным явлением в культурной жизни города, Музей Автомотостарины являет собой яркий пример того, как долгая, кропотливая и целенаправленная работа по реализации постоянной задачи получает свое воплощение.

И. И. ШИБИКО
Музей изобразительных искусств, г. Комсомольск-на-Амуре

КОЛЛЕКЦИЯ ПРОИЗВЕДЕННИЙ ИСКУССТВА ЯПОНИИ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ г. КОМСОМОЛЬСКА-НА-АМУРЕ

Музей изобразительных искусств г. Комсомольска-на-Амуре изучает искусство Дальнего Востока с древнейших времен до наших дней. Одно из направлений в этой работе — собирание и изучение произведений искусства Китая, Кореи, Японии, наших ближайших соседей.

Коллекция искусства Японии составляет в настоящее время более четырехсот единиц хранения, имеет свою историю и особенности.

Первые произведения японского искусства появились в музее в 1985 году. Известный коллекционер из города Санкт-Петербурга Б. Н. Васильев подарил музею коллекцию графики, в которой было представлено десять цветных гравюр японских мастеров Киотской школы середины XIX века. Две цветные ксилографии художника Гесая имеют мифологические сюжеты — «Дайкоку — Бог счастья», «Оборотни». Восемь гравюр художника Акимидзу иллюстрируют басни Эзопа. Гравюры отличаются тонкой графической техникой, совершенством исполнения, цветовой гармонией.

В 1989–1992 годах музей приобрел у коллекционеров города Санкт-Петербурга Б. Н. Васильева и Т. Л. Маслюковой несколько предметов декоративно-прикладного искусства Японии XIX — нач. XX вв.: тяваны, чайник, сливочник, а также скульптуру малых форм этого же периода.

В 1991 году в музее состоялась выставка коллекции Кооперативного научно-краеведческого центра «Этнос» из города Южно-Сахалинска, руководимого

археологом С. Н. Горбуновым. На выставке экспонировались произведения декоративно-прикладного искусства Японии нач. XX века, оставшиеся на о. Сахалине после репатриации японских граждан в 1945 году. После выставки музей приобрел для своей коллекции девять предметов японской художественной промышленности нач. XX века: пиалы, чашечки для сакэ, сосуд для хранения соевого соуса. Эти изделия демонстрируют высокий художественный уровень предметов быта, производимых в Японии в первой половине XX века, их отличают традиционные форма и декор.

В 1994 году музей приобрел коллекцию японских монет XVII–XX вв. у П. Б. Торопова, собранную им в конце 1980 — начале 1990 годов (75 единиц хранения).

В начале 1990-х годов, когда появилась возможность японским гражданам посещать г. Комсомольск-на-Амуре, стали налаживаться непосредственные контакты музея с японскими художниками, коллекционерами, меценатами. Среди бывших японских военнопленных, приезжавших посетить места захоронений своих соотечественников, были и художники. В 1993 году в музее состоялась выставка графики и живописи японского художника Есида Исаму «Друзьям, оставшимся навечно в Сибири», носившая антивоенный характер.

В 1994 году японские художники Сикоку Горо (р. 1924 г.) из г. Хиросима и Миямото Цутому (р. 1922 г.) из г. Йокогама подарили музею свои живописные картины: «Воспоминание» (1991 г., х. м., 60х72) и «Пейзаж» (1994 г., х. м., 61х72). Сикоку Горо — Председатель Ассоциации мирного изобразительного искусства г. Хиросима, член Совета мира, Совета поэтов, участник движения «Изобразительное искусство для установления мира без ядерной войны». Миямото Цутому — член Ассоциации независимых искусств, Ассоциации искусств г. Йокагама, Ассоциации искусств г. Камакура.

Картина Миямото Цутому «Пейзаж» вызвала особый интерес сотрудников музея своеобразием художественной манеры. В монохромной серо-черной гамме с помощью гладкого и рельефного письма создан условный пейзаж, передающий впечатление одиночества и тоски. Музей предложил художнику организовать персональную выставку. В результате сотрудничества музея и художника Миямото Цутому состоялись выставки «Мой Дальний Восток» (1996 г., сто четыре пейзажных акварели российского Дальнего Востока), «Пейзаж Японии» (1998 г., сто пейзажных акварелей), «Абстрактная живопись» (2000 г.), «Абстрактная графика» (2001 г.). 250 акварелей и 16 живописных картин были подарены художником музею. В 1999 году Миямото Цутому организовал выставку графики художников-комсомольчан в Японии, в г. Йокагама. Во время поездки на открытие выставки сотрудники музея познакомились с друзьями художника, которые подарили музею предметы традиционной японской культуры и искусства — кимоно, блузы хаори, предметы для чайной церемонии. Миямото Цутому подарил музею кимоно для свадебной церемонии, вышитое золотыми и серебряными нитями.

В 2001 году в музее с успехом прошла выставка «Традиционное и современное рукоделие японских женщин». После выставки коллекция музея пополнилась

предметами традиционной японской культуры, детскими игрушками ручной работы. Японские и русские мастерицы провели мастер-классы, поделились секретами своего искусства. В знак мира и дружбы японские гости посадили около музея саженцы сакуры, привезенные архитектором Фукусима Масахару в дар музею и городу. Музей также наладил обмен рисунками между школьниками России и Японии.

Собирательская работа, выставки, творческие встречи и дружеские контакты помогли создать коллекцию произведений традиционного и современного искусства Японии. В коллекции музея представлены:

- японская классическая гравюра на дереве середины XIX века;
- предметы декоративно-прикладного искусства и скульптура малых форм Японии XIX–XX вв.;
- традиционный японский костюм;
- полный набор предметов для чайной церемонии;
- коллекции японских монет XVII–XX вв.;
- живопись современных японских художников (20 ед. хр.);
- графика современного японского художника Миямото Цутому, в том числе 100 пейзажный акварелей Японии.

Коллекция дает представление об эстетических принципах японского искусства, где неразрывно связаны польза и красота, вдохновение и трудолюбие, сдержанная простота и любовь к яркой декоративности, разнообразие композиционных решений, использование асимметрии и фрагментарности как значимого момента, цельность форм.

Е. М. СОЛОНИЦКАЯ
Приморский государственный объединенный музей имени В. К. Арсеньева

ОБ АРХИВЕ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ЗАПИСЕЙ ЛАБОРАТОРИИ СЛАВЯНСКОГО ФОЛЬКЛОРА И ЭТНОГРАФИИ ПГОМ ИМ. В. К. АРСЕНЬЕВА

Лаборатория славянского фольклора и этнографии музея имени В. К. Арсеньева на сегодняшний день является единственной организацией, осуществляющей систематический сбор музыкального фольклора восточнославянского населения Приморского края. Архив экспедиционных записей лаборатории насчитывает приблизительно сто тридцать часов фонозаписи, сделанной в период с 1992 по 2000 г. Все экспедиционные материалы можно охарактеризовать следующим образом:

1. музыкальный фольклор — календарно-обрядовые песни, лирические, плясовые, хороводные, игровые, исторические песни, баллады, романсы, духовные стихи, молитвы, колыбельные, частушки и припевки, наигрыши;
2. немузыкальные фольклорные жанры — заговоры, загадки, поговорки, потешки, притчи, былички, сказки;
3. этнографическая информация — сюда отнесем комментарии, сопровождающие календарно-обрядовые песни, рассказы о народных праздниках и обрядах, о быте.

С 1992 по 2000 г. записи производились в четырнадцати районах Приморского края. В 1992 г. были предприняты три экспедиции на места проживания потомков переселенцев из северных уездов Черниговской губернии. Первая экспедиция проходила в селе Многоудобное Шкотовского района, вторая — в селах Партизанского района: Новицкое, Васильевка, Фроловка, Владимиро-Александровское, Золотая Долина, Перетино, третья — в селах Чугуевского района: Соколовка, Новомихайловка, Булыга-Фадеево. Помимо черниговцев, от которых были записаны календарно-обрядовые песни, отметим календарно-обрядовые и лирические песни коллектива украинских певиц села Новицкое, наигрыши в исполнении гармонистов из села Многоудобное. Открытием экспедиции по Чугуевскому району стали свадебные и лирические песни дуэта из села Булыга-Фадеево М. П. Васильевой и Е. А. Чуль, приехавших в Приморье из одного района Смоленской области.

Наиболее активная собирательская деятельность велась в 1993 г. В этот период были повторены экспедиции в Чугуевский, Шкотовский и Партизанский районы. Прошли экспедиции в селах этих районов, ранее не посещавшихся: Чугуевке, Самарке, Ясном и Тополевом (Чугуевский район), Шкотово, Суражевке и Кролевцах (Шкотовский район), Екатериновке, Новолитовке, Молчановке, Сергеевке, Слипкине, Ястребовке, Залесье, Мельники (Партизанский район). Несмотря на дублирующиеся маршруты, были записаны новые исполнители, обновлена информация от исполнителей уже известных. В Чугуевском районе, куда сотрудники лаборатории выезжали в составе этнографической экспедиции музея Арсеньева, от группы старообрядцев из Китая были записаны русские свадебные, лирические песни, духовные стихи, молитвы, притчи, рассказы о быте, о народных праздниках, свадебном обряде. В этом же году прошли экспедиции по селам Красноармейского района: Новопокровка, Гончаровка, Вострецово, Рощино, Богуславец, Лукьяновка; Анучинского района: Таёжка, Рисовое, Новопокровка, Пухово, Анучино; в Новосысоевке Яковлевского района. Собранный здесь материал отличается жанровым разнообразием: помимо календарно-обрядовых песен встречаются и солдатские песни, похоронные причитания, детский фольклор. Записи, сделанные в Красноармейском районе, выделяются изобилием инструментального материала.

В 1994 г. сотрудники лаборатории в третий раз посещают потомков черниговских переселенцев Соколовки, Чугуевки, Новомихайловки Чугуевского района с целью выяснения деталей свадебного обряда. Сведения о свадьбе записываются снова и от песенниц села Булыга-Фадеево. Впервые проходит экспедиция

в селе Каменка Чугуевского района. Здесь были зафиксированы весняные, жнивные, редкие осенние песни переселенцев из Брянской области.

В 1995 г. прошли экспедиции в селах Хорольского района: Хороль, Ново-Девица, Поповка, Сиваковка, Прилуки. Исполнители и информанты материала этой поездки в подавляющем большинстве выходцы из различных районов Украины. Среди прочих инструментов, встречавшихся ранее, в селе Ново-Девица впервые за все время экспедиционной деятельности удалось записать скрипку. Дважды в 1995 г. сотрудники лаборатории выезжали в села Кировского района: Крыловка, Подгорное, Межгорье, Антоновка, Шмаковка, Комаровка, Марьяновка, Владимировка, Большие Ключи, Руновка, Кировка, в поселок Кировский. Здесь были записаны несколько украинских ансамблей, русские лирические песни в ансамблевом исполнении. Повторно записывался коллектив украинских исполнителей Новопокровки Анучинского района. Более подробно посещался Яковлевский район. Кроме Новосысоевки экспедиции прошли в Яковлевке, Бельцове, Яблоновке, Николо-Михайловке, Краснояровке. Как и Кировский, Яковлевский район отличился большим количеством украинских дуэтов, ансамблей.

В 1996 г. были единичные выезды в село Пермское Ольгинского района, где записались припевки и лирические песни позднего происхождения в исполнении ансамбля «Домовик». Проходили записи в Уссурийске, Партизанске, Владивостоке.

В 1997 г. были записаны два инструментальных ансамбля села Уражайное Лесозаводского района, в одном из которых вновь встретилась скрипка. Проходили записи во Владивостоке.

В 1998 г. состоялись экспедиции в Новонежино и в села Дальнереченского района: Ракитное, Ариадное, Пожига, Малиново, Савиновка, Любитовка, Орехово, Боголюбовка, Мартынова Поляна, Междуречье, Сретинка, Новотроицкое, Лобановка, Вербное. Отметим некоторые особенности этой поездки. Самым распространенным музыкальным инструментом в Дальнереченском районе оказался бубен. Записано пять мастеров игры на бубне. Помимо бубна из ударных инструментов встретились бутылочки, стаканы. Наибольшее количество песен записано от украинского коллектива села Любитовка. В селе Лобановка обнаружен редкий среди украинских исполнителей ансамбль белорусских песенниц.

В 2000 г. записи прошли в селе Кокшаровка Чугуевского района, в Анучино и в селах Михайловского района: Абрамовке, Григорьевке, Николаевке, Отрадном, Ивановке. Из экспедиции по Михайловскому району выделим белорусских певиц села Николаевка, от которых были записаны уникальные календарные и другие песни.

Большую часть всех материалов архива лаборатории славянского фольклора и этнографии составляет музыкальный фольклор: около двух с половиной тысяч песен, более четырехсот наигрышей. Среди общего количества песен преобладают календарно-обрядовые: самые распространенные свадебные песни, редко встречающиеся — календарно-обрядовые, исполнявшиеся в осенний период. По мнению сотрудников лаборатории, наиболее полной и разнообразной из всех календарно-обрядовых песенных традиций, представленных в Приморье, является черниговская [1].

Лаборатория славянского фольклора и этнографии продолжает экспедиционную деятельность и сегодня. Ведется обработка материалов по экспедициям 2001–2002 гг.

Примечания

1. *И. В. Семенова.* *Календарно-обрядовая система черниговских переселенцев (традиции и современность) // Новое видение культуры мира в XXI в. Владивосток, 2000.*

В. Г. КАРПЕНКО, И. Т. МУХАМЕТОВ
Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, г. Магадан

ОТРАЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. К. АРСЕНЬЕВА В ЭКСПОЗИЦИИ СЕВЕРО-ЭВЕНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1916 г., в одном из писем Г. Н. Потанину, известному русскому исследователю Центральной Азии и Сибири, фольклористу и этнографу, В. К. Арсеньев сообщает о своих дальнейших научных планах, связывая их с надеждой совершить путешествие после Первой Мировой войны к *«северу от Амура к берегам Охотского моря и в горную область Станового хребта. В этнографическом отношении эта область представляет из себя настоящую Terra incognita»* [Арсеньев, 1986, с. 406]. В действительности под «неизвестной землей» он имел в виду Охотско-Камчатский край, который в конце XIX — начале XX вв. был еще слабо изучен с точки зрения как исторического прошлого человечества, так и экономических ресурсов и перспектив развития российского Дальнего Востока. Но сразу после войны в России грянули революционные события, заставившие исследователя изменить эти планы и перейти к административной работе в исполнительных органах власти Временного правительства. Он был назначен комиссаром по делам туземных народностей в Приамурском крае. Вскоре В. К. Арсеньев понимает, что *«...при хаосе, царившем в те времена, сделать я ничего*

не мог... и быть равнодушным свидетелем безобразий и насилий, которые чинились над инородцами, числиться их шефом — я не мог» [там же, с. 407].

В 1918 г., оценив создавшееся тяжелое материальное положение с финансированием его научных проектов, он переходит на работу сначала в Переселенческое управление, с помощью которого совершает путешествие на Камчатку, а затем он был приглашен работать на должность заведующего пушными промыслами и убоем морского зверя в Управление рыболовства и охоты в г. Владивостоке. *«Эту должность я принял потому, что она ближе всего соприкасается с туземным населением Дальнего Востока»* [там же].

Известно, что начиная с 1906 г. ведущее место в его исследованиях стали занимать археология и этнография. Изучая прошлое Дальнего Востока, связанное с историей соседних территорий: Маньчжурии, Японии, Кореи, В. К. Арсеньев приходит к выводу о культурных связях протянувшихся далее, к Северо-Востоку России. Несмотря на сложную политическую и экономическую ситуацию периода Гражданской войны в России (1918–1922 гг.), ученый совершает в 1922 г. экспедицию в Гижигинский округ, где он собрал обширный научный материал по этнографии, археологии и экономике этой территории [Арсеньев, 1987, с. 457].

Гижигинский округ, входивший в то время в состав Охотско-Камчатского края, был одним из самых обширных и труднодоступных районов для путешественников. Исследователь Северо-Востока России Н. В. Слюнин отмечал, что в конце XIX века Гижигинский округ занимал *«...гораздо большую площадь, но в теперешних административных границах тянется по Охотскому побережью от р. Вилига, чрез Северную Камчатку до Берингова моря: северной его границей служит Колымский хребет и Анадырский водораздел...»* [Слюнин, 1900, с. 444]. Настоящее административное деление разделило бывший Гижигинский округ на два района Магаданской области: Омсукчанский и Северо-Эвенский и с охватом небольшой части Чукотки. Поэтому для оценки статистических данных по Гижигинскому округу, о которых пишет В. К. Арсеньев, необходимо учитывать это преобразование.

15 ноября 1921 г. приказом Управления рыбными и морскими звериными промыслами на В. К. Арсеньева возложили заведование Гижигинским промысловым районом Охотско-Камчатского края, в результате он и совершил инспекторскую поездку на север Дальнего Востока [Владимир Арсеньев «С научными целями на собственный счет...», 1999, с. 70]. Экспедиция дала уникальный материал для последующего поколения ученых в области археологии, этнографии, экономики, о животном мире, полезных ископаемых, перспективах связанных с развитием оленеводства и рыбной промышленностью. Исследователь поднял вопрос об улучшении жизни малочисленных народов Северо-Востока России.

Научная и исследовательская деятельность В. К. Арсеньева не забыта, его труды используются в работах ученых. Известный археолог Северо-Востока России Н. Н. Диков сообщает об археологических находках на Камчатке В. К. Арсеньева, Вернандера, Н. А. Гурьева [Диков, 1971, с. 4]. Далее Н. Н. Диков писал, что *«...первые признаки палеолита на Чукотке отмечал еще В. К. Арсень-*

ев...» [там же, с. 14]. Магаданский историк А. Г. Козлов неоднократно публикует материалы, связанные с исследовательской деятельностью В. К. Арсеньева на Северо-Востоке [Козлов, 1997]. Л. Н. Хаховская, научный сотрудник СВКНИИ ДВО РАН, занимающаяся этнографией, использует данные, собранные ученым в Гижигинском округе [Хаховская, 1999]. Довольно часто средства массовой информации Магаданской области дают сообщения о В. К. Арсеньеве [В. К. Арсеньев на севере Дальнего Востока, 1974]. В наиболее полном варианте очерк исследователя «Гижигинский промысловый район (Физико-географическая характеристика. 1922 г.)» был переопубликован в газете «Маяк Севера» в 1975 г. [Арсеньев, 1975].

Интересен факт, что сам очерк представляет библиографическую редкость: журнал «Экономическая жизнь Дальнего Востока», где он был впервые опубликован в 1925 г., отсутствует даже в фондах Российской государственной библиотеки (бывшая «Ленинка») в Москве [Владимир Арсеньев «С научными целями на собственный счет...», 1999]. Северо-Эвенская районная газета «Эвенчанка» переопубликовывала очерк в двух номерах [Арсеньев, 1997, 1998].

Научная и исследовательская деятельность В. К. Арсеньева нашла отражение и в экспозиции Северо-Эвенского краеведческого музея, коллекции которого были собраны членами краеведческого клуба «Факел», Северо-Эвенской средней школы, созданного учителем истории Юрием Васильевичем Петровым в 1967 г. В 1969 г. совместно с учащимися ему удалось организовать поисковую работу по истории гражданской войны на территории района. Как известно, в октябре 1922 г. Охотское побережье было захвачено отрядом белогвардейского есаула Бочкарева, который своей резиденцией избрал Гижигу и Наяхан (Гижигинский округ). Но уже в апреле 1923 г. экспедиционный отряд красноармейцев под руководством Чубарова, прибывший из Петропавловска-Камчатского разгромил белогвардейцев. В. К. Арсеньев в очерке упоминает о действиях бочкаревцев на территории Гижигинского округа. Он пишет, что гижигинские жители испытывали трудности в 1922 г., потому что склады, где хранились продукты, завезенные на зиму, были разграблены белогвардейцами. [Арсеньев, 1975]. А. Г. Козлов в статье «Здесь был Арсеньев» сообщает о действиях белогвардейцев, которые помешали путешественнику побывать в некоторых местах этого района [Козлов, 1997].

Благодаря деятельности клуба «Факел» были собраны довольно обширные материалы и экспонаты, раскрывающие историю Северо-Эвенского района. В 1988 г. райком КПСС принимает решение в ознаменование 70-летия Октябрьской революции создать краеведческий музей и передать его организацию Отделу культуры Северо-Эвенского райисполкома. Руководителем музея на общественных началах стал учитель истории Эвенской средней школы В. Г. Карпенко, один из авторов этой статьи. Музей получил помещение, где разместились экспозиции: «Этнографии», «Дореволюционного и советского периодов истории района», «Истории пионерской, комсомольской и партийной организаций», «Истории геологического изучения» и др. В этот период в этнографическом отделе

музея создается экспозиция, посвященная научной и исследовательской деятельности В. К. Арсеньева на территории района. Вниманию посетителей были представлены: портрет В. К. Арсеньева, стендовая информация о биографии, творческой и научной жизни знаменитого путешественника-исследователя Дальнего Востока и фотокопия его очерка «Гижигинский промысловый район (Физико-географическая характеристика. 1922 г.)».

В 1996 г., когда была выделена ставка, одна штатная единица, директором музея становится Е. Джуманова. Сейчас руководителем музея является Е. А. Барыльник. В планы музея на ближайшее время входит обновление экспозиций и проведение серии экскурсий, посвященных 130-летию со дня рождения В. К. Арсеньева.

Оценка экономических перспектив Гижигинского промыслового района, данная ученым, актуальна и в настоящее время, особенно для сохранения богатых природных ресурсов Северо-Эвенского района. До сих пор район является наиболее отдаленным и малолюдным районом Магаданской области. Экономические преобразования последнего десятилетия XX в. подтвердили опасения исследователя о нерациональном использовании ресурсов природы и негативных социально-экономических процессах, которые он предвидел на севере Дальнего Востока. В. К. Арсеньев не только отметил эти явления, но и указал пути решения проблемы развития Севера. Представители малочисленных народностей, проживающие на его территории, основным занятием которых является оленеводство, рыболовство и охота, больше всех пострадали от бездушного и неразумного освоения богатых недр района.

Так, В. К. Арсеньев предупреждает: *«Если допустить убой морского зверя два-три года подряд, то потом потребуется много лет совершенного запрета промысла в этом месте, чтобы исправить вред, причиненный хищничеством за прежние годы»* [Арсеньев 1999, с. 75]. Исследователь ставил вопрос и о запрете промысла со стороны компаний иностранных государств на территории севера Дальнего Востока [там же, с. 75]. Интересен в очерке раздел «Оленеводство», где он говорит о бесперспективности строительства консервного завода в Гижиге. Арсеньев предвидит, что переработка 17 000 оленей в год на мясопродукты привела бы к краху оленьего хозяйства во всем Охотско-Камчатском крае и за 12 лет *«обезоленила бы весь Гижигинский район»* [там же, с. 76]. Однако через несколько десятилетий, в 80-е гг. XX века, специалисты по развитию сельского хозяйства, не обращая внимания на данные ученого, принимают решение об организации подобного предприятия в районе.

Создается т. н. Советско-Американская компания «Магал» (колбасный завод). Начинается массовая резка пантов рогов оленей, убой их для переработки: в результате менее чем за 12 лет, выработав все ресурсы и хищнически подорвав оленье хозяйство совхоза «Пареньский», она была ликвидирована. В. К. Арсеньев приводит следующие цифры: *«В 1907 году одомашненных оленей в Гижигинском районе насчитывалось около полумиллиона, а ныне — 390 000 голов»*. Он заметил, что количество оленей идет на убыль [там же, с. 75]. Для иллюстрации приведем современные цифры. Численность оленей в районе на 1979 г. была свыше 58 тысяч голов, в настоящее время (1999 г.) — около 20 тысяч голов [Вуквухай, 1999, с. 58]. По данным на 1 января 2001 г. поголовье оленей составило по хозяйствам всех категорий (частные, фермерские, муниципальные) уже только 17,7 тысяч голов [Магаданская область в цифрах и фактах, 2001]. Также Арсеньев пишет о подходах весенней сельди в огромных количествах к берегам Гижигинской губы [Арсеньев, 1999, с. 72]. Но уже в 70-х гг. XX в. произошел подрыв добычи нерестовой сельди. Поэтому пришлось вводить запрет на вылов этого вида рыбы на пять лет.

Исследователя волновало тяжелое материальное положение коренных народов Севера. Он был обеспокоен процессом вымирания местных жителей, число которых с каждым годом сокращается. *«В 1922 году население Гижигинского района исчислялось в 7430 человек (5500 туземцев и 1900 оседлых местных жителей вместе с русскими)»* [там же, с. 71]. В 1999 г. в Северо-Эвенском районе проживало 4720 человек, из них малочисленных народов Севера — 1480 человек [Вуквухай, 1999, с. 58]. Численность населения района на конец 2000 г. составила уже 3,5 тыс. человек [Магаданская область в цифрах и фактах, 2001]. Многие поселки и места традиционного проживания малочисленных народов ликвидируются, происходит отток населения из района. Поэтому необходимы специальные правительственные программы для улучшения создавшегося кризисного положения на Севере, о которых писал в начале XX в. В. К. Арсеньев. Его историческое и научное наследие должно найти свое дальнейшее развитие применительно к современным реалиям севера Дальнего Востока.

Примечания

1. ***В. К. Арсеньев.*** *В Дебрях Уссурийского края: По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. М.: Мысль, 1987. 492 с.*
2. *Владимир Арсеньев «С научными целями на собственный счет...» // Северные просторы. № 3-4. 1999. С. 70–76.*
3. ***В. К. Арсеньев.*** *Гижигинский промысловый район. (Физико-географическая характеристика. 1922 г.). // Маяк Севера. Эвенск, 1975. 21 января; 11, 18, 20 февраля: 11, 13 марта; 8 апреля; 15, 29 мая; 7, 24 июня.*
4. ***В. К. Арсеньев.*** *Гижигинский промысловый район. (Физико-географическая характеристика. 1922 г.) // Эвенчанка. Эвенск, 1997. 26 декабря; 1998. 2 января.*
5. ***В. К. Арсеньев.*** *Избранные произведения: В 2-х т. М.: Сов. Россия, 1986. Т. 2. 416 с.*
6. *В. К. Арсеньев на севере Дальнего Востока // Маяк Севера. Эвенск, 1974. 10 сентября.*
7. ***Л. С. Вуквухай.*** *О социально-экономическом положении малочисленных народов Севера Северо-Эвенского района Магаданской области // Мир коренных народов. Живая Арктика. № 2. 2000, С. 58–60.*

8. *Н. Н. Диков. Древние культуры Камчатки и Чукотки. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Новосибирск, 1971. 48 с.*
9. *А. Г. Козлов. Здесь был Арсеньев // Эвенчанка. Эвенск, 1997. 19 декабря.*
10. *Магаданская область в цифрах и фактах. Магадан: Облкомстат, 2001. 45 с.*
11. *Н. В. Слюнин. Охотско-Камчатский край. СПб.: Типография А. С. Суворина. Министерство Финансов, 1900. Т. 1. 692 с.*
12. *Л. Н. Хаховская. Прошлое и настоящее аборигенов Охотского побережья (эвены и камчадалы) // Мир коренных народов. Живая Арктика. № 8. 2001, С. 67–70.*

А. Ю. КОНЬКОВ
Лазовский государственный заповедник им. Л. Г. Капланова

ВОССТАНОВЛЕНИЕ АРЕАЛА ПЯТНИСТОГО ОЛЕНЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В КОНЦЕ XX ВЕКА

В последней четверти XX века в Приморье сложились благоприятные условия для роста численности и восстановления ареала пятнистого оленя. Увеличение поголовья данного вида копытных сопровождалось нежелательными последствиями: прогрессирующей деградацией растительности на обширной территории и вытеснением других видов копытных [Коньков, 2001]. Многие экологи предлагали решить данную проблему традиционным методом — искусственным регулированием их численности. Проблема «пятнистый олень — лесная растительность» имеет принципиально важное значение для выработки дальнейшей стратегии в отношении данного вида.

Проблема «копытные — лесная растительность» существовала в южном Приморье всегда — во всю бытность пятнистого оленя. Значительное воздействие копытных на растительность, безусловно, имело место и раньше: ещё в начале русской колонизации Приморья пятнистый олень был многочисленен и судя по масштабам промысла и размерам стад [Пржевальский, 1870; Янковский, 1882; Арсеньев, 1914, 1972; Бромлей, Кучеренко, 1983] в южных и юго-восточных районах края его плотность значительно превышала кормовую ёмкость угодий. До 1877 г. пятнистые олени были ещё многочисленны в южно-уссурийском крае и их табуны по 40–50 голов встречались в окрестностях г. Владивостока. После многоснежной зимы 1877–1978 гг. и беспорядочной охоты олени исчезли в окрестностях Владивостока. С 1878 г. пятнистый олень в южно-приморских лесах

стал очень редок [Янковский, 1882]. К концу 80-х годов XIX в. его численность несколько восстановилась. 1889–1994 гг. отличались особенно суровыми зимами с глубоким снегом и сопровождались большими падежами оленя. После зимы 1891–1992 гг. на всём протяжении от г. Владивостока до зал. Св. Ольги был добыт всего один пантач. Если в 1891 г. олениной были завалены все лавки в г. Владивостоке, то в 1892 г. продавалось не более 1–2 туш на весь базар. Зима 1901–1902 гг. — опять холодная и снежная. Особенно суровой и снежной была зима 1903–1904 гг. Тогда погибло очень много оленей как в Южном, так и Восточном Приморье [Арсеньев, 1907; Животченко, 1981]. Многоснежные зимы с завальными снегами («снежные катастрофы»), в которые происходили массовые падежи оленей от истощения — необходимое условие сосуществования богатейших сложноустроенных уссурийских лесов и пятнистого оленя как до русской колонизации Приморья, так и в её начале. Проследив хронологию периодичности таких зим во 2-й половине XIX–1-й половине XX века, можно заметить, что промежутки между ними составляли не более 9–13 лет. За это время популяция пятнистого оленя, несмотря на круглогодичную охоту, успевала восстановиться. При такой периодичности многоснежных зим предельная нагрузка на растительный покров не бывает затяжной. Исследования состояния растительного покрова в местах с различной продолжительностью интенсивного выпаса пятнистого оленя в Лазовском заповеднике показали, что там, где предельная плотность этого вида сохраняется не более 4–5 лет, возможно быстрое восстановление исходной растительности. Несмотря на значительное изреживание подлеска и нижнего подъяруса древостоя, здесь ещё отмечается обильное возобновление свободноягодника, лимонника, трескуна, черёмухи. Более длительный перевыпас, в течение 5–6 и более лет, приводит к прогрессирующему истощению и деградации растительного покрова, трансформации его нижних ярусов. Процесс деградации травяного покрова становится заметным в угодьях, где плотность пятнистого оленя превышает экологически оптимальную на протяжении 5–6 и более лет [Коньков, 2001].

Проблема «пятнистый олень — лесная растительность» существовала и в период наибольшей депрессии численности аборигенной популяции пятнистого оленя — с 30-х по серед. 80-х годов XX века и была локализована в пределах его микроареала — в приморской части Лазовского заповедника [Колесников, 1936; Валова, 1967; Присяжнюк, 1970].

Деградация растительности — это естественный процесс при росте численности пятнистого оленя, являющийся неизбежным следствием таких присущих пятнистому оленю качеств, как стенотопность, кормовая пластичность и неравномерность использования кормовых угодий.

Небывалый рост численности пятнистого оленя в Лазовском заповеднике, начавшийся в середине 80-х годов XX века, происходил при максимально возможной для Дальнего Востока плотности амурского тигра. Это ещё раз подтверждает, что тигр не является ключевым фактором в регулировании численности копытных и не может быть камнем преткновения в проблеме современного

плачевного состояния копытных в крае. В то же время увеличение численности тигра в Лазовском заповеднике связывают именно с пятнистым оленем [Брагин, 1986; Салькина, 1993]. Авторы работ, изданных в XIX веке, также считают излюбленной добычей тигра оленей, а не кабанов [Маак, 1861; Пржевальский, 1870]. Пятнистый олень в лесах юга Дальнего Востока способен достигать высоких плотностных значений и удерживать их длительное время даже в условиях крайнего истощения кормовых ресурсов, что и наблюдается в настоящее время в приморских угодьях Лазовского заповедника.

В конце XX века северная граница ареала дикого пятнистого оленя сместилась за основной хребет Сихоте-Алиня и сейчас пятнистого оленя можно встретить в верховьях р. Уссури: в бассейне рек Арсеньевка, Антоновка. Дальнейшее восстановление северной части ареала, лежащей на западном макросклоне Сихотэ-Алиня, возможно лишь при условии эффективной охраны этого вида. Данная часть ареала — наиболее уязвимая и даже в лучшие времена пятнистый олень был здесь немногочисленен и к нач. XX в. уже исчез [Арсеньев, 1907].

РАЗДЕЛ III

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

С. Б. СЛОБОДИН

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, г. Магадан

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУР ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА БЕРИНГИЮ И СЕВЕРО-ВОСТОК АЗИИ (ДРЕВНЕЙШИЙ ПЕРИОД)

Культурные связи Дальнего Востока с культурами Северо-Востока Азии и Америки существовали, по мнению историков, с древнейших времен. Известный исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев еще в начале 20-х гг. XX в. в специальной работе, посвященной ледниковому периоду и первобытному населению Восточной Сибири, предположил, что расколотые и обожженные кости мамонта с Чукотки (из Анадырского края) подвергались обработке древним человеком, современником мамонта. Это, по его мнению, свидетельствовало в пользу того, что заселение Америки происходило из Азии по Берингийской суше, соединявшей Азию и Америку [1]. Дальнейшие исследования подтвердили правильность его взглядов.

Весьма актуальным в наше время стал еще один из выводов В. К. Арсеньева, которому ранее придавали мало значения, — вывод о том, что самые древние на вид изделия человека на Дальнем Востоке являются более молодыми, по сравнению с европейскими [там же]. Слова В. К. Арсеньева нашли подтверждение уже в исследованиях нашего времени. На Колыме была выделена сибердиковская «реликтовая палеолитическая культура» [5] и отмечено переживание здесь древней галечной технологии вплоть до нашей эры [17]. На Чукотке (на примере стоянки Бол. Эльгахчан VI) зафиксирован процесс «консервации галечной индустрии палеолита» [9].

Этой теме сейчас посвящена обширная археологическая литература, в которой предложено много гипотез относительно характера и времени освоения Северо-Востока Азии, Берингии и заселения Америки. Однако не все предложенные гипотезы были подвергнуты обстоятельному анализу с позиций современных

знаний по археологии рассматриваемого региона. В данной работе мы остановимся на самых ранних, как предполагается, свидетельствах таких связей — на галечных комплексах.

Начиная с середины 60-х гг., после открытия А. П. Окладниковым галечных культур на Амуре [3; 13] и выделения в Северной Америке стадии до-наконечников, весьма популярны были гипотезы о распространении галечных культур из Азии в Америку [см. обзор: 10, с. 45–76; 11]. Галечные культуры Дальнего Востока достаточно логично укладывались в эту схему.

В 1968 г. канадский археолог Ч. Борден на международном конгрессе в Японии представил доклад о древностях Британской Колумбии. В частности, он доложил о галечном комплексе Пэсика на реке Фрезер, который был датировал по его стратиграфическому залеганию возрастом 11,5–12 тыс. л. Ч. Борден связывал его происхождение с Азией. В Токио он встретился с А. П. Окладниковым, который представлял там галечные материалы с Амура. После знакомства с этими материалами Ч. Борден писал, что *«галечные орудия, включая специализированные типы, идентичные некоторым в комплексе Пэсика в Британской Колумбии... (Борден конкретно указал в иллюстрациях, какие именно — С. С.) были недавно найдены на древней речной террасе на Нижнем Амуре»* [18, с. 10]. Несмотря на свои сомнения относительно возраста Амурских материалов, Ч. Борден, со ссылкой на устное сообщение А. П. Окладникова, датирует их средним палеолитом. Если эта очень предварительная оценка окажется верной, — писал он, восточно-азиатская индустрия могла быть экспортирована в Новый Свет в период, предшествовавший теплому промежутку времени перед последним ледниковым максимумом [там же].

Для подтверждения этой гипотезы требовалось найти галечные комплексы на промежуточной между Британской Колумбией и Амуром территории — Колыме, Чукотке, Камчатке и Аляске.

В этой же конференции в Токио участвовал с докладом о палеолите Камчатки Н. Н. Диков, который через несколько лет — в 1971–1973 гг. — выделил галечную культуру на Северо-Востоке Азии. Н. Н. Диков предположил о существовании на Колыме «колымской индустрии чопперов» возрастом 20–23 тыс. л., реликтом которой там же, на Колыме, были, по его мнению, галечные орудия — чопперы и чоппинги со стоянок Сибердик и Конго, которые он датировал по С-14 возрастом 8–9,5 тыс. л. Больше всего они походили, считал Н. Н. Диков, на галечные орудия Приамурья, «где они употреблялись давно, с самых древнейших этапов известного там палеолита» [5, с. 98]. В своих культурных построениях он опирался также и на американский комплекс Пэсика Ч. Бордена, рассматривая колымские чопперы как промежуточное звено на пути к ним с Амура, несмотря на голоценовый возраст колымских стоянок.

Также как палеолитические определил одиночные подъемные находки галечных орудий (чопперов) на р. Омолон (правый приток Колымы) И. Е. Воробей [2]. Оговаривая, что пока невозможно определить реальный возраст находок, он, устанавливая внешние — за пределами Северо-Востока Азии — связи, сравнивает на-

ходки с древнейшими галечными орудиями Сибири (с р. Ангара), Вьетнама, Монголии [там же]. Несомненно то, что, если такая связь действительно существовала, то на своем пути из этих отдаленных от Омолона культурных центров технология и морфология орудий подвергалась влиянию дальневосточных традиций.

Дальнейшие исследования на Колыме пока не дали весомых аргументов, подтверждающих существование там плейстоценовой «колымской индустрии чопперов». Кроме того, появляется сомнение в раннеголоценовом возрасте Сибердиковских галечных орудий и гомогенности Сибердиковского комплекса [16; 17]. Для первого предположения основанием является открытие на Верхней Колыме поздней индустрии галечных орудий, возрастом 400–600 л. Стоянки с материалами этой «поздней галечной индустриии» были впервые отмечены А. П. Окладниковым [12] на древних галечных валах в долине среднего течения Колымы во время его Колымской экспедиции в 1946 г.

Основанием для второго предположения является неопределенный характер орудийного набора мелких кремневых орудий Сибердиковской культуры, который включает как клиновидный нуклеус, характерный для палеолита, так и конические нуклеусы, появляющиеся на Северо-Востоке в раннем голоцене и существующие в мезолите и неолите. Данные сомнения пока не являются основанием для пересмотра вопроса о существовании сибердиковской культуры, но четко определяет проблему культурной интерпретации и датирования подъемных и смешанных материалов на Верхней Колыме, как это имело место на стоянке Агробаза (в 60 км от стоянки Сибердик). Здесь комплекс подъемных материалов, первоначально определенный как «сибердиковский», т. е. (по Н. Н. Дикову) сочетающий галечные орудия и мелкие кремневые орудия с нуклеусами микропластинками, в ходе раскопок разделился по разным стратиграфическим и культурным слоям, на отличные друг от друга комплексы, разделенные во времени на несколько тысячелетий [17]. В нижнем слое остались микропластинки и к ним, вероятнее всего, относятся и другие кремневые орудия, такие как бифасиально обработанные листовидные наконечники стрел и ножи. Датируются эти находки, по меньшей мере неолитическим временем. В верхнем слое был исследован комплекс с галечными орудиями типа чопперов, галечным нуклеусом радиального принципа обработки для получения крупных отщепов, галечными скреблами и скребками, ножами с грубой краевой обработкой чередующейся ретушью. В обработке камня преобладает ударная ретушь. Ножевидные пластинки и кремневые орудия здесь отсутствовали. Датирование слоя радиоуглеродным способом по древесному углю из очага дало возраст находок в пределах 400–600 л. (XIV–XVI вв. н. э.). Аппликация некоторых отщепов из верхнего слоя с чоппером из подъемного материала совершенно точно указывает на их смешанный характер.

На Южной Камчатке, на стоянке Лопатка IV (в скоплении 3), среди подъемных материалов с бифасиальными листовидными метательными наконечниками позднего времени, был выделен комплекс галечных изделий типа чопперов и чоппингов, массивных скребел, аналогии которому были определены в культурах Приморья и даже дальше на юг — во Вьетнаме, Монголии, Японии и на

промежуточных территориях Курильских островов [7]. Архаичность комплекса позволила датировать его временем более чем 11 тыс. л., с оговоркой, что вопрос о его датировке остается пока открытым [там же].

Не датированными остаются и ближайшие к мысу Лопатка на Камчатке материалы с о. Шумшу (Курильские острова), содержащие галечные рубящие орудия со стоянок Козыревск I и Большое I [15]. Их возраст, по аналогии со стоянками с Японских островов и Устиновской культуры Приморья, предварительно был определен в пределах плейстоцена.

На Чукотке, как считал Н. Н. Диков, промежуточным звеном между американскими памятниками стадии «до-наконечников» с орудиями из грубо оббитых галек, и их прототипами с Дальнего Востока — галечными орудиями со стоянок Филимошки, Кумары 1 (а также Диринг-Юрях в Якутии) являются стоянки Кымъынанонвываам XII, XIII с рубилообразными орудиями и скреблами из яшмоида [6]. Возраст стоянок был определен в пределах 20–23 тыс. л. Все находки с этих стоянок подъемные, не имеют стратиграфической привязки, некоторые собраны даже в русле ручья. Судя по трассологическому анализу (определение Н. А. Кононенко), среди них имеются орудия со следами обработки или сработанности и острыми краями фасеток по кромке неровного рабочего края [6, с. 36]. Вокруг этих находок, на расстоянии 100 м и далее, расположены неолитические стоянки с ножевидными пластинками и керамикой [6]. На наш взгляд, поскольку стоянки расположены на месторождении кремнистой породы низкого качества (который в силу своей хрупкости не пригоден для изготовления чопперов), а на артефактах имеются свежие следы вторичной обработки, то стоянки, скорее всего, представляют из себя мастерские, причем значительно моложе предполагаемого возраста.

Такие же культурные параллели, как для стоянок Кымъынанонвываам XII–XIII, Н. Н. Диков предлагает и для стоянки Орловка II [14]. Стоянка расположена на 120-160(?)-метровом уступе на склоне сопки у р. Орловка (Западная Чукотка) [8]. Поверхность склона подвержена солифлюкционному сползанию, что отразилось на расположении находок. Некоторые из них (галечные орудия и микропластинки) получены с поверхности. В раскопе находки залегали двумя горизонтами до глубины до 22 см. К верхнему тяготеет комплекс кремневых микропластинок; к нижнему — галечные чопперы, нуклеусы для получения пластинчатых сколов и пластин, а также пластины с них, скребло, скребки, резцы и др., все на галечных сколах. В плане распространение и концентрация находок совпадает от поверхности до нижнего слоя [21]. Сырье для галечных изделий можно было получить только с реки, на расстоянии около 2 км. В общей сумме они составляют довольно значительную массу и требуют определенных усилий для их транспортировки на стоянку.

Вопрос о культурной принадлежности и возрасте стоянки Орловка II зависит прежде всего от определения ее как одно- или двухкомпонентного памятника. Микропластинки определяют возможный максимум возраста на Чукотке в пределах 12 тыс. л., а с учетом того, что на стоянке нет прямых свидетельств присутствия

клиновидных нуклеусов, — не более 9 тыс. л. Если же мы имеем дело с двумя различными комплексами, то галечные орудия в данном стратиграфическом контексте позволяют говорить о значительной древности этих орудий и о существовании галечной традиции на Северо-Востоке Азии, как это предполагал Н. Н. Диков.

М. А. Кирьяк предложила для галечного компонента стоянки различные географические параллели (от внутренней Монголии до Аляски) и широкие хронологические рамки (от раннего голоцена до начала верхнего палеолита). Для нас наиболее интересны аналогии с материалами стоянок Кумары II, Анангула и Тангл-Лейкс, Эжанцы, Верхне-Троицкая и Сибердик.

По мнению М. А. Кирьяк, *«почти абсолютной аналогией орловского нуклеуса 1 (под-призматической формы со следами субпараллельного продольного скалывания) являются изделия со стоянки Кумары II»* [8]. Есть все основания согласиться с таким сопоставлением, если считать Орловский комплекс без-микропластинчатым. Таким образом, орловские материалы послужат надежным основанием датирования стоянки Кумары II, а не наоборот.

Другие сопоставления почти ничего не дают для определения возраста и культурных связей, поскольку галечные орудия там не являются датирующим или ведущим технологическим элементом комплексов. Предложенные аналогии орловских материалов с орудиями Дюктайской, Сумнагинской и Сибердиковской культур одновременно [8, с. 21–22] озадачивают, поскольку Н. Н. Диков, давая технологические характеристики орудийным комплексам этих культур, четко определил их принципиальное различие [5]. Делая первый шаг в направлении признания «преемственности... и общности технологических традиций в изготовлении каменных орудий» этих культур [8, с. 21], в качестве следующего шага мы должны поставить вопрос о правомерности критериев выделения сибердиковской культуры на Северо-Востоке и обоснованности существования связи ее с галечными комплексами Дальнего Востока.

Не сохранили своих первоначальных позиций (хронологических, культурных) и материалы американского комплекса Пэсика из Британской Колумбии, которые могли бы поддерживать в рабочем состоянии гипотезу о распространении галечных орудий с Дальнего Востока в Северную Америку до обнаружения таковых в Берингии. Имеющиеся образцы галечных орудий из Восточной Берингии (например, со стоянки Берч) настолько сомнительны, что не были даже опубликованы, хотя и продолжают храниться в музее Аляски в г. Фэрбенксе.

Все находки галечных орудий в Британской Колумбии, рассматривавшиеся до недавнего времени через призму гипотезы Ч. Бордена [18] о плейстоценовом времени их появления там, сейчас получили иное толкование. Исследования с применением С-14 датирования, проведенные Ш. Хейли [20] на многих памятниках, содержащих галечные орудия, показали, что эта традиция (ее назвали «поздняя галечная традиция») существовала примерно 4–6 тыс. л. н. и содержит, помимо галечных, различные бифасиальные орудия, микропластины, микронуклеусы, и т. д. [20, p. 52, 62]. К проблеме заселения Америки она не имеет отношения. Эти выводы были признаны и Р. Карлсоном, одним из ведущих специалистов по этой проблеме [19, p. 633].

Для Северо-Востока Азии вероятность существования связей с Дальним Востоком на уровне галечных комплексов пока сохраняется, хотя основано это мнение скорее не на имеющихся данных, а на их неопределенности. Данных для точного определения культурной и хронологической принадлежности рассмотренных материалов пока мало, поскольку они подъемные и найдены в смешанном или неясном стратиграфическом контексте. В ходе длительной дискуссии о дальневосточных галечных комплексах был сделан вывод о том, что *«многими исследователями эти находки не воспринимались как артефакты, а в случае с находками со стоянок Кумары (долина Амура), содержащих чоппинги, орудия с „носиком" и аморфные ядрища, можно говорить лишь об облике инвентаря, а не о его древности»* [4, с. 165].

В дальнейшем в вопросе корреляции галечных комплексов Дальнего Востока и Северо-Востока Азии только новые стоянки с достаточно определенной стратиграфией и С-14 датировками могут прояснить ситуацию. На основе имеющихся в настоящее время материалов этот вопрос пока решить невозможно.

Примечания

1. **В. К. Арсеньев.** *Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири // Записки Владивостокского отдела РГО. Т. 3 (XX), вып. II, 1929. С. 273–296.*
2. **И. Е. Воробей.** *О находках палеолита на Омолоне // Исследования по археологии Севера дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. С. 4–15.*
3. **А. П. Деревянко.** *Палеолит Дальнего Востока и Кореи. Новосибирск: Наука, 1983. 216 с.*
4. **А. П. Деревянко, С. В. Маркин, С. В. Васильев.** *Палеолитоведение (введение и основы). Новосибирск: Наука, 1994. 288 с.*
5. **Н. Н. Диков.** *Древние культуры Северо-Восточной Азии. М.: Наука, 1979. 352 с.*
6. **Н. Н. Диков.** *Азия на стыке с Америкой в древности. СП-б, 1993. 304 с.*
7. **Т. М. Дикова.** *Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М.: Наука, 1983. С. 232.*
8. **М. А. Кирьяк.** *Орловка II — первая палеолитическая стоянка Западной Чукотки // Новое в археологии Севера Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВНЦ СССР, 1985. С. 12–23.*
9. **М. А. Кирьяк.** *Археология Западной Чукотки. М.: Наука, 1993. 224 с.*
10. **И. П. Ларичева.** *Палеоиндейские культуры Северной Америки. Новосибирск: Наука, 1976. 230 с.*
11. **Г. И. Медведев.** *Палеолитические обитатели юга Сибирского плоскогорья и древние культуры Северной Америки // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1983. С. 36–41.*

12. **А. П. Окладников.** *Древние культуры Северо-Восточной Азии по данным археологических исследований в 1946 г. в Колымском крае // Вестник древней истории. 1947. № 1. С. 176–182.*
13. **А. П. Окладников.** *О первоначальном заселении человеком Сибири и новых находках палеолита на реке Зее // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (1964) (т. 10). Москва: Наука, 1970. С. 251–256.*
14. *Северо-Восток России с древнейших времен до наших дней: новые экскурсы в историю. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. 106 с.*
15. **О. А. Салова.** *К вопросу о палеолите Курильских островов // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Новосибирск: Наука, 1976. С. 17–176.*
16. **С. Б. Слободин.** *Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. 234 с.*
17. **С. Б. Слободин.** *Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. 203 с.*
18. **Ch. E. Borden.** *Early population movement from Asia into western North America // Syesis, № 1-2. British Columbia, 1969. Pp. 1–13.*
19. **R. L. Carlson.** *Pebble Tool Tradition // Archaeology of prehistoric Native America (an Encyclopedia). Ed. by G. Gibbon. Garland Publishing, Inc. New York & London, 1998. P. 633.*
20. **Sh. Haley.** *The Pasika complex revisited. // Early human occupation in British Columbia. UBS Press, Vancouver BC, 1996. Pp. 51–64.*
21. **M. A. Kiriyak.** *The Paleolithic Site Orlovka-II in Western Chukotka Area // Korean Ancient Historical Society. Seoul, 1995. N. 8. Pp. 427–445.*

А. Ф. СТАРЦЕВ

Музей археологии и этнографии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ПРОБЛЕМА ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ УДЭГЕЙЦЕВ И ТАЗОВ

Этническое название *тазы* в научной литературе встречается в разной огласовке: *таза, тацзе, тадзы, дацзы, дадзы, дачже* [1]. Этим термином китайцы с XII столетия называли все татаро-монгольские племена, вкладывая в него нарицательное понятие «дикий инородец». В XVII в. название *тадзы* было распространено на все

тунгусо-маньчжурские и другие этносы Дальнего Востока [2]. Со второй половины XIX в. термином *тадзы; тазы* со значением «кровосмешанный» китайцы стали называть всех аборигенов Уссурийского края, «которых нельзя причислить ни к ним, китайцам, ни к русским, ни к японцам, ни к корейцам» [3].

Все отечественные исследователи досоветского периода, в отличие от китайцев, под термином *тазы* чаще всего подразумевали орочей и удэгейцев, считавших одним народом и известным под этнонимом *орочи*. По этой причине орочей в научной и др. литературе называли двойным этнонимом — *«тазы или орочи»* [4]. После разграничения орочей и удэгейцев за орочами закрепился этноним *орочи*, а за удэгейцами закрепился двойной этноним — *«тазы или удиhе»*. Под этим этнонимом подразумевались удэгейцы и тазы, соотнесенные к одному народу.

В годы советского периода *тазов* продолжали считать окитаившейся частью удэгейского этноса, что и находило отражение в материалах переписей населения, статистических документах, в научной и популярной литературе [5].

В начале 1970-х годов культуру тазов досконально изучил Ю. А. Сем и свои материалы сконцентрировал в специальном отчете [6]. Здесь сосредоточены материалы, позволяющие сделать вывод, насколько сильно тазы подверглись влиянию китайской культуры, и какие этносы приняли участие в формировании этого народа.

При исследовании этногенеза любого народа большое значение имеет изучение многих компонентов национальной культуры разных этносов, принимавших участие в этногенезе. Одним из таких компонентов является родовой или фамильный состав изучаемого народа или этнической группы.

В XIX столетии у тазов род, как социальная единица общества, уже не существовал. Вместо родовых названий у них были фамилии. *«Структура и фамилии тазов в большинстве своем китайского типа. — отмечал Ю. А. Сем. — Они представляют собой следующую модель: фамилия + имя + местожительство отца. Но в отличие от китайской фамилии компоненты этой модели соединены вместе и мыслятся как единое, неделимое целое»* [7].

Ю. А. Сем выяснил, что от браков китайских мужчин с нанайскими, удэгейскими и солонскими женщинами возникло более 30 фамилий тазов. Анализ показал, что 13,3% фамилий тазов своим происхождением связываются с удэгейцами, 10% — с солонами, 76,7% — с нанайцами [8].

Тазы, в отличие от аборигенов Нижнего Амура и Приморья, занимались сельским хозяйством. Этот вид хозяйственной деятельности для них являлся основным занятием. Таежная охота, рыболовство и собирательство в хозяйстве тазов были подсобными промыслами.

Рассмотрим некоторые аспекты хозяйственной деятельности и материальной культуры тазов в сравнении с культурой их ближайших соседей — нанайцев и удэгейцев. Известно, что у тазов, как у нанайцев и удэгейцев, охота на пушных зверей считалась традиционным занятием. Тазы применяли разные ловушки для добычи пушных животных. Одно из них — это ловушка давящего типа *туй* для добычи пушных животных. Идентичную ловушку хорские удэгейцы называют *дуи*, самаргинские — *дуй*, а орочи — *дои* [9].

Для переноски охотопромысловой продукции и других грузов тазы использовали понягу *пэйтяза* [10], которая по своей конструкции была сходной с удэгейским и орочским приспособлениями *сина*, ульчской, орокской и нанайской понягой — *тина; хина*, эвенкийским и негидальским приспособлением для переноски тяжестей *хина* [11].

Сходность культуры тазов с культурами аборигенов Нижнего Амура и Приморья — удэгейцами, нанайцами, орочами, ульчами и др. наблюдается в конструкциях, способах изготовления и использования лодок-долбленок — батов и оморочек, известных тазам под названием *ямудео* (лодка с лопатообразным носом — бат) и *коймаза* (остроконечная лодка — оморочка) [12]. Значительная схожесть прослеживается в сухопутных средствах передвижения тазов и их соседей. Например, охотничьи прямокопыльные нарты *сяо пали* у тазов были без дуг и с правилом на левой стороне нарт, за которое держался охотник во время передвижения по тайге. Нарты с такой конструкцией имели широкое распространение среди нанайцев, удэгейцев и др. народов Нижнего Амура [13].

Определенные контакты между удэгейцами и тазами прослеживаются в области домашнего хозяйства. Удэгейцы и тазы при заготовке дров использовали пилу (*зуи* — удэ.; *дуи; тюи* — тазы), колун (*магуза* — удэ.; *махузэ; фузэ* — тазы) и многие орудия труда, которые они делали сами или покупали у торговцев [14].

Большое сходство у тазов, удэгейцев и др. аборигенов Нижнего Амура и Приморья наблюдается и в области материальной культуры. Например, жилые двускатные постройки каркасного типа, распространенные среди тунгусо-маньчжурских этносов, соответствуют жилому сооружению тазов, известному под названием *супичан* [15]. По своей конструкции и внутреннему устройству жилище тазов является однотипным не только с удэгейским сезонным сооружением *кава*, но и с осенне-летним жильем орочей — *болодже*, двускатными домами ульчей — *аундя* и эвенков — *угдан; угдама* [16].

Кроме двускатных жилищ у тазов имелось и временное коническое жилище *цуэло*. Эта промысловая постройка удэгейцам известна под названиями *анга* (хор., смрг.), *аунга* (хунг.), *чоко, цоко* (бк., иман). Она имеет общие черты по своей конструкции с сезонными или промысловыми коническими, жилыми постройками, распространенными среди орочей, нанайцев, ульчей, эвенков и др. соседних народов.

Ю. А. Сем, считая, что название конического жилища тазов *цуэло* является фонетическим вариантом нанайского слова *цоро; чоро*, делает вывод, *«что истоки тазовского конического жилища цуэло уходят своими корнями в культуру охотников и рыболовов, в культуру тунгусо-маньчжурских народностей»* [17].

Много схожего у тазов, удэгейцев, нанайцев и др. народов Нижнего Амура наблюдается в одежде, обуви, головных уборах и украшениях.

Летние, осенние и зимние халаты тазов, нанайцев, удэгейцев и др. этносов по своему покрою сходны с монгольской и маньчжурской одеждой с левым запахом и относятся к запашному типу покроя кимоно. Несмотря на одинаковый покрой халатов, существующий у народов Нижнего Амура и Приморья, только удэгейцы и тазы к своим халатам пришивали воротник-стойку. Удэгейцы эту деталь одежды называют *линдзэ*, а тазы — *ленгизе* [18]. Этот элемент одежды

удэгейцы и тазы заимствовали у китайцев, с которыми они чаще других вступали в разные этнокультурные контакты.

Идентичными были берестяные шляпы *вэй лин тоу* у тазов, удэгейцев, нанайцев и др. Этот головной убор тазы покупали у уссурийских нанайцев и удэгейцев или делали сами по нанайским образцам [19].

В теплое время года, спасаясь от гнуса, женщины носили платки (*сэузинэ* — удэ.; *сэуде* — тазы) [20]. Сходство этих названий объясняется тем, что они заимствованы из китайского языка.

Каждый охотник имел промысловую распашную безрукавку, сшитую из меха козы. Безрукавки у народов Нижнего Амура и Приморья имели однокорневое тунгусское название. Удэгейцы безрукавку называли *сигэ*, нанайцы и ульчи — *сикэ*, негидальцы — *сихэ*. Аналогичные безрукавки, известные под названием *кандяйр*, имелись и у тазов Южно-Уссурийского округа. Анализ термина тазов — *кандяйр* связывается с меховой одеждой эвенков *кайдаки* и понятием *кайра* — кроить одежду из шкур животных [21]. Ю. А. Сем, исходя из этого, считает, *«что эта одежда, безрукавка, относится к древнему тунгусскому охотничьему комплексу»* [22].

Важным элементом в культуре аборигенов Нижнего Амура и Приморья являются национальные прически, которые отражают один из признаков этнической культуры. Рассмотрим этот элемент.

Удэгейцы и орочи имели двухкосую прическу *нюкта огима*, какой не имели ни тунгусо-маньчжурские этносы, ни нивхи Нижнего Амура и Сахалина. Двухкосая прическа была только у средневековых чжурчжэней [23]. Наличие одинаковой прически у некоторых чжурчжэней, удэгейцев и орочей позволяет говорить об этногенетических связях и этнокультурных контактах этих народов в период средневековья — XIX в.

По нашему мнению, прическа удэгейцев и орочей свидетельствует, что этногенетические процессы, протекавшие у орочей и удэгейцев, имели определенные отличия от нанайцев, ульчей и других аборигенов Нижнего Амура и Сахалина. Доказательством этого служит такой этнографический факт, как обычай заплетать волосы в одну косу у покойников — удэгейцев. *«Обычно мужчина носит две косы, — подчеркивал Б. А. Куфтин, исследуя самаргинских удэгейцев в 1927 г., — но при погребении ему заплетают только одну»* [24]. Аналогичный факт В. К. Арсеньев зафиксировал у приморских и бикинских удэгейцев [25]. Обычай заплетать волосы удэгейским покойникам в одну косу, очевидно, является фактом, подтверждающим их этногенетические связи с древними тунгусами, имевшими однокосую прическу.

В связи с вышесказанным определенный интерес представляют мужские прически тазов. В отличие от удэгейцев, еще в 60–70-х годах XIX столетия наиболее распространенной прической у мужчин-тазов была одна коса *пяньза*. Коса свисала с затылка на спину [26]. Прическа этого типа была характерной и для средневековых чжурчжэней [28]. Ее могли перегибать несколько раз и обматывать черным или красным шнурком [28]. Подобная мужская прическа имелась также у нанайцев, ульчей, эвенков, нивхов и других народов Нижнего Амура и Приморья [29].

Одновременно с этим у тазов была и так называемая маньчжурская прическа. *«Тазы брили спереди волосы у лба до середины головы, а оставшиеся волосы собирали сзади в косу и заплетали ее так же, как и в первой прическе. Такая мужская прическа называлась тхиноудай»* [30]. Аналогичные сведения о прическах мы находим и у средневековых чжурчжэней [31].

Рассматривая прически аборигенов Нижнего Амура и Приморья, уместно вспомнить, что китайцы называли удэгейцев *чанмао (чанмау)* или *чангмол тадза* — длинноволосые. Называя удэгейцев этим именем, *«китайцы подчеркивали их независимость от маньчжуров, которые заставляли подвластные или ясачные племена в знак подчинения брить лоб»* [32].

Исходя из вышеприведенных примеров, можно сделать вывод, что мужская прическа тазов имеет общие корни с прической нивхов и тунгусо-маньчжурских этносов Нижнего Амура, но она отличается от орочской, удэгейской и китайской.

Если учесть, что в Южно-Уссурийском округе не было ни ульчей, ни нивхов, то тазы могли тунгусскую прическу позаимствовать только от нанайцев, или она путем передачи из поколения в поколение могла сохраняться у тазов с эпохи средневековья как память о своих чжурчжэньских предках.

Исходя из всего вышесказанного, можно предположить, что тазы в большей мере поддерживали этнические контакты с нанайцами, а не с удэгейцами, этногенез которых, по нашему мнению, прослеживается с первых веков второго тысячелетия.

Сравнение элементов хозяйственной деятельности и предметов материальной культуры удэгейского этноса с тазами позволяет утверждать, что традиционно-бытовая культура тазов во многом имеет сходство с культурой удэгейцев. Она также находит многие аналогии среди культур нанайцев, орочей, ульчей, нивхов и др. аборигенов Нижнего Амура.

Схожесть некоторых элементов традиционно-бытовой культуры подтверждается и сравнительно-сопоставительным анализом национальной терминологии, существующей у нанайцев, удэгейцев и тазов. Однако наблюдается и существенное их различие. Значительное число национальной терминологии у тазов отражает озвучивание слов на китайском языке, а у нанайцев и удэгейцев терминология тунгусо-маньчжурского происхождения. Отдельная терминология тазов тунгусского происхождения часто искажена китайским произношением до неузнаваемости, что является отражением прошлых этнокультурных контактов аборигенов с маньчжурами и китайцами. Кроме этого, если учесть, что национальная прическа является одним из компонентов традиционно-бытовой культуры, по которой прослеживаются этногенетические особенности этносов, то и здесь можно с уверенностью сказать, что удэгейский этнос остался в стороне от этногенеза тазов. Однокосые прически с подбритым лбом у чжурчжэней (XII в.), у маньчжур (XVII в.), у нанайцев и тазов (XIX в.) — это та этногенетическая «цепочка», которая позволяет рассматривать культуры этих народов в плане этнической преемственности. Кроме этого, анализ терминологии тазов, отражающей тунгусо-маньчжурское звучание, показывает, что эти термины преимущественно заимствованы тоже у нанайцев.

Этнографические материалы народов Нижнего Амура и Приморья, отражавшие традиционно-бытовые аспекты культуры тазов, позволяют сделать вывод, что культура тазов представляет собой синтез разнообразных элементов традиционно-бытовой культуры удэгейцев, нанайцев, орочей, китайцев, маньчжуров и др. народов азиатского региона.

Отсюда следует, что тазы представляют собой самостоятельный народ, обладающий своим мировоззрением, своей материальной и духовной культурой. Они владеют своим языком, насыщенным примесью слов из тунгусо-маньчжурских этносов и ныне представляющим особый диалект китайского языка.

Примечания

1. *Л. И. Шренк. Об инородцах Амурского края. СПб.: 1883. Т. 1. С. 66.*
2. *Л. И. Шренк. Там же. С. 140.*
3. *В. К. Арсеньев. Этнологические проблемы на востоке Сибири // Вестник Азии. Харбин: 1916. Кн. 2–3. Выпуск 38–39. С. 66.*
4. *Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. Владивосток, 1949. С. 110–115.*
5. *С. В. Иванов, М. Г. Левин, А. В. Смоляк. Удэгейцы // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 831; Тазы // Большая Советская Энциклопедия. М.: 1976. Третье издание. С. 200.*
6. *Ю. А. Сем. Тазы. Хозяйство и материальная культура (XIX–XX в.). Историко-этнографические очерки // Архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. — 322 л.*
7. *Архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 47. — Материалы Ю. А. Сема.*
8. *Там же. Л. 47–50.*
9. *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Л.: 1975. Т. 1. С. 212.*
10. *Архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 200. — Материалы Ю. А. Сема.*
11. *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков... 1977. Т. 2. С. 325.*
12. *Архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 190–192. — Материалы Ю. А. Сема.*
13. *Там же. Л. 197.*
14. *Там же. Л. 144–145.*
15. *Архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 172–173. — Материалы Ю. А. Сема.*
16. *В. Г. Ларькин. Удэгейцы. Историко-этнографический очерк (с середины XIX в. до наших дней). Владивосток, 1958. С. 15–16; Ларькин В. Г. Орочи (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). М.: 1964. С. 48; Смоляк А. В. Ульчи. Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем. М.: 1966. С. 75; Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). Л.: 1969. С. 113.*
17. *Архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 175. — Материалы Ю. А. Сема.*
18. *Там же. Л. 243.*
19. *Архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 247. — Материалы Ю. А. Сема.*

20. *Там же. Л. 249.*
21. *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков... Т. 1. С. 362.*
22. *Архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 252. — Материалы Ю. А. Сема.*
23. *М. В. Воробьев. Культура чжурчжэней и государство Цзинь X в. — 1234 г. М.: 1983. С. 27–29.*
24. *ПФА РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 32. Л. 44. — Материалы Б. А. Куфтина.*
25. *Архив ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 2. Л. 222.*
26. *Архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 260. — Материалы Ю. А. Сема.*
27. *М. В. Воробьев. Культура чжурчжэней и государства Цзинь... С. 27–28.*
28. *Архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 259–260. — Материалы Ю. А. Сема.*
29. *А. В. Смоляк. Ульчи... С. 90; Таксами Ч. М. Нивхи (Современное хозяйство, культура и быт). Л., 1967. С. 173; Василевич Г. М. Эвенки... С. 134–135; Архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 260. — Материалы Ю. А. Сема.*
30. *Архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 260. — Материалы Ю. А. Сема.*
31. *М. В. Воробьев. Культура чжурчжэней и государства Цзинь... С. 29.*
32. *Архив ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 22. Л. 45. — Материалы Ю. А. Сема.*

Л. Н. ХАХОВСКАЯ
Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, г. Магадан

МЕТИСЫ (КАМЧАДАЛЫ) ОХОТСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ

Камчадалами Охотского побережья являются потомки этнически смешанных браков, проживавшие в оседлых поселениях на берегу Охотского моря в пределах современной Магаданской области. Наиболее значимый контингент, который положил начало охотским метисам-камчадалам, составляли русские переселенцы, в том числе казаки. Оседая на Охотском побережье, они активно смешивались с местными жителями, и, как свидетельствуют архивные материалы 1930-х гг., отсюда *«ведут начало метисы, впоследствии получившие название камчадалов, представляющие собою самую пеструю этнографическую смесь»* [ГАМО, ф. Р-117, оп. 1, д. 10, л. 84]. На Гижигинском побережье, в районе сел Гижига и Наяхан в формировании охотских метисов приняли активное участие оседлые коряки. Ямские, туманские и в особенности гижигинские коряки постоянно общались с русскими казаками и крестьянами. Часть этих коряков уже в 1760-х гг. была обращена в христианство. И. С. Вдовин отмечает, что ассимиляция коряков пришлым населением была постоянной [1973, с. 181]. Гижигинские служилые

казаки и крестьяне часто женились на новокрещенных корячках [Гурвич, 1966, с. 109]. В. В. Антропова [1971, с. 104] пишет, что «русско-корякские браки в районе Гижиги» были распространены «очень широко». И. С. Вдовин заключает, что процесс смешения привел к образованию особой локальной группы охотского населения, известной под названием камчадалы [1973, с. 181].

Камчадалы, населявшие поселок Тауйск, отличались тем, что в числе их предков были якуты, так как в XVIII в. в район Тауйска были переселены несколько десятков семей якутов, которые занялись обслуживанием Якутско-Охотского, а с XIX в. — Охотско-Камчатского тракта [Попова, 1964, с. 55].

Жители Олы и Армани в архивных документах и литературе часто числятся потомками тунгусов (современных эвенов), хотя вопрос этот достаточно сложный. И. С. Вдовин считал, что первые тунгусоязычные группы, владевшие небольшими оленьими стадами, появились на Охотском побережье к XV–XVI вв. [1973, с. 245]. Здесь они растеряли оленей и осели, став «пешими тунгусами» — метисной группы с тунгусскими и палеоазиатскими чертами культуры. В начале XVII в. «пешие тунгусы» подверглись ассимиляции со стороны второй волны тунгусов-оленеводов. К XIX в. они растворились среди русских, коряков и эвенов-оленеводов, образовав своеобразную метисную группу охотских камчадалов [История и культура... 1997, с. 20]. Что касается XIX — начала XX вв., то эвены-кочевники, как следует из церковных метрических книг, в этот период крайне редко смешивались с оседлыми жителями. Следовательно, речь может идти о вхождении в состав метисов-камчадалов главным образом оседлых эвенов, или так называемых «пеших тунгусов».

До революции охотские метисы входили в сословия казаков, мещан, крестьян, отчасти духовенства и чиновников. Некоторые из них принадлежали к сословию «инородцев», сохраняя этническую принадлежность своих предков из числа коренных народов Севера.

Согласно исповедальным росписям Тауйской Покровской церкви за 1866 г., в Тауйске проживали духовные лица (12 чел.), станичные казаки (29 чел.) и тауйские якуты (144 чел.); в Армани — сидячие тунгусы (109 чел.) и крестьяне (8 чел.); в Оле — сидячие тунгусы (94 чел.) [ГАМО, ф. Д-1, оп. 1, д. 1, лл. 9, 11, 13].

По документам Ольской Богоявленской церкви, к 1900 г. в Оле насчитывалось 135 жителей, из них духовные лица составляли 9 чел., казаки — 3 чел., купцы — 6 чел., мещане — 3 чел., якуты — 4 чел., оседлые тунгусы — 110 чел. В 1913 г. число ольчан возросло до 162 чел., численность сословий составила: духовные лица — 4 чел., военные — 2 чел., мещане — 25 чел., крестьяне — 28 чел., штатские — 3 чел., оседлые тунгусы — 55 чел, якуты (переселенцы из Якутской области) — 45 чел. [ГАМО, ф. Д-1, оп. 1, д. 1, л. 18–22; 87–90]. Приведенные данные наглядно фиксируют процесс постепенного перехода так называемых «оседлых» или «сидячих» тунгусов, фактически являвшихся метисированными жителями, в мещанское и крестьянское сословия, а также значительный вклад якутов-переселенцев в формирование этнически смешанного населения поселков Ольского района.

В 1853 г. в Гижиге, по данным К. Дитмара, насчитывалось 476 жителей, причем автор подчеркивает, что лиц «чисто русского происхождения» было мало, а большую часть гижигинцев, в том числе казаков, составляла «помесь, возникшая от смешанных браков русских с туземцами» [1901, с. 423].

В 1908 г. в Гижиге проживали 427 человек, в том числе представители следующих сословий: военное (казаки, включая их семьи и детей) — 198 чел., сельское (крестьяне) — 30 чел., городское (купцы, мещане) — 179 чел., духовенство — 19 чел., потомственные почетные граждане — 1 чел. Отсюда следует, что гижигинцы-метисы, потомки от смешанных браков, учитывались не как «инородцы», а входили в разряд казаков, крестьян, мещан и т. д. [ГАМО, ф. Д-24, оп. 1, д. 1, л. 13].

По оценке С. Л. Бацевича, в 1910–1912 гг. общая численность «русских» (под которыми он подразумевал метисов) в Гижигинском уезде составляла 550 человек, из них команда гижигинских казаков насчитывала около 30 человек [1913, с. 25, 26].

Согласно архивным данным 1930-х гг., в середине XVIII в. возникло поселение Наяхан, основанное «выселившимися из Гижиги камчадалами». Из материалов Гижигинской церкви начала XX в. следует, что среди жителей этого селения числились крестьяне (Чивиткины), якуты (Робиковы). Следовательно, население Наяхана составляли метисы, входившие в крестьянское сословие и якуты, недавние переселенцы, чья этническая принадлежность не вызывала сомнений.

Административно-территориальное деление края всегда оказывало существенное воздействие на этническое самосознание камчадалов. Для метисов Охотского побережья в дореволюционный период была характерна локальная самоидентификация, поскольку они считали себя прежде всего жителями определенного селения. Локальное самосознание было свойственно жителям Олы, Армани, Тауйска, Ямска. Более выраженное региональное самосознание существовало у гижигинцев, ощущавших себя жителями Гижигинского уезда. Формирование единого самосознания метисного населения до революции сдерживалось также из-за сословного деления общества. Поэтому коренные жители края, ведущие свое происхождение от русских переселенцев, не имели какого-либо общего самоназвания, а термин *камчадалы* появился только в 1920-хх гг.

Одном из первых исследователей, который ввел этот этноним для обозначения населения Охотского побережья, был выдающийся писатель, путешественник и ученый *Владимир Клавдиевич Арсеньев*. По его данным, численность камчадалов Гижигинского района (вместе с русскими) составляла: в 1840 г. — 370 чел.; в 1860 г. — 419; в 1900 г. — 420; в 1922 г. — 1900. При этом В. К. Арсеньев подчеркнул, что численность камчадалов не увеличивалась из-за их низкого жизненного уровня, а прирост оседлого населения происходил за счет «временных и постоянных русских колонистов» [1999, с. 71].

Период становления советской власти в регионе характеризовался противоречивым отношением к определению этнической принадлежности метисированных жителей охотских поселений. По признаку владения языком их зачастую учитывали как русских. Однако резкие отличия хозяйства и культуры метисов от вновь прибывавших в регион русских были настолько очевидны, что возникла необходимость дать этой группе населения особое этническое имя. По аналогии с русскоязычными потомками камчатских аборигенов их стали именовать

камчадалами. Архивные материалы свидетельствуют, что в статистических сведениях Ольского и Северо-Эвенского (в который вошла территория бывшего Гижигинского уезда) районов существовала специальная строка для учета камчадалов, к которым относили метисированных оседлых жителей приморских поселков.

Согласно статистическим сведениям Охотско-Эвенского окрисполкома, в начале 1930-х гг. большинство камчадалов жило в Тауйске, Оле, Наяхане и Туманах. Всего в Охотском (включая Ольский) районе их было 1100 человек, еще 200 камчадалов проживало в Северо-Эвенском районе [История и культура... 1997, с. 49]. Таким образом, на территории деятельности Дальстроя, в который входил Северо-Эвенский и Ольский районы, в начале 1930-х гг. насчитывалось около одной тысячи камчадалов. Эти данные в общем подтверждаются архивными сведениями о населения Охотско-Колымского района за этот же период [ГАМО, ф. Р-50, оп. 1, д. 8, л. 9], согласно которым ольско-тайуских камчадалов насчитывалось 595 чел., гижигинских — 332 чел., а их общая численность составляла 927 чел.

В 30–50-х гг. на территории современной Магаданской области существовали три национальных района, входящих в Охотско-Колымский округ: Ольский, Северо-Эвенский и Среднеканский. Камчадалы проживали только в первых двух, их число в 1950-х гг. составляло около 800 человек [ГАМО, ф. Р-38, оп. 1, д. 10, л. 32, 87]. Значительное уменьшение численности связано с тем, что при выдаче паспортов камчадалам зачастую вписывали национальность «русский», не учитывая ни их мнение, ни желание [Полевые материалы автора]. Все же многие камчадалы сохранили, а некоторые восстановили утраченный этноним.

Хотя магаданские камчадалы формально и не относились к коренному северному населению, местные власти все же выделяли их из прочего русскоязычного населения и предоставляли им некоторые специальные льготы, какими пользовались представители малых северных народов — например, правом на заготовку лососевой рыбы для личного потребления [Туголуков, 1970, с. 134]. Таким образом, с конца 20-х до середины 80-х гг. XX в. метисов официально признавали камчадалами, вписывая эту национальность в их паспорта.

В середине 80-х гг. XX в. камчадалы Магаданской области были вынуждены поменять свою этническую принадлежность из-за давления со стороны администрации, которая оправдывала свои действия тем, что этноним камчадалы не входит в официальный перечень коренных малочисленных народов (утвержденный в 1926 г.) [Хаховская, 2001, с. 68]. Магаданским камчадалам предложили на выбор этнонимы эвен, коряк или ительмен. Не все из них согласились на такую замену, некоторые продолжают считать себя (и числятся формально, по паспорту) не кем иным, как камчадалами. Однако основная часть метисов все же переменила национальность. Значительный интерес представляют мотивы выбора того или иного этнонима. По нашим данным, принятие того или иного этнонима обусловлено желанием или нежеланием идентифицировать себя с хорошо известными соседями (родственниками) — эвенами и коряками; отсутствием или, наоборот, наличием знаний об ительменах; степенью владения языками коренных народов и т. д. [Полевые материалы автора]. Этот важный этнический аспект требует дальнейшего изучения.

В результате принудительного «этнического процесса» оказалось, что в начале 2002 г. в Магаданской области проживает около 1000 ительменов и сохранилось лишь 158 камчадалов. Такое положение не может быть признано нормальным, так как совершенно искажает этническую ситуацию в крае и вводит в заблуждение относительно того, что в Магаданской области проживают коренные аборигены Камчатки. Допущенную ошибку необходимо исправлять, для чего нужны дополнительные этнографические исследования охотских жителей смешанного происхождения.

Примечания

Архивные источники: ГАМО — Государственный архив Магаданской области.

1. ***В. В. Антропова.*** *Культура и быт коряков. Л.: Наука, 1971. 216 с.*
2. *В. К. Арсеньев. С научными целями на собственный счет // Северные просторы. 1999. № 3-4. С. 70–76.*
3. ***С. Л. Бацевич.*** *Два года в местечке Гижига Камчатской области // Известия общества горных инженеров. 1913. № 3. С. 1–32.*
4. ***И. С. Вдовин.*** *Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973. 303 с.*
5. ***И. С. Гурвич.*** *Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 275 с.*
6. ***К. Дитмар.*** *Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. СПб., 1901. 754 с.*
7. *История и культура эвенов. СПб.: Наука, 1997. 180 с.*
8. ***У. Г. Попова.*** *Этнографические особенности дореволюционного быта населения Тауйского побережья // История и культура народов Северо-Востока СССР. Магадан: Труды СВКНИИ, 1964. Вып. 8. С. 54–71.*
9. ***В. А. Туголуков.*** *Народ один — названий много // Советская этнография, 1970. № 5. С. 132–137.*
10. ***Л. И. Хаховская.*** *Прошлое и настоящее аборигенов Охотского побережья (эвены и камчадалы) // Мир коренных народов Живая Арктика. 2001. № 8. С. 67–70.*

Г. Т. ТИТОРЕВА
Музей изобразительных искусств, г. Комсомольск-на-Амуре

СВАДЕБНЫЙ ПОСОХ НАНАЙЦЕВ (К ВОПРОСУ О РОДОВОЙ ИЕРАРХИИ)

Свадебный обряд нанайцев, его драматургия и костюм — явление уникальное, сложное и красочное. Как всякий ритуальный предмет, свадебный костюм и его атрибуты хранят в себе глубокую символику древних образов.

Свадебный ритуал достаточно подробно изучен и освещен в специальной литературе, однако мало кто из исследователей традиционной культуры нанайцев описал один из его обязательных элементов — свадебный посох невесты — копье «оногда» (гэринский диал. — огдон). Упоминания о нем мы нашли только у А. В. Смоляк *«С оногда выходили из дома влиятельные и богатые люди во время свадеб, больших поминок, судебных разбирательств. Невеста, выходя из родительского дома, в прошлом также опиралась на такой оногда. Это орудие к охоте прямого отношения не имело...»* [1].

В коллекции Комсомольского-на-Амуре Музея изобразительных искусств хранятся два наконечника копья (КП-3554 и КП-11213), которые были атрибутированы как «гида — ритуальные копья для медвежьего праздника».

Следует уточнить, что гида — это промысловое копье с железным ромбовидным наконечником длиной около 20 см и деревянной рукояткой, имеющей у основания наконечника ограничитель из кости или дерева длиной 3–4 см. В отличие от промыслового копья лезвия ритуальных наконечников длиннее и с обеих сторон покрыты орнаментом, инкрустированным серебром, медью и латунью. Отверстие для древка более тонкое, чем у гида. У ульчей наконечник свадебного копья, как один из самых дорогих предметов, входил в состав калыма, выплачиваемого за богатую невесту [2]. Подобные наконечники действительно выполняли функцию ритуального орудия убиения медведя у нивхов и ульчей, но у нанайцев оно имело иное назначение. Информация об этом была получена от Самар Екатерины Дмитриевны, большого знатока традиционной культуры нанайцев. Поездка в Кондон к бывшему владельцу одного из наконечников (КП-3554), Дигор Ксении Ивановне (1915–2001), позволила уточнить атрибуцию ценного экспоната и собрать новые данные о родовой иерархии и свадебной обрядности нанайцев.

Ксения Ивановна принадлежит к роду Самар, у нее был свой свадебный посох, который вскоре после свадьбы был утерян. Он был меньшего размера, чем наш музейный. Этот подарен Ксении Ивановне в 1932 году Ламби Самаром по случаю первой годовщины ее первенца — Ильи. Такой подарок означал признание ее семейного союза с человеком из рода Дигор. Дело в том, что род Саманде-Самар на Гэрине имел статус жреческого, т. е. обладающего священными знаниями, приближенного к божествам, хранящего родовые святыни. И поэтому женщин рода Самар отдавали замуж не всякому инородцу. За тем, как относятся к женщине в ее новой семье, внимательно следили и при малейшей обиде или проявлении неуважения ее забирали домой без возвращения калыма. Гэринская невеста была воительницей. В ее олбион (личное имущество, которое не включалось в состав приданого) входили лук и колчан со стрелами. Их несли подруги невесты — дохала: впереди невесты — свадебный лук ганто, а позади — колчан со стрелами. Женщин рода Саманде-Самар называли «аси-моха», что переводится как «владычица», «княгиня». На женщин других родов, которые, выходя замуж, входили в род Саманде-Самар, высокий статус жреческого рода не распространялся, но их дети становились полноправными членами рода и получали доступ к священным знаниям. В подобном отношении к женщине несомненно проявляются отголоски матриархата. Огдон имели только невесты из такого, избранного, рода. Их называли буэнгги. Родовая иерархия нанайцев насчитывает пять ступеней. Буэнгги — самая высокая из них.

Женщины иных родов — байбиэй — использовали в свадебном ритуале обычное промысловое копье без орнамента — гида. Девушки из бедных родов и низшего сословия — кэвкэнэй — имели вместо копья сингапо — металлическую секиру, которой в иное время пользовались в домашнем хозяйстве. Именно этот предмет Гаер Е. А. называет свадебным посохом хогдо [3]. На этот посох невеста опиралась, слегка размахивая в стороны, направляясь от отчего дома к свадебной лодке. Смысл этих действий и присутствие самого копья не вызывает сомнений в том, что, как и весь свадебный костюм, он выполняет функцию оберега, защитника невесты от злокачественного влияния духов. *«Посохом она медленно поводила влево, вправо, чтобы не поранить, но отпугнуть духов отца, желающих сопровождать невесту или уйти с нею вместе в чужой род. Эти духи могли принести вред ей и ее новой семье»* [4].

После свадьбы огдон оставался в новом доме невесты как родовой оберег. Говорили, что он знает всех чертей и считали его другом, защитником детей этой женщины. Хранили огдон, как правило, над постелью, под потолком в деревянном чехле сплошь покрытом резным орнаментом, или под постелью, острием к изголовью. Орнамент на наконечнике и общая конфигурация копья ассоциируются с образом Мирового древа жизни, имеющим очень большое значение в семантике комплекса свадебного костюма нанайцев. Несомненно всякий посох, и свадебный, и шаманский, является моделью, вещественным заменителем одного из главных космогонических символов тунгусо-маньчжурской мифологии. Роль его в ритуалах многозначна и не ограничивается охранительной.

Вопрос о месте и времени происхождения ритуального копья остается открытым. Учитывая архаичность его символики в свадебной обрядности нанайцев и то, что ульчи и нивхи чаще убивали медведя на арачу стрелой из лука, можно предположить, что в медвежий ритуальный комплекс огдон вошел позже, а первоначально бытовал у нанайцев в качестве свадебного посоха.

Примечания

1. **А. В. Смоляк.** *Традиционное хозяйство и материальная культура народов нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 1984. С. 91.*

2. *А. В. Сильницкий.* *Быт гиляков на низовьях Амура. «Труды Приамурского отдела РГО за 1895 г. 1896. С. 16.*
3. *Е. А. Гаер.* *Древние бытовые обряды нанайцев. Хабаровск, 1991. С. 89.*
4. *Там же.*

Т. А. КУБАНОВА
Санкт-Петербургский государственный университет

ТРАДИЦИЯ ПРАЗДНОВАНИЯ НОВОГО ГОДА У НАНАЙЦЕВ РОДА САМАР (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XXI ВЕКА)

Изучение национальных праздников и механизма их проведения занимает значительное место в исследовании мировоззрения, культуры этносов. Еще более возрастает их роль при изучении народов, не имеющих до недавнего времени письменности. Именно к таким относятся нанайцы, один из самых крупных народов в составе тунгусо-маньчжурской общности, проживающих на территории Дальнего Востока. Автор данной статьи, будучи сотрудником музея изобразительных искусств (г. Комсомольск-на-Амуре), на протяжении более двадцати лет занималась изучением культуры нанайцев, в частности, нанайского рода Самар. Данная публикация является итогом деятельности по сбору полевого материала о праздновании Нового года по лунному календарю у представителей рода Самар и его интерпретации.

Праздник Нового года является самым значительным среди нанайцев. Следует отметить, что тунгусо-маньчжуры отмечают его дважды: по григорианскому и лунному календарям. Нас больше интересует второй, поскольку он более древний для данного этноса. Проникновение первого является следствием позднего влияния культур других народов, и в частности русских, с которыми, начиная с XVIII — начала XIX в. устанавливаются более тесные контакты. Празднование Нового года по григорианскому календарю почти не отличается от традиций проведения его русскими. Обозначенный нами второй — праздник Нового года по лунному календарю — сохранил национальные черты. Он вобрал основные представления человека о взаимоотношении его с миром, реализуя древнюю двухчастную картину. Поскольку традиция проведения этого праздника не описана в научной литературе, обратимся к ее более детальному рассмотрению, привлекая для большей полноты маньчжурские обычаи.

Но вначале — несколько общих положений о маньчжурских праздниках вообще. В середине XIX века Новый год, наряду с двумя другими праздниками: днем рождения императора и зимним поворотом, считались наиболее почитаемыми среди маньчжур. В эти дни подданные у Маньчжуро-Китайского Государя обязаны были являться к нему с самыми дорогими подарками, но, прежде всего, иметь достаточное количество серебра. Поскольку каждому из них, чтобы прийти к императору, нужно было «преодолеть множество дверей», открытие которых стоило не менее 10 лань серебром. И эта цена могла по мере продвижения «к заветной цели» удваиваться, утраиваться, а то иногда и удесятеряться [1]. Описание свидетельствует о той важной роли, которую приписывала традиция данным праздникам. В основе их лежало древнее представление о божественной сути космоса и императорской семьи как проявление небесного бога на земле. Эта данность беспрекословно принималась людьми, несмотря на пороки, наблюдаемые у последних: грубость, жадность, жестокость. Серебро, преподносимое подчиненными, являлось платой за пребывание бога на земле, а увеличение его способствовало увеличению божественной сути императора.

Среди тунгусо-маньчжур в конце XIX — середине XX веков было отмечено два больших праздника, связанных с солнцепоклонением: зимнее и весеннее (летнее) солнцестояния. Традиция второго к настоящему времени почти полностью утрачена и отмечается людьми пожилого возраста в свободной форме. Главное, что является обязательным соблюдением в этот день, это угощение в виде вина и соленой пищи. В мифологическом сознании народа именно вино и соль соотносятся с женским началом, каким по содержанию является и сам день весеннего солнцестояния. Тогда как первый из названных нами праздников — зимнее солнцестояние — отмечает мужскую половину года и совпадает с праздником Нового года по лунному календарю. Именно в этот день купание мужчин в реке способствовало обогащению их сексуальной силой на весь год. Здесь отразились мифологические представления народа о женской сути божественной стихии (воды), которая в соитии с мужчиной обеспечивает его мощной сексуальной энергией. Праздник Нового года (зимнего солнцестояния) еще до недавнего времени сохранял среди носителей культуры определенные правила проведения его. Так, по рассказам информантов, к нему готовились заранее. Прежде всего, необходимо было вырастить кабанчика «черной масти». Допускалась и покупка на базаре (при этом нельзя было торговаться о цене), но в таком случае кабанчика нужно было еще два месяца кормить самим. Смысл принесения в жертву домашнего кабана нам не удалось выяснить. Возможно, он, как и все животные, воспринимается посредником между человеком и богом Тайги. Последний НаДуэнтэни (у нанайцев) дает человеку животных для его существования на земле. Причем, по замечаниям капитана генерального штаба г. Хабаровска, Э. Вейля в 1897–1898 гг. *«по богатству свиньями равнинная часть Южно-Сунгарийского района (Северная Маньчжурия) превосходила не только все губернии европейской России, но и все европейские государства (за исключением Сербии)»* [2]. Это животное, дающее мясо, жир и кожу человеку, было сходно с ним и работой организма, в частности, эндокринной системой, позволяющей «фармакопее» производить инсулин, необходимый для усваивания углеродов в человеческом организме. Все это на каком-то этапе этногенеза тунгусо-маньчжуров вывело это животное в разряд священного, приносимого в жертву:

дикого кабана (свинью) — богу Тайги; домашнего — богу Неба как благодарность за сытую жизнь и благополучие человека.

Накануне празднования Нового года голову, сердце, легкие, печень, селезенку, почки кабана варят в воде и затем во время празднования употребляют в пищу. Причем надо обязательно подчеркнуть, что воду, в которой варят все эти части жертвенного животного, не солят и во время еды соль не употребляют. Это отличительный признак, характеризующий мужской праздник [3]. Объяснение этому можно дать тоже на уровне предположения. По нашим полевым материалам, соль на Амуре всегда пользовалась особым уважением, вероятно, связанным с необходимостью активного использования ее для заготовки мяса и рыбы на долгое хранение. Но отсутствие солеварень на Амуре, во многих районах Сибири и Маньчжурии, далекой от моря, где проживало большинство тунгусо-маньчжуров, заставляли искать иные способы его добычи. Так, В. П. Васильев обратил внимание «на странный» метод получения соли из древесной коры [4], а, по сведениям пожилых нанайцев, раньше соль получали из пепла осины [5]. Осина среди нанайцев считалась женским деревом, в частности, из него делали скульптурные изображения духов, воплощающих женское начало [6]. Этот семантический ряд можно увидеть и в мифологии. Так, в легенде рода Самар, Женщина обустраивает мир для человека с помощью своей мочи. Вот как это описывается: *«Причалила на лодке к берегу помочиться... где мочилась со звуком хол-л-л, всему месту давала название Холлами, где мочилась со звуком бир-р-р, всему месту давала название Вира, где мочилась со звуком кэр-р-р, всему месту давала название Кэчэмэ и т. д.»* [7]. Моча, являясь продуктом выделения человека и животного, состоит в основном из воды и содержащихся в ней солей (конечных продуктов обмена). Вероятно, отсутствие соли во время празднования Нового года указывает на соответствующую основу преподношений во время мужского праздника. Сваренный в несоленой воде рис также являлся мужской пищей в составе жертвоприношений. Для него на новогоднем столике ставили три тарелки силиа, в каждой из которых он раскладывался в виде трех гампа [8].

В состав обязательной входила и пища, приготовленная из теста: пельмени, спагетти, хурмэ (блины, лепешки). Вся эта еда имела символическое значение и предполагала присутствие во время праздника священного дракона: первое означало его уши, второе — усы, третье — чешую [9]. Вероятно, рукотворное повторение атрибутов небесного дракона и последующее их съедание связано с представлением об унаследовании божественной сути его. Как правило, эта традиция отмечена у нанайцев, причисляющих себя к особому жреческому (императорскому) роду [10].

К мужскому напитку, употребляемому во время праздника, относится и водка. Еще в конце XIX — начале XX веков в Маньчжурии вино-водочное производство составляло важную статью дохода государства [11]. Водку тунгусо-маньчжуры прежде всего воспринимают как божественный напиток, который имеет прозрачный (белый) цвет, а в цветовой семантике соотносится с Небесным Богом. У нанайцев существует определенная доза дозволенного питья, алкогольных

напитков, которая называется кочи [12]. Кочи, по воззрениям гаринских нанайцев, является воплощением духа — сэвэном, приносящим благополучие тем, кто уважительно относится к нему. Употребление водки сверх нормы грозило разрушением человека, а затем и мира, в котором он жил [13].

Рассмотренная выше ритуальная пища, ассоциирующиеся с женским началом, а напитки — с мужским, считаются обязательными во время празднования зимнего равноденствия (Нового года по лунному календарю). Все это размещали на ритуальном столике перед женской иконой мё (мио), на которой была изображена богиня Нянгня со свитой. Могущественная Богиня Нянгня Эндурни (Эндури) относится, по представлению нанайцев, к Небу Золотой среды. В ее свите находятся сэвэны Дейла, Дявла, Дейбака, Дяйбака, Севлака, Севся, Исоа, Исо, Гуйхоан, Гуйдя, Тайдя, Сойдя. Культ богини Нян-Нян считается наиболее распространенным культом среди маньчжурской группы тунгусо-маньчжуров. В Маньчжурии существует около 280 храмов, посвященных этой богине. Праздник Нян-Нян — самый популярный и любимый храмовый праздник маньчжурских крестьян. Журнал «Ориенз Экстремуз» повествует об истории его: *«В 113 г. до н. э. император У Ти династии Хань велел построить храм богини земли Хоу Ту на холме Шуи в Фэнь Инь. Китайцы с тех пор представляют себе небо Отцом, а землю Матерью»*. В конце концов эта богиня земля из государственного культа перешла в культ народной религии и стала называться Хоу Ту Нян-Нян — «Богиня земля Нян-Нян». «Нян-Нян» обозначает матерь всей империи. Во времена династии Сун это имя употреблялось для обозначения императором своей матери, что свидетельствует о почитании материнства в образе Нян-Нян. Религиозное значение Нян-Нян заключено в словах: «Женское божество, богиня-покровительница и повелительница», она обеспечивает счастье, богатство и долголетие, благословляет детей, излечивает болезни [14].

Почти аналогичная информация сопровождает данную группу богинь в Китае и Маньчжурии. Нян-Нян в Китае ускоряет роды, дарует детей и предохраняют их от болезней [15], в Маньчжурии духи-защитники детей Ниян ниян эньдури (от китайского слова няннян) сходны с женским божеством Омоси-мама, что значит, «дающая жизнь» [16].

В фондах музея изобразительных искусств г. Комсомольска-на-Амуре находится небольшая коллекция мё, исследованием которой занималась сотрудница Филиала института востоковедения (г. Санкт-Петербург), маньчжуровед Пан Т. А. Несмотря на сложность расшифровки ее, связанной с тем, что «маньчжурский шаманизм часто присутствует в виде плановых вариантов» [17], она пришла к выводу, что во всех них встречается изображение (или иероглифами обозначена) богиня Нян-нян.

По представлениям нанайцев, богиня Нянгня вместе с богиней седьмого Неба Лунге считается покровительницей детей и женской плодовитости. У богини Лунге Эндури (богиня Лунге, Лунге Эндурни) имеется 50 детей, а у ее более могущественной подруги в 2 раза больше [18]. Накануне празднования Нового года по лунному календарю икону вешают на стену мало — главную стену в доме, которая находится напротив входа. Перед ней на низеньком столике ставят

вышеперечисленное угощение, а рядом к каждой тарелке кладут по паре палочек сарби. Пища, по убеждению носителей культуры, одушевлена и может обидеться, если брать ее металлическими ложкой или вилкой. А деревянные палочки сарби, являясь «продолжением пальцев», образуют группу своеобразных посредников [19], с помощью которых устанавливается связь человека с Богом Неба.

Итак, как очевидно из вышеизложенного в выборе еды и напитка для новогоднего угощения богине Нянгня реализуется древнейший космогонический механизм, заключающийся в акте сотворчества. Данная Богом пища, необходимая для жизнедеятельности разумного человека, возвращается в качестве благодарности и пожелания получить вновь, а также быть здоровым и удачливым в новом году. Причем, во время новогодней молитвы нанайцы произносят имена всех богов (в том числе и родовых), после чего кланяются до земли три раза (каждый поклон равен еще трем), адресуя молитвы богам медного, серебряного, золотого неба (и их сферам по три в каждом небе). При поклонах голова должна быть опущенной и касаться груди, руки подняты не выше головы, а основания ладоней и пальцы должны быть сомкнуты. Подобная поза, по воззрениям нанайцев, отражает глубокое уважение людей земли небу.

Даже обращение к богу неба могло быть только через посредника. Так, в новый год нанайцы через богиню восьмого неба передавали свои просьбы богу девятого неба — богу Хосиа (Санси, Эринку, Акпа, Акпа Ама, Боа Ама) и отцу неба Боа Эндури (Всевышнему). Во всех иных случаях свои просьбы они могли передавать только через посредников: тридцати трех богов рангом ниже, находящихся в подчинении Всевышнего бога Эндури, родовых богов, а также через шаманов, посредством ритуальной скульптуры и др.

В древнем поселке Кондон есть гора, на поклонение к которой приезжают нанайцы со всего Амура, а также и маньчжуры. Главным объектом, куда отправляются приезжающие, является гора Кайласу. Она, по воззрениям этноса, являясь материальным воплощением Дракона девятого неба, особо почитаема нанайцами и в начале XXI века. Имя Дракона нанайцы произносят шепотом, называя его Дай Сэвэ (Важный Сэвэн). Современные нанайцы по очертаниям гор выделяют голову, живот и хвост дракона, представляющую гряду сопок вдоль реки Хуинки (Девятки), находящейся напротив поселка. Именно напротив головы, обычно, располагаются те, кто приезжает с поклонениями. Нам удалось записать обряд поклонения горе Кайласу, связанный с Новым годом, проводившийся в начале 2001 года. Перед этим обрядом информантка Самар Е. Д., увидев женщину, идущую с полными ведрами от священной Девятки, была очень обрадована этим как проявлением доброго знака, связанного, вероятно, с женской сутью воды, которая дает силу. Подобное объяснение дает обрядовым действиям эвенкийская шаманка Курбельтинова М. П. Во время проведения обряда алга, заключающегося в «благословении, пожелании благополучия», она периодически опускает руки в чашу с водой, чтобы восполнить потраченную энергию, а затем продолжает шаманские действия [20]. Но вернемся к описываемому нами обряду. Во время поклонения горе Кайласу угощения раскладывалось на три полотенца, символизирующие три небесные сферы, на каждой из которых устанавливались по три пиалы и по паре сарби к каждой, три рюмки с водкой. В каждую пиалу

обязательно кладется рис, сваренный в несоленой воде, а также все, что привозится с собой: соленая рыба, печенье, овощи и так далее. С просьбой обращаются к горе Кайласу и ко всем священным местам, стоя на коленях и произнося пожелания здоровья и успехов в делах и, завершая, кланяются три раза (каждому небу каждой сферы, доставая лбом до земли). Делается это поочередно у каждого полотенца (у каждой небесной сферы) и содержимое рюмок выливается на землю. Затем присутствующие выпивают немного водки и закусывают тем, что приготовлено отдельно от трех подношений. Завершающий этап заключается в жертвоприношении сферам Земли и Воды. Заключается он в том, что необходимо отщипнуть как можно меньше от того, что было приготовлено на каждом полотенце в две салфетки, и содержимое одной из них зарыть глубже в землю, другой — опустить в воду. Оставшееся на полотенце жертвоприношение собирается и съедается дома [21]. Иногда, по информации нанайцев, остаток водки после окропления выпивается, передавая по кругу собравшимися, так же поступают и со съестным [22].

Важно обратить внимание на содержание обращения. Ниже приводятся некоторые из них. Первое было записано со слов Дигор К. И. (п. Кондон): *«Земля наших дедов, дай детям хорошую жизнь, ведь сейчас стали все одной фамилии»* [23]. Следующее обращение шаманки из села Синда:

«На этом месте я живу.
Мама и отец, плача, завещали мне эту землю.
...
Я хожу по всему свету
...
Плача, прошу: Все будьте здоровы!
Хорошо живите! Дети, чтобы жили
И росли хорошо!
Здесь, живя, я людей защищаю.
Я угощаю землю. Я плачу обо всей этой земле.
...
Прошу, чтобы все жили хорошо на этой земле. И прошу, чтобы Бог Земли тоже помог!» [24].

Обращение к местности, реке, небу сопровождаются и молитвой во время проведения уже упомянутого выше обряда алга у эвенков [25].

Молитва защиты и покровительства местности (страны) заключена в одной из икон ме (мио), переведенных с маньчжурского языка Пан Т. А. [26] Полотнище иконы белого цвета датируется 15 числом, 4 месяцем, 1907 годом (15 апреля 1907г.) и имеет следующее содержание: *«Защитить, покровительствовать у воды живущих людей (народ). Смотрю с надеждой, молюсь Ши-ди-лэ на коленях, с поклоном молюсь. В один и тот же день, сделав три земных поклона, подношу молитву великому небесному императору, пяти путям горного духа, богине Земли, священному месту усмирить и успокоить горы, леса, землю»* [27].

Итак, рассмотренная выше традиция встречи Нового года по лунному календарю у нанайского рода Самар позволяет сделать некоторые выводы:

— утвердившееся в к. XIX — начале XX века представление о данном празднике, который отмечает зимнее солнцестояние и мужскую половину года, сохранилось и среди пожилого населения и в начале XXI века.

— В подборе ритуальных еды и питья действует механизм тендерных отношений, являющихся основой мифологических представлений о происхождении мира.

— В основе обрядовых действий тунгусо-маньчжуров середины XX века лежит поклонение Небу через его Посредников, которые благодаря отсутствию эгоизма, способны общаться с высшими сферами. Схематично это можно представить следующим образом: Человек —> Посредник —> Небо.

— Иерархические отношения Земля — Небо к началу XXI века усложняются введением в эту структуру хозяев срединного мира и представляют уже следующую схему: Человек —> Посредник (шаман или человек, частично обладающий шаманскими способностями) —> (Бог Воды) —> Бог Земли —> Бог Неба.

— Следует особо подчеркнуть расширяющуюся роль Земли, которая понимается как земля предков, мировое пространство, священное место, а населяющие ее люди воспринимаются частью мира, единым человечеством («одной фамилии»), о которой заботятся нанайские шаманы. (И помочь людям быть здоровыми телом и душой, наряду с Верховным Божеством, могут и бог воды, и бог земли, и боги определенной местности). Следовательно, в основе молитвы во время празднования Нового года по лунному календарю у нанайцев лежит разрешение не только личных, но и общечеловеческих проблем, а также восхищение осознания божественной сути Вселенной. Вот как проникновенно звучит эта мысль в стихотворных строках знатока культуры нанайского народа Киле Понгсы Константиновича (1918–1990):

Через Млечный путь перелетаю,
У Полярной Звезды разворачиваюсь
И вижу дивную Землю.
Чья это родина? Чья земля уходит за горизонт?
Здесь горы лесистые шумят, а ручьи журчат,
В вершинах огольцов эхом отзываясь.
. . . .>
Перелетев через зарницы, понимаю:
Куда ни посмотри — это моя Родина, это моя земля.
Как мать родная,
Она зовет меня в свои объятья [28].
Посреди мирового пространства
Древо жизни стоит на веку.
Птица Вечности, песня нанайца
Вам на счастье дарует Кэку [29]!

Примечания

1. ***Архимандрит Софроний.*** *Известия о китайском, ныне манджуро-китайском государстве. М., 1861. С. 17.*
2. *Южно-Сунгарийский район. Разведка Генерального Штаба капитана Э. Вейль, в 1897–1898 г. Ч. I. Краткий Военно-Статистический очерк. Хабаровск, 1899. С. 102.*
3. *П. М. А., 1995 г., информация Самар Е. Д. (см. выше).*
4. ***В. П. Васильев.*** *Описание... , с. 48.*
5. *П. М. А., 1985–1990 г., информация Дигор М. Ф., с. Бичи, Тумали М. И. (1910–2000 гг.), с. Кондон, Самар Е. Д. (см. выше).*
6. ***Т. А. Кубанова.*** *Ритуальная скульптура нанайцев (из собрания музея) // Каталог г. Комсомольск н/А. 1992.*
7. ***Т. А. Кубанова.*** *Ритуальная скульптура..., с. 153.*
8. *Такие формы, имеющие вид усеченного конуса, получаются путем плотного набивания риса в стаканчике и последующего переворачивания его вверх дном.*
9. ***Е. Д. Самар.*** *Предания древней земли // ДВК от 7 марта 1995.*
10. *П. М. А., 1999–2001 г. К указанному статусу относят себя современные нанайцы рода Самар, живущие по реке Горюн и его притокам. Эта особенность отмечена была еще в 20-х годах XIX в. участниками Гарино-Амгуньской экспедиции Козьминским И. И. и Картером.*
11. *Южно-Сунгарийский район..., с. 106.*
12. *Мерой ее является маленькая фарфоровая рюмка одноименного названия, в которую входит от 5 до 20 граммов жидкости.*
13. *П. М. А., 2001 г. Экспедиция в п. Кондон (Солнечный район, Хабаровский край).*
14. *Культ Нян-Нян в Маньчжурии // Ориендз Экстремуз, вып. 19. Гамбург, 1972.*
15. *Мифы народов мира. М. 1992. Т. 2. С. 233*
16. *Мифы народов..., т. 2. С. 108.*
17. ***Т. А. Пап.*** *Письменное сообщение от 10 октября 1995 г.*
18. ***Е. Д. Самар.*** *Предания древней земли // ДВК от 7 марта 1995 г.*
19. *П. М. А., 1999 г., экспедиция в п. Кондон (Солнечный район, Хабаровский край).*
20. ***Н. Я. Булатова.*** *Шаманский обряд алга у эвенков // Культурное наследие народов Сибири и Севера. СПб., 2000. С. 242–247.*
21. *П. М. А., 2001 г., экспедиция в п. Кондон, Солнечный район, Хабаровский край. Обряд проводила Самар Е. Д. (см. выше).*
22. *П. М. А., 1998 г., экспедиция в п. Кондон, Солнечный район, Хабаровский край. Обряд проводила Дигор К. И. (см. выше).*
23. *П. М. А., 1998 г., там же.*
24. *П. М. А., 1990 г., экспедиция в п. Синда, Нанайский район, Хабаровский край. Обряд провела шаманка Бельды Т. П.*

*25. **Н. Я. Булатова.** Шаманский обрад..., с. 244–246.*
26. Многочисленная коллекция икон, собранная сотрудниками музея изобразительных искусств г. Комсомольска-на-Амуре у народов Приамурья с трудом поддаются переводу по указанным выше причинам.
27. Музей изобразительных искусств г. Комсомольска-на-Амуре, (ВХ), перевод Пан Т. А., 12 октября 1995г.
*28. **П. К. Киле.** Песня сказочного Мэргэна // Киле П. К. Творческое наследие. Часть 2. Комсомольск-на-Амуре, 2000. 145с.: С. 38 (авторский перевод с нанайского языка на русский).*
*29. **П. К. Киле.** Прощальная песня // Телепередача «Наши корни» от 30 марта 1991 г., ТВ «Комсомольск».*

К. Б. АБРАМОВА
Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА РГИА ДВ В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМ МАЛЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В СЕРЕДИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Отечественные исследователи отмечают, что история малых народов российского Дальнего Востока изучена очень слабо и неравномерно. Ю. А. Сем еще в 60–70-е годы минувшего столетия заметил, что проблемы истории малочисленных народов в дореволюционный период их развития ограничивались лишь изучением материальной культуры [1]. Известны работы многих этнографов, избравших объектом своих исследований отдельные народности.

Вышесказанное можно отнести и к периоду середины XIX — начала XX вв., когда судьбы малых народов тесно переплетаются с судьбами народов России. Население все в большей степени вовлекается в экономические и политические связи страны. Изучение этого периода в истории государства напрямую зависит от выявления и введения в научный оборот ранее не известных исторических источников, от критического осмысления известных источников, их обобщения. Без привлечения объемного массива архивных материалов провести исследование невозможно. Необходимо издание сборников документов по проблемам малых народов, публикация сводов законодательства в отношении инородцев. Одной из важных нам видится проблема изучения деятельности государственного аппарата по управлению районами, заселенными аборигенным населением.

Управление малыми народами регламентировалось особым «Положением об инородцах», разработанным еще в 1822 г. В своей основе оно действовало до октября 1917 г., с некоторыми добавлениями и исправлениями. Несовершенство и даже вред этого законодательного акта были очевидными даже для многочисленных чиновников, вплоть до сборщиков податей. Исходя из даты его принятия, можно утверждать, что «Положение» не соответствовало условиям управления малыми народами на Дальнем Востоке России, бывшими в большинстве своем кочевыми племенами.

Уже в 60-е годы XIX в. возникла необходимость разработки нового «Положения об инородцах», а к концу века в связи с вопросами колонизации дальневосточных территорий проблема потребовала скорейшего разрешения. Переписка по этому вопросу, проекты законов, сохранившиеся в архивах, имеют большое значение для представления об эволюции колониальной политики царизма и тех сдвигов, которые произошли в развитии самих малых народностей. Многочисленные комиссии, созданные для выработки «Положения», собирали всевозможные экономические, статистические, правовые и прочие материалы.

Традиционным способом получения информации о малых народах было снаряжение экспедиций, состоявших из чиновников, врачей, ученых. Кроме того, чиновники на местах в округах представляли сведения в виде отчетов, ведомостей. Наиболее крупным региональным учреждением, хранящим эти ценные документы, является Российский государственный исторический архив Дальнего Востока во Владивостоке. В фондах местных органов власти отложились отчеты более десятка экспедиций по обследованию поселений инородцев, содержащие в себе уникальные этнографические, статистические, социологические сведения [2].

Нужно отметить, что в отчетах об итогах экспедиций чиновники обращали внимание на ряд мер, необходимых для улучшения жизни и положения малых народов. По-видимому, для экспедиций ставились задачи по выявлению проблем малочисленного населения округов. Хотя не исключено, что положение инородцев было настолько удручающим, что заставляло чиновников особо отмечать первоочередные потребности населения.

Во-первых, абсолютно все чиновники указывали на бесспорную необходимость наделения малых народов земельными участками, что необходимо было сделать еще при принятии этих народов в русское подданство. *«На необходимость наделения инородческого населения земельными угодьями указывает сама жизнь»*, — говорится на заседании комиссии для изучения нужд крестьян и инородцев в 1908 г. [3]. *«Проникновение русского населения в глубь Уссурийского края налагает на русскую власть и другую обязанность в отношении инородцев — это наделение их землей»*, — пишет в своем докладе «Экономические нужды инородцев западной части Уссурийского края» Г. П. Михайлов [4]. Известный исследователь Приамурского края В. К. Арсеньев, будучи производителем работ Уссурийской межевой партии, в 1912 г. в докладе приамурскому генерал-губернатору заметил, что многие инородцы *«на несчастье свое стали оседлыми и... без клочка земли, годной для хлебопашества, уже существовать более не*

могут» [5]. И проблемы малых народов не кончатся до тех пор, пока инородцы, по его мнению, не будут приобщены к русскому населению и наделены землей наравне с русскими крестьянами.

И в 1913 г. положение инородцев оставалось прежним. Заведующий крестьянскими делами при канцелярии сахалинского губернатора землемер Озолин составил памятную записку о нуждах крестьянского и инородческого населения сахалинской области, в которой вновь подчеркнул, что *«с переводом инородцев в высшие культурные разряды необходимо урегулировать у них пользование хозяйственными угодьями — рыболовными, лесными, земельными и проч.»* [6].

Кроме земельной, малые народы испытывали еще целый ряд не менее жизненно важных проблем, решение которых было невозможно без помощи государства. В той же записке землемер Озолин перечисляет те виды помощи от государства, в которых нуждались малые народы. Это и ссудная помощь, которая была бы необходима вслед за наделением землей, т. к. у инородцев средств не было никаких. И врачебная помощь, предотвращающая массовые заболевания и смертность. Также нужна была продовольственная поддержка во время вынужденного голода, причинами которого были *«плохие естественные и экономические условия их мест проживания, частые недостатки средств пропитания — неулов рыбы и проч., низкая степень культурности, привычка жить только сегодняшним днем и не заботиться о завтрашнем, эксплуатация их разным темным элементом и т. п.»* [7].

В заключение хотим привести слова из доклада подъесаула Гудзенко о командировке его к побережью Охотского моря: *«жидкое кочевое население должно быть ценимо государством как единственно нетребовательная частица рода человеческого, соглашающаяся жить в болотистых, необъятных, непригодных ни для какой обработки пространствах. В товарищи этом людям Создатель Мира дал подобное им неприхотливое животное — оленя... Тунгусы, как и прочие кочевники оленеводы, должны бать дороги для государственного хозяйства, как никем не заменимые скотоводы, которые (будем надеяться) в будущем при малейшей ветеринарной поддержке со стороны правительства могут представлять из себя государственных скотоводов в небывало широких размерах»* [8].

И еще одни слова Т. П. Михайлова, заставляющие государственную машину повернуться лицом к нуждам малых народов: *«если бы даже было признано, что вымирание инородцев при соприкосновении с высшей культурой — факт фатальный, неужели же тогда можно было бы, предоставив инородцев их судьбе, равнодушно смотреть на их жизненную борьбу и ничем не облегчить их агонию перед переходом в Царство теней. Конечно, нет: ведь и инородцы — люди»* [9].

Примечания

1. ***Ю. А. Сем.*** *Некоторые проблемы истории Дальнего Востока // Рефераты докладов и сообщений. Владивосток, 1973, С. 17.*
2. *РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 430. Ф. 702. Оп. 5. Д. 326, Ф. 702. Оп. 1. Д. 498.*

3. *Там же. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1553. Ч. 2. Л. 117.*
4. *Там же. Ф. 702. Оп. 1. Д. 430. Л. 14.*
5. *Там же. Ф. 702. Оп. 5. Д. 289. Л. 1.*
6. *Там же. Ф. 702. Оп. 5. Д. 326. Л. 9.*
7. *Там же. Л. 10–10 об.*
8. *Там же. Ф. 702. Оп. 1. Д. 498. Л. 20-а.*
9. *Там же. Ф. 702. Оп. 1. Д. 430. Л. 18.*

Г. Г. ЕРМАК
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КАЗАЧЕСТВА

Особенности семейного быта казаков-дальневосточников как региональной историко-культурной группы восточных славян во второй половине XIX — начале XX в. были обусловлены политическими, экономическими, этнокультурными и сословными факторами. Наиболее ярко проявлялось влияние последнего.

Как известно, переселение забайкальских казаков в Приамурье и Приморье во второй половине XIX происходило при непосредственном участии и руководстве правительства, которое пыталось решить две важнейшие задачи: создание надежного пограничного кордона на новых рубежах России и формирование здесь постоянного населения, необходимого для хозяйственного освоения региона. Главная роль в решении этих задач отводилась казачьей семье. Переселение холостяков не поощрялось, а попавшие на Амур казаки, не успевшие обзавестись семьями, были возвращены обратно в Забайкалье. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский, пытаясь увеличить количество семейных засельщиков, перед тем, как отправить на Амур «штрафованных», женил их всех на женщинах легкого поведения, собранных по всей Восточной Сибири [1]. Естественно, что этот эксперимент был обречен на неудачу. На места водворения «сынки» практически все прибыли холостыми, растеряв своих жен во время трудного сплава по Амуру. *«Без жены плохо, но с такой женой еще хуже»* — так вспоминал свою женитьбу штрафованный-уссуриец. Всего на долю уссурийского батальона досталось 876 «сынков», из них только 74 были женатыми. Холостых начальство поселило в семьях казаков как сынов-работников (отсюда их прозвище «сынки»). Но на деле «горе-помощники» нанесли сильный удар по нравственности казачьего населения, вмешавшись в частную жизнь казачьей семьи, надолго подорвав ее моральные устои. «Сынки» характеризовались низкой

нравственностью, дурным поведением, уверенностью в посторонней заботе, отвращением к труду. Таким образом, специфической демографической особенностью казачьей колонизации был ее исключительно семейный характер.

Изучение брачных традиций казаков, прибывших из Забайкалья, показало, что представление о браке и семье как основе нравственности, стабильности и хозяйственного благополучия было господствующим, но в то же время реальные брачные и лично-семейные взаимоотношения, особенно в первые годы жизни на новом месте, характеризуются источниками как «ненормальные». Речь идет о распространении в среде казачества добрачных и внебрачных половых отношений. Интересен момент, что в различных публикациях дореволюционного периода сведения о семейном быте казачества ограничиваются констатацией только данного факта. Очевидцы, описывая картины станичной жизни, отмечали необычайное падение нравов. По мнению Н. М. Пржевальского, нищета стала причиной «крайней деморализации населения». *«Мужья торгуют своими женами, матери — дочерьми и делают это, не задумываясь, часто публично, без всякого зазрения совести»*. Автор упоминал о постыдных сценах, которые разыгрывались на зимних «вечерках» [2]. Достаточно вольные отношения между молодежью в добрачный период отмечались и другими исследователями, наблюдавшими за нравами и обычаями казачьего населения [3].

На наш взгляд, причины распространения в среде казаков-старожилов такого поведения определялись насильственным характером казачьих переселений на Дальний Восток и сильным вмешательством казачьей администрации в частную жизнь своих подопечных. Например, сотенные «отцы-командиры» были молодые и холостые. «По обязанности службы» они вмешивались во все мелочи и станичного, и домашнего распорядка казаков. А от скуки заводили себе любовниц, выбирая любую из числа казачек — «хорошеньких и молоденьких». Если кто-либо из казаков не шел на пирушку или не отпускал свою дочь и «женку», того «за ослушание секли», записывая в «штрафной журнал» [4]. Сами казаки устраивали для бесконечных проезжающих «вечерки», предлагая в качестве развлечения гостям своих жен и дочерей.

Сравнивая имеющиеся у нас данные с материалами по другим губерниям России, необходимо признать, что в случае крайней нужды торговля женщинами имела место и в других районах. Кроме того, указанное явление можно объяснить причинами не только экономического, но и этнокультурного порядка. Как известно, у восточнославянских народов традиции языческого времени допускали добрачные связи молодежи и внебрачные отношения между полами. Отголоски этих традиций прослеживались и в XIX в. Например, в Забайкалье (откуда пришли амурские и уссурийские казаки-старожилы), в 40-е годы XIX в. исследователи зафиксировали бытование достаточно свободных отношений среди горнозаводской крестьянской молодежи, особенно во время предсвадебных вечерок. Поэтому считать такую черту семейного быта особенностью исключительно дальневосточных казаков было бы неверным, но именно она отражала специфику их семейных отношений в 60–70-е гг. XIX в.

Прежде чем перейти к характеристике брачно-семейной сферы казачества в более поздний период, остановимся на одном сюжете, связанном с рассмотренной выше тематикой.

В словаре «русских говоров Приамурья» мы находим устаревшее прозвище забайкальских казаков «хомутина». Авторы-составители не смогли объяснить происхождение этого слова. Как нам представляется, прозвище это как раз и отражает наличие свободных нравов в среде забайкальских казаков, переселившихся на Амур, и как следствие такого социального явления — распространение специфических «любовных» болезней, которые в родном Забайкалье назывались, в том числе и хомутом [5]. В заговорах, собранных М. К. Азадовским в 1914 г. в казачьих станицах на Амуре, есть варианты магических формул для «снятия хомута». В тексте одного из них прослеживаются мотивы, связывающие происхождение болезни с детородной функцией и несущие оттенок осуждения данной болезни, «хомутца назорника и назорницы» [6]. Таким образом, на наш взгляд, долго сохраняющиеся в народной памяти факты об исчезнувшем из реальной жизни явлении подтверждают его определенную специфичность и яркость и объясняют некоторую тенденциозность дореволюционных источников в оценке семейных нравов амурских и уссурийских казаков.

В традиционно-бытовой культуре казаков существовал целый комплекс обрядовых действий, норм, связанных, в частности, с репродуктивным поведением. Так, молодым в первую брачную ночь в постель клали корни растений, чтобы детей в семье много было. «Молодых укладывают спать — в постель корчей накладывают» [7]. Чтобы узнать число будущих детей, дальневосточные казаки, например, использовали такой способ: сумму морщин на лбах мужа и жены делили пополам.

Репродуктивное поведение — рождение детей, их вскармливание и лечение, усилия по поддержанию здоровья взрослых — эти стороны жизнедеятельности казачества Дальнего Востока протекали в неблагоприятных условиях. В первую очередь речь идёт о медицинском обслуживании казачьего населения.

В казачьих войсках Дальнего Востока существовала отдельная от других категорий населения региона система организации медицинской помощи. Этот вопрос хорошо освящен в диссертационном исследовании и ряде статей А. И. Коваленко [8]. Большая территориальная разобщенность станиц создавала трудности в оказании медицинской помощи населению, в силу чего медицинская служба подвергалась неоднократной реорганизации [9].

А. И. Коваленко отмечала, что особенные затруднения система казачьего здравоохранения испытывала с медицинскими кадрами. Из 19 фельдшеров только 4 были выпускниками Иркутской военно-фельдшерской школы, бывшими стипендиатами войска, остальные в прошлом ротные фельдшеры, не имевшие образования [10].

Нас в большей степени интересует организация медицинской помощи женщинам-роженицам. Имевшие специальную подготовку акушерки были редкостью. Их деятельность затрудняли слишком большая величина участков, стеснённость

в правах, недоверие к ним значительной части населения. В этой связи в Положении 1909 г. об устройстве врачебной части в АКВ и УКВ говорилось, что *«в случае невозможности назначить на должности фельдшериц-акушерок лиц, обладающих соответствующим образовательным цензом, на должности эти могут быть допускаемы повивальные бабки, коим в таком случае производится содержание по 360 р. в год каждой»* [11]. Источники свидетельствуют, что средства, положенные для оплаты квартир и труда фельдшериц-акушерок, выделялись плохо, поэтому они не задерживались на должности, уезжали туда, где были более благоприятные условия для работы. Архивные материалы сообщают, что всюду в станицах царил *«грубый, необразованный фельдшеризм в виде помощи передаваемый полуграмотными, ротными фельдшерами, не знавшими даже названия детских, а тем более, женских заболеваний»* [12].

Поэтому неудивительно, что основную часть родов в нормальных ситуациях принимали повитухи из числа самих казачек. Там, где была возможность, к помощи акушерок все-таки обращались, но в самых тяжелых и крайних случаях. *«Если все хорошо, то с бабками рожали, че плохо — то эта кушера ездит»* [13]. Материалы по движению рожениц показывают, что, например, у повивальной бабки (имеется в виду акушерка) Подойниционой из 5-го Екатерино-Никольского врачебного участка приглашений на роды не было ни в марте, ни в мае 1912 г. Объяснить такое явление можно не только недоверием к медицине, но и тем, что по традиционным нормам в это время года наблюдался спад рождаемости [14]. Анализ данных метрических книг подтверждает этот вывод [15].

В период беременности женщине предписывалось принимать специальные меры к сохранению жизни и здоровья будущего ребенка. Считалось, что ей угрожают различные опасности: порча злых людей и скидывание плода, подмена младенца, рождение больных детей и т. п. Местные «бабушки-повитухи» обладали, как правило, немалым опытом, большинство из них успешно справлялось с обязанностями в стандартных ситуациях. Кроме того, положительно воздействовало на роженицу и её окружение, и психологическая атмосфера доверия к повитухе со стороны близких. В приёмах и средствах, применяемых в народном акушерстве казачества, бытовали традиционные для разных групп восточнославянского населения действия, например, такие, как перекладывание через порог или процедуры в бане. Евдокия Григорьевна Завадская из пос. Нестеровка (бывший казачий УКВ) рассказывала, что ее бабушка Евдокия была повитухой. *«Только родит женщина, повитуха ее в рубленную баню, а иногда на завтра вместе с ребеночком, которого тоже попарят дубовым венечком»* [16]. *«Зимой роженицу оденут в борчатку, валенки, шубу и приведут домой, чтобы никто из посторонних ее не увидел. Целый месяц ей не разрешали выходить за ограду»* [17]. Каждое свое действие повитухи, как правило, сопровождали приговариванием магических формул, или заговоров. Один из них зафиксировал в станице Радде Амурского казачьего Войска М. К. Азадовский. Перевязывая пуповину, бабушка шептала: *«Ем я репку, ем я редьку, ем родиму грыжу. Ешь горазн, штобы в ввек по веки не были ие у раба Божия младен-*

ца (без имя он ишшо)» [18]. Родившегося ребенка старались окрестить в течение месяца. В поселке Нестеровском «приписные» из «сторожилов» доверяли совершить это важное для семьи действие кумовьям, т. е. родители в этом не участвовали [19]. А у переселенцев донцов станицы Полтавской отец сам вез крестить сына верхом на коне, что символизировало вступление мальчика в воинское казачье братство [20].

Женщина после родов быстро включалась в домашние и хозяйственные заботы, а младенец большую часть времени проводил в «зыбке». Грудью детей кормили до года. С первого месяца малышам давали прикорм «тюрю» (размоченный хлеб). Иногда не отнимали от груди до 1,5 и 2-х лет, считая это предохранительным средством от следующей беременности [21].

С трех лет казачат учили ездить верхом, носить шашку. Г. М. Сысоева рассказывала, что ее дядя носил шашку с самого детства, шашка была учебная, он должен был все дела по дому выполнять с этой шашкой [22]. Мальчиков старались обучить грамоте, а девочка в казачьей семье так же, как и в крестьянской, была чужеродкой [23].

В доме традиционно для патриархальной семьи руководил всем хозяин. Если казак женился перед выходом на службу, то ему приходилось оставлять жену в совершенно чужой для нее семье. Местные священники в своих отчетах сообщали о тяжелой доле таких жен: *«По отправке мужей на службу, они сначала подвергаются нахальному ухаживанию со стороны свекра или деверей с прелюбодейною целью и когда попытки их не удаются, они начинают так или иначе притеснять этих женщин и доходит дело и до побоев. Терпят, терпят они и наконец бросают дом и хозяйство и ищут себе где-нибудь приюта по поселкам»* [24]. По данным полевых исследований, дом в казачьей семье был разделен на две половины — мужскую и женскую. Женской половиной руководила хозяйка, туда мужчины почти не допускались. Данная традиция была характерна для старинных казачьих войск. На Уссури ее принесли казаки с Дона. На женской половине находились и дети. Мальчики после 7 лет переходили на мужскую половину [25]. С этого же возраста дети включались в хозяйственные заботы семьи. Мальчики вместе с мужчинами занимались уходом за лошадьми, так как в каждом казачьем хозяйстве лошади были строевые и рабочие. Девочки помогали матери по хозяйству. «Дом — это женское, а двор — мужское» [26]. Обязанностью казачат была заготовка дров, ношение воды. С раннего детства дети участвовали в полевых работах: боронили с 5–6 лет, помогали на покосе.

Положение женщины в казачьей семьи обусловливалось традициями патриархального уклада. Но в силу специфики жизнедеятельности военно-служилого сословия ее статус в семье и обществе имел свои особенности. Из-за долгих отлучек мужа по служебным делам женщина-казачка вынуждена была, нарушая все традиционные нормы, выполнять и мужские обязанности. Данное обстоятельство определяло и большую самостоятельность женщины-казачки в сравнении с крестьянкой. Например, архивные материалы свидетельствуют, что авторами различных ходатайств и просьб от лица казачьего

общества выступали женщины. Так было в случае недовольства донскими переселенцами местом жительства в новом крае. Часто бывало и так, что пожилая вдова продолжала руководить хозяйством в большой неразделенной семье, состоящей из взрослых женатых сыновей с детьми. Так, например, жили казаки станицы Николаевской АКВ братья Плехановы. Их хозяйством и всеми делами управляла мать, ее слово было повелением [27]. Но даже если хозяин был не на службе, семейная касса обычно хранилась у женщины, но распоряжалась она деньгами с согласия семьи.

Характерной особенностью жизни казачьей семьи было вмешательство в ее внутренний мир казачьего начальства. Вспоминая о первых трудных годах жизни на новой родине, казачки говорили о том, что даже кастрюли проверял верховой, изучая казачий рацион. Например, новый вид повинностей был вменен женщинам-казачкам — делание кирпичей. Как описывал писатель-этнограф С. В. Максимов, в станице Головиной каждая баба, начиная с девок, и оканчивая старухами, обязана была сделать в месяц по тысячи кирпичей для вновь строящегося сотенного дома. *«Не знаем, — говорили бабы, ребят ли кормить, огороды полоть, скотину обряжать, за малолетками смотреть, около дома возиться, али казенные кирпичи делать?»*

Казачья община каждого отдельного поселения была своеобразной макромоделью семьи. Во главе всего стоял атаман, его слово было последним и решающим. И если на семейном уровне патриархальные отношения с безграничной властью «большака» в начале XX в. были сильно разрушены, то на уровне казачьей общины они намеренно культивировались войсковым начальством. Подралась молодежь в станице — разбирался атаман; загуляла жена у казака — атаман расправлялся с мужем-казаком. «Рапустившего» семью казака по приказу атамана наказывали вожжами или черезсидельником [28]. Естественно, что семейно-брачные взгляды находились в поле зрения всего общества и зависели от общественного мнения. Войсковое начальство старалось оберегать патриархальные традиции в семьях казаков. Дети, не проявлявшие должного уважения к своим родителям, могли быть наказаны по распоряжению казачьего командира, вплоть до отбывания тюремного заключения. Непокорного сына можно было по просьбе отца отправить на действительную службу, освободив от нее более послушного, уважительного.

Таким образом, семейный быт дальневосточного казачества сильно зависел от сословных обязанностей ее членов, и женщина-казачка была включена в систему военно-сословных отношений казачьей общины. Обрядность, связанная с репродуктивным поведением, состояла из двух комплексов. В первом ведущими являлись обряды, условно названные женскими, которые главным образом были связаны с естественным воспроизводством (рождением). Во втором комплексе превалировали обряды социализирующего характера, направленные на этнокультурное воспроизводство. Здесь наблюдалось гендерное равновесие участников, но по сути выделялись два подкомплекса на основании четко разграниченного воспитания детей по половому признаку.

Примечания

1. ***Н. Н. Смирнов.*** *Слово о забайкальских казаках: Ист. очерк-хроника. Волгоград, 1994. С. 47–48.*
2. ***Н. М. Пржевальский.*** *Путешествие в Уссурийский край. 1867–1869 гг. СПб, 1870. С. 58–59.*
3. ***А. А. Алябьев.*** *Далекая Россия. Уссурийский край. СПб., 1979. С. 104, 105.*
4. ***Г. Т. Муров.*** *По русскому Дальнему Востоку: Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. М., 1909. Т. 2. С. 400.*
5. *Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983. С. 317.*
6. *Материал для словаря Русских говоров Приамурья собирался исследователями в 60–70 гг. XX в, т. е. прошло более 100 лет со времени появления забайкальских казаков на Амуре.*
7. *Словарь ...с. 126.*
8. *Из истории развития народного здравоохранения в Амурском казачьем войске // Амурский краевед. Благовещенск. № 2 (4), 1992. С. 15–21.; Коваленко А. И. Культура дальневосточного казачества: история формирования и проблемы возрождения. Дис... канд. ист. наук. Владивосток, 1995. С. 119–126.*
9. ***А. И. Коваленко.*** *Культура дальневосточного казачества: история формирования и проблемы возрождения. Автореф. дис... канд. ист. наук. Владивосток, 1995. С. 16.*
10. ***А. И. Коваленко.*** *Культура... С. 122.*
11. *Положение... С. 24.*
12. *РГВИА. Ф. 1582. Оп. 7. Д. 16. Л. 50.*
13. *Словарь ...С. 15.*
14. *РГВИА. Ф. 1573. Оп. 6. Д. 17. Л. 22, 41*
15. *ГАХК. Ф. И-85. Оп. 44. Д. 89. Л. 1–154.*
16. *РФА. 1994. Информация от Завадской Е. Г., 1818 г. рожд., пос. Нестеровка. Пограничного района.*
17. *Там же.*
18. *Заговоры амурских казаков // Живая старина, 1914. Приложение 1. С. 12.*
19. *РФА. Информация от Завадской Е. Г.*
20. *РФА. 1994. Информация от Иванова Д. И., 1923 г. рожд.*
21. *Санитарный отчет 1-го врачебного участка. Благовещенск, 1914 г.*
22. *РФА. 1999. Информация от Сысоевой Г. М., 1941 г. рожд., Владивосток*
23. *Там же.*
24. *РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1132. Л. 42.*
25. *РФА. 1994. Информация от Иванова Д. И., старейшины УКВ. Владивосток.*
26. *РФА. 1999. Информация от Сысоевой Г. М.*
27. *Старая мельница. 1999. 9 июля. С. 4.*
28. *РФА. 1994. Информация от Иванова Д. И..*

Л. В. КОВАЛЕВА
Музей изобразительных искусств, г. Комсомольск-на-Амуре

ОБЛИК СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ ПОСЕЛКОВ БЕРЕЗОВЫЙ, ТАВЛИНКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ)

В п. Березовый компактно проживает довольно большая община старообрядцев-беспоповцев, которая несмотря на тесное соседство с другими жителями поселка, старается обособиться и сохранить самобытность. Среди них живут представители известных староверческих фамилий.

Члены староверческой общины стараются свести свое общение с окружающими людьми и светской властью до минимума (официально брак оформляется гораздо позднее венчания, как правило, перед рождением первого ребенка; дети староверов не посещают детские сады, в школах — не принимают пищу вместе с одноклассниками и т. п.). Однако активно поддерживают связь со своими единоверцами как в России, так и за рубежом (районы Хабаровского края, Еврейская автономная область, Томская область, Красноярский край, Канада, США, Боливия, Бразилия). С ними заключают браки, обмениваются визитами, у них выписывают книги, журналы, предметы культа.

Подчеркивает обособленность и весь внешний облик старовера. Мужчины непременно носят бороду и усы, замужние женщины — многослойный головной убор — шашмуру и платье особого покроя. Непременная часть костюма — пояс, тканый или плетеный. В праздничные дни мужчины носят шелковые рубашки навыпуск с центральной передней застежкой и вышивкой по воротнику-стойке, застежке.

Детская одежда в праздники — уменьшенная копия взрослой, а в будни — ничем не отличается от одежды детей не староверов.

Сохранила староверческая община п. Березовый и свою самобытную семейно-брачную обрядность. Так, последовательность свадебного обряда описала Мария Бортникова (жительница п. Березовый).

Основные этапы свадебного действа таковы: сватовство, пропой, девишник, выкуп невесты, венчание, гулянье.

Сватовство или «три поклона» обычно приходится на воскресенье. Обычно молодые договариваются между собой и сообщают родителям, которые заранее готовятся к этому событию. Процесс сватовства у славян всем известен и у староверов ничем не отличается. Девушка, к которой сватались, соглашалась выйти замуж либо нет без принуждения, никто ее не неволил. По словам информантки Т. Басаргиной (п. Тавлинка) «три поклона — пол брака», если после сватовства и данного согласия на брак, девушка вдруг отменяла свадьбу, то считалось, не будет ей счастья на всю жизнь. После сватовства родители жениха и невесты становятся сватами, а просватанная девушка и ее жених не посещают шумных компаний. После сватовства, как правило, во вторник после обеда на пропой собираются родственники с обеих сторон. На пропое угощает невестина родня, на свадьбе — родня жениха. Затем, в зависимости от благосостояния семьи невесты, устраивались девишники, которые могли продолжаться в течение всей предсвадебной недели. На девишник собираются парни и девушки вместе, угощаются (семечки, конфеты, орехи), поют песни, играют в игры с поцелуйной концовкой, например такую: поют припевку

(И. О. парня) поздравляем Вас честной песенкой,
Нас золотой гривенкой.
Вам (И. О. девушки) целовать, нас не забывать,
На тарелочку денежки бросать.

Далее парень целует девушку и бросает деньги, на которые чаще всего покупается подарок молодым. Если парень жадничает, не хочет платить деньги, то ему поют такую припевку:

Нам сказали добрый молодец не слышит,
Посадите добра молодца повыше.

Этого «молодца» другие парни подбрасывают вверх и «вытряхивают» деньги. Жених с невестой в этих играх не участвуют, для них в самом начале девишника исполняется специальная песня (девишная), после которой жених целует невесту и также дает деньги. Вообще на девишнике поют как «девишные» песни, так и современные. На девишнике, впрочем, как и на свадьбе, не танцуют. В этот же день происходит еще одно обрядовое действие. На невесту ее подруги надевают головной убор — «кросату», который она будет носить до венчания. «Кросата» шьется в виде шапочки из разноцветных пышно собранных лент, ярких кусочков ткани. Снизу сзади к этому головному убору прикрепляются несколько длинных лент либо ниток бус (это современный вариант).

Собственно свадебные мероприятия начинаются в субботу, во второй половине дня. (Надо отметить, что традиционный день свадьбы у старообрядцев — воскресенье. Не назначают свадьбу на вторник и четверг, так как считается, что нельзя молодых укладывать спать в ночь на среду и пятницу. Если после воскресенья религиозный праздник, то свадьбу назначают на понедельник. В сплошную неделю перед Великим постом свадьба может быть назначена на любой день). В этот день молодежь собирается и идет в дом жениха покупать «веник», чтобы помыть невесту в бане. Также у жениха выкупают мыло, расческу, духи и прочее. Затем девушки идут к невесте, моют ее в бане, спрашивают у нее, как зовут всех ее будущих родственников и расходятся.

Ранним утром в воскресенье (около четырех утра) жених в сопровождении свидетеля и свидетельницы (обязательно уже женатых и замужних) приходит «покупать» невесту. Парни закрывают ворота и требуют выкуп, как правило,

ведро браги (поскольку другие спиртные напитки староверы не употребляют). Невеста закрыта платком, свидетель с «цыганкой» торгуются о выкупе за невесту. В это же время брат невесты продает ее косу (если косу не выкупят, то брат угрожает ее остричь), продают также «кросату». Далее девушки просят попить (брагу), покушать (конфеты, семечки, орехи). После, жених забирает невесту, у нее еще свидетельница, тоже замужняя женщина. Все отправляются в молебный дом (венчать, брачить). В молебном доме уже собрались пожилые члены общины, читают молитвы. Перед тем, как объявить молодых мужем и женой, у них спрашивают о согласии вступить в брак, чтобы потом они не могли говорить о принуждении. Ведь развод у староверов возможен только в том случае, если кто-то из супругов не может выполнять свои супружеские обязанности (в сексуальном плане). После венчания молодой жене заплетают две косы и надевают «чин» — головной убор замужней женщины (шашмуру). Никому, кроме мужа, женщина после свадьбы не может показаться без головного убора. Затем молодые становятся перед иконами и их поздравляют родители. Потом все, кто присутствовал на молитве, обедают, молодые идут в дом жениха, где их встречают родители хлебом-солью. После обеда в молебном доме родственники продают невестины вещи. Жених их выкупает, свидетель торгуется, а после молодые со свидетелями идут приглашать гостей. Заранее приглашают только дальних родственников. Интересный обычай сохранился в свадебном обряде. Жених, невеста и свидетели связывают несколько платочков между собой и каждый держит их в руках, образуя непрерывную цепочку. Этот своеобразный «пояс» предохраняет молодую семью от вторжения из вне. В день свадьбы никто не должен пройти между молодыми мужем и женой. Также в день свадьбы молодожены не должны ничего принимать в свои руки (подарки, пищу и т. п.), все, что предназначено молодым, берут свидетели, таким образом, отводятся возможные отрицательные эмоции и негативные пожелания. Вечером молодых кормят ужином и ведут спать, а свадьба продолжается. На второй день, в понедельник, молодые идут приглашать гостей, в этот день молодожены ходят уже без свидетелей, связанные только между собой. С этого дня молодая жена вошла в новый дом и считается членом семьи. Она должна одарить родственников своего мужа (родителей, братьев и сестер). Как правило, молодая дарит рубашку, пояс, платок. Свидетели тоже получают подарки. На этом их миссия закончена, и они ищут себе замену, продавая ради смеха подарки молодоженов новым свидетелям и далее все развлекаются, шутят, поют песни, как на любой свадьбе. Что касается одежды молодоженов, то она тоже интересна. Девушка выходит замуж в сарафане и рубашке, парень — в рубашке навыпуск и брюках. Наряды жениха и невесты обычно шьют одного цвета (или похожих по тону). Обязательный атрибут костюма — пояс. Его надевают при крещении и не снимают всю жизнь (конечно, меняя, исходя из гигиенических и эстетических соображений).

Крестильный же обряд тоже имеет свои особенности. Крестят сразу по выписке из роддома в молебном доме или дома у родителей в купели с речной водой. Имя выбирают по святцам, девочке можно выбрать имя в пределах восьми дней от даты

ее рождения как в одну — так и в другую сторону. Общиной выбрано несколько человек, которые имеют право проводить крестильный обряд. Крестными выбираются родственники, чтобы не возникло сложностей при вступлении в брак (запрещены родственные браки не только по крови, но и «по кресту»). Крестильная рубашка белая, одинаковая для мальчиков и девочек. Три дня после крещения эта рубашка не снимается и ребенок не купается (так заведено). Во время крестин родители не присутствуют, так как если кто-то из них подойдет к ребенку во время крещения, то родители будут разведены. После крещения ребенку одновременно с крестиком надевают поясок, который не снимается в течение всей жизни.

Свои особенности и у похоронного обряда. Траур староверы не носят. Омывают покойника не родственники, а специально выбранные люди, соблюдая половую принадлежность (мужчин — мужчины, женщин — женщины). Одевают во все белое (длинная рубаха, сшитые носки, на руках белая лестовка, у женщин — шашмура без ободка). Лицо закрывают сразу, и когда читают молитвы, и когда прощаются. Покойника кладут в четырех-угольный гроб на стружку, которая осталась при его изготовлении, закрывают полностью простыней. Хоронят на третий день, утром. Гроб несут в зависимости от пола и возраста покойного (мужчин — мужчины, мальчиков — мальчики и т. п.). На поминках не пьют, родственники не пьют сорок дней, а вещи покойного стараются раздать как милостыню. На поминки не пекут блины, а готовят кутью, густой кисель, квас, пироги, лапшу, шанежки, мед. Молебен служат на девятый, сороковой день и на один год.

Такова семейно-брачная обрядность староверов-беспоповцев поселков Березовый, Тавлинка Солнечного района Хабаровского края. Надо отметить (об этом говорят и сами староверы), что сейчас смягчаются требования, нет такой «строгости в вере», и тем не менее, старообрядцы не очень охотно идут на контакт, стараясь сохранить свою самобытность и обособленность (особенно это касается полностью староверческих поселков Тавлинка и Гусевка). Они сохраняют свои религиозные устои (строго соблюдают пост и не работают в праздники), традиции в быту и костюме, имеют большие и дружные семьи, лояльны по отношению к властям и вызывают большой интерес у этнографов.

О. В. ЛАДИСОВА
Амурский государственный университет, г. Благовещенск

ИЗ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ «ЗВУЧАЩЕЙ ХРЕСТОМАТИИ АЛБАЗИНСКОГО ГОВОРА»

Русская народная речь издавна привлекала внимание лингвистов, диалектологов, писателей, поэтов, деятелей культуры. Изучение говоров русского населения Дальнего Востока началось в 20-е годы и продолжается до настоящего

времени. В 70–80 годы исследование амурской лексики велось томскими, хабаровскими, благовещенскими лингвистами. (О. И. Блинова, Ф. П. Иванова, В. В. Палагина, Л. Ф. Путятина, Л. В. Кирпикова, Н. П. Шенкевец, О. Ю. Галуза и др.). Заселение Дальнего Востока шло неравномерно, поэтому здесь обнаруживаются архаичные говоры и говоры, изменившиеся под влиянием других говоров или языков. В 1983 году в результате сотрудничества кафедр русского языка и 2-х пединститутов, Благовещенского и Хабаровского, издан «Словарь русских говоров Приамурья». В словаре дана краткая характеристика фонетических, морфологических и синтаксических особенностей говоров наиболее старых амурских поселений, обнаруживающих относительное единство. Среди них село Албазино Сковородинского района Амурской области. В настоящее время в Благовещенском педагогическом университете создан научно-методический центр лингвистики и коммуникации, одним из направлений работы которого является дальнейшее изучение говоров Приамурья (Ведется работа по составлению «Словаря» и «Звучащей хрестоматии албазинского говора», переизданию «Словаря русских говоров Приамурья». В июле 2001 года организована диалектологическая экспедиция в старейшее амурское село Албазино).

На сегодняшний день существует «Хрестоматия по русской диалектологии» С. А. Еремина и И. А. Фалева, в которой наиболее полно представлены русские народные говоры (1928 г.). «Хрестоматия по русской диалектологии» Г. Г. Мельниченко (1984 г.) включает тексты, отражающие характерные особенности современных русских говоров, в частности, русские говоры Сибири (Алтайский край, Амурская область, Горно-алтайская автономная область, Иркутская область). «Звучащая хрестоматия Русские народные говоры» (1991 г.) посвящена северно-русским говорам. В «Звучащей хрестоматии Русские народные говоры. Южнорусское наречие» (1999 г.) представлены транскрибированные тексты устной народной речи, подобранные в соответствии с диалектным членением южнорусского наречия. Большинство текстов сопровождается подробными лингвистическими комментариями. Специфическая диалектная лексика, отмеченная в текстах, представлена в кратком словаре. К изданию приложена аудиокассета.

Звучащая хрестоматия дает в руки студентов, исследователей обширный и разнообразный фактический материал для наблюдений над разнообразными фактами, явлениями живой народной речи.

В готовящейся к изданию «Звучащей хрестоматии албазинского говора» будут собраны тексты, представляющие современное состояние говора села Албазино Сковородинского района Амурской области, записанные во время диалектологической экспедиции в июле 2001 года, краткий словарь встречающихся в них диалектных слов. К изданию также будут прилагаться аудио- и видеокассеты с живыми голосами старожилов села, что даст представление слушателю о фонетической, грамматической и лексической стороне диалектной речи, ее просодическом оформлении. Время звучания каждого текста 1,5–7 минут. Это преимущественно спонтанные монологи типичных носителей албазинского говора на бытовые темы, а также диалоги информантов с диалектологами, ведущими запись.

При оформлении текстов используется упрощенная транскрипция, принятая в учебниках и пособиях по русской диалектологии и для «Диалектологического атласа русского языка».

Следуя нормам используемой в диалектных записях транскрипции, в текстах хрестоматии принято:

а) долготу согласных обозначать горизонтальной чертой над буквой;
б) краткость гласных передавать с помощью небольшой дужки над буквой;
в) редуцированные гласные передавать с помощью [ъ], [ь];
г) передавать звук [j] в текстах с помощью знака j, й;
д) для облегчения восприятия самостоятельного слова и понимания его смысла предлоги и некоторые частицы принято писать раздельно, но объединять со словом дужкой, которая подчеркивает единство произношения этих слов;
ж) собственные имена для улучшения их восприятия принято писать с прописной буквы.
з) знак /.../ соответствует пропуску отрывка звучащего текста;
е) в упрощенной транскрипции используются все знаки пунктуации.

В квадратных скобках будут помещены пояснения самого информанта, специальным шрифтом *(курсивом)* выделены в текстах вопросы, задаваемые информанту при ведении беседы, после каждого текста указаны дата записи, фамилия информанта, его возраст, сведения об образовании и другие данные, помогающие при анализе. Информантами являются пожилые люди, типичные представители носителей говора данной местности, сохранившие в своей речи особенности албазинского говора.

Албазинский говор представляет для исследователей значительный интерес как по своим языковым особенностям, так и по своей истории. Он образовался в середине XIX века на северно-русской основе. Первыми поселенцами на Амуре были забайкальские казаки. Они должны были нести пограничную службу по Амуру, обеспечивать почтовую связь лошадьми, доставлять государственные грузы. Их станицы растянулись по левобережью Амура. Одна из них Албазино, основное старожильческое население которой составляли казаки. Позже, с 70–80 гг. XIX века, велось плановое переселение крестьян из центральных губерний страны, с Украины и Белоруссии. В результате в Албазино образовались говоры с различной диалектной основой (северной — казачьи говоры, и говоры поздних крестьянских поселений — курские, воронежские, горьковские, орловские) — своеобразный сплав забайкальских говоров, говор, сложившийся на северно-русской основе (говор переходного типа).

Село, основанное 352 года назад, сохранило неповторимый колорит: старинные деревянные дома, украшенные резными наличниками, дворовые постройки, поражающая первозданной красотой природа, удивительно гостеприимные люди и яркая самобытная речь. *«Земля у нас богата, но надо ручки приложить»* — сетуют албазинцы. С горечью говорят они о современной жизни, о том, что

многие на селе стали *«безработниками»*, потому что совхозное хозяйство *«решили»* (разрушили). Одной из достопримечательностей села является краеведческий музей под открытым небом, один из лучших на Дальнем Востоке.

В собранных «человеческих документах», устных рассказах, история нашей страны, рассказанная простыми малограмотными людьми, свидетелями прошлых лет и событий. Раскулачивание. Война. Коллективизация. Работа в колхозе, совхозе. Тяжелые условия жизни.

Из текстов можно узнать об истории заселения Албазино, получить представление о работе на сенокосе, в поле, о рыбалке и охоте, традициях, обрядах, праздниках жителей села, познакомиться с особенностями приготовления пищи, с названиями сельскохозяйственных орудий труда, домашней утвари, старинной одежды и обуви, сегодняшней жизнью и бытом албазинцев.

Так, во времена казачества в Албазино существовала *верховая* (вверх по течению реки Амур) и *низовая* (вниз по течению реки) *почта*. Избу албазинцы освещали не лучинами, а сосновыми шишками — *смольем*. Обувь шили из разной кожи. *Ичиги* — сапоги без каблуков, не пропускающие воду, шили из скотской кожи — *сыромяти* (невыделанной кожи). Такая обувь была легкой и удобной с длинными и короткими *голяшками*. Вокруг ноги ее обвязывали веревочками. В *ичигах* ходили на рыбалку, носили зимой. *Сыромятью* подшивали валенки. Из *кожи-половинки* шили унты, рукавицы. Из свиной кожи делали *моршни*. *«Вырезали из кожи уголок, делали подрубку, продергивали сыромятный ремень. Потом кожу затянут, сморщут ее. Они кругленькие, на ногах-то легкие. У них работали. На покос носили»*, (А. К. Зайцева — коренная жительница села). Носки вязали из конского волоса. Назывались они *крипотки*. *«Крипотки, носки из конского волосу, все хотела сделать, так, наверно, не сумею, руки не те стали, огрубели»*, (А. Н. Дорохина). Чай албазинцы редко пили из самовара, чаще *сливан, затуран* или *шульту*. *Сливаном* назывался крепкий чай, заправленный сливочным маслом, сырыми яйцами, молоком или сливками. Его готовили в специальной, широкой глиняной посуде, похожей на горшок, *байдаре*. Кипятили воду в чугуне, сливали в *байдару*, добавляли заварку, два взбитых яйца, немного масла и сливок. Иногда забеливали кипяченым молоком с пенкой. Чай подсаливался, настаивался в русской печи. Чтобы чай был горячим, бросали в воду небольшие раскаленные камни, тогда его в народе называли *чай-жеребчик*. *Затуран* заправляли молоком, сливками и поджаренной мукой. Варили его также в *байдарах*. *Шульта* — это коринки со старой березы с потемневшим соком, которую собирали, высушивали и использовали в качестве заварного чая. Но не *чага*. *Чага* — лекарственный нарост на березе. *«Шульту завариваю. Ой, ее маленечки положишь, чай черный, черный и сластит, как с сахаром»* (А. К. Зайцева). Сейчас такой чай готовят редко. Все больше пьют просто крепкий чай, беленный молоком или сливками.

Любимым лакомством казацких детей было *сусло* — густая, сладкая, коричневая жидкость, заменявшая сахар и конфеты. Его готовили в большом глиняном сосуде грушевидной формы с маленьким отверстием внизу сосуда — *корчаге*. Для

изготовления использовали зерно *ярицы* (сорт ржи, которую сеяли весной). Зерно *ярицы* проращивают, сушат, мелют (на крупный помол), перемешивают с мелко нарубленной яричной соломой, заваривают кипятком, раскладывают на листы для выпечки хлеба и ставят в русскую печь. Там эта масса поджаривается (Она называется *солодом*). Назавтра *солод* клали в *корчагу*, а чтобы меньше испарялось жидкости при образовании *сусла*, *корчагу* закрывали и ставили в истопленную русскую печь на сутки. Вынимали из печи, открывали внизу маленькое отверстие и оттуда медленно текла густая, коричневая, сладкая жидкость — *сусло*. Когда *сусло* все вытекало, снова, закрыв отверстие, в оставшуюся массу наливали воды и парили в печи. После второй парки из отверстия лился более жидкий коричневый настой. Его остуживали, заквашивали. Это уже был *квас*. *Суслом* назывался также и хмельной напиток, который делался из пророщенной ржи.

«Раньше-то жись лучше намного была, — вспоминает Виктор Николаевич Суриков. — Кончаем учиться, сразу в колхоз. Все лето в колхозе, копны возим, гусевим (боронят землю), верхом ездишь, сзади коня бороны таскаешь. Пасека была, гречухи насадят, пчелы мед собирают. На трудодни мед дают. Леса здесь богатые. И грибы и ягоды. Охотником и рыболовом был, от заготконторы работали. Летом на рыбалке, а зиму на мясе. Зверей били, осетров ловили здоровых, одна голова 46 килограммов вешала».

«Здесь был колхоз „Чекист", видный по всему Приамурью, — рассказывает Вера Антоновна Кошкарова. — Стояла мельница двухэтажная. Сами пекли хлеб. Молоть все везли в Албазино и Орловка, и Бетоново, и Игнашево и Перемыкино. Мельница молола разные виды муки и на сеянку (белую муку без отрубей) и на темную. Был МТС. Трактора были только колесники, таких не было. В войну я сама работала на прицепе, трактористом на колеснике. Так и жили мы, поднимали колхоз всем гуртом».

Несмотря на разрушенное хозяйство, Албазино поражает чистотой, ухоженностью улиц, дворов, огородов. В селе не найдешь выброшенного на улицу мусора, заросших травой, неухоженных огородов, как попало сложенных дров. Вероятно, потому, что чувство красоты прививалось здесь наряду с необходимостью трудиться. С детства учили видеть и понимать красоту природы, уважать старших, ценить труд других людей. *«Если слаживаешь поленницу, поленья должны лежать ровно, если косишь сено, прокосы должны быть чистыми, на них не должно быть торчащих травинок. Скошенная трава должна лежать ровными рядами. Если жнешь серпом, колосья нужно срезать на одном уровне. А когда окончишь работу, обязательно оглянись, посмотри на результаты своего труда»*, — учили старые люди. Большую роль в воспитании детей играла совместная жизнь с родителями. Сыновья, женившись, отделялись только тогда своей семьей, когда дом свой построят, внуки чаще были с дедушками и бабушками, которые приучали их к нелегкой казачьей жизни, передавая свой опыт и навыки. Недаром здесь говорят: *«Тот род силен, где старость в почете»*.

Сегодня можно с уверенностью сказать: *«Не умирает народная речь, жив старинный казачий говор. С возрастом люди не только не утрачивают,*

а наоборот — возвращаются к говору своих родителей». Поэтому задача исследователей — сохранить первозданное звучание албазинской народной речи.

С. А. ДВОРЯНИНОВ
Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, г. Магадан

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ «ГИЖИГА»

Гижига — название одной из наиболее крупных рек, впадающих в северо-восточную часть Охотского моря. С этой рекой связаны многие события истории коренных народов севера Дальнего Востока, а также этапы освоения и изучения этой территории русскими землепроходцами и мореплавателями. Гидроним Гижига является оригинальным, а, возможно, и единичным для Северо-Востока России. По крайней мере, авторы фундаментального топонимического словаря Северо-Востока России аналогий этому географическому названию не приводят [Леонтьев, Новикова, 1988, с. 120]. Проблема раскрытия смыслового значения гидронима Гижига была выдвинута еще в 1777 году в трудах известного исследователя дальневосточной Сибири капитана Т. И. Шмалева, частично опубликованных М. О. Косвеном [Косвен, 1962, с. 285–288]. В перечне корякских родов Т. И. Шмалев отмечал, что *«прежде Нжига река называлась от россиан Чендон... а с чего россиане назвали Нжигою рекою неизвестно, толко разве оне произошло от ламуток»* [там же, с. 287], то есть от эвенов. Известно, что В. К. Арсеньев с большим вниманием относился к вопросам происхождения географических названий. Но какие-либо сведения о том, что ему удалось во время поездки на северо-восточное побережье Охотского моря в 1922 году узнать что-либо новое о смысле топонима Гижиги, автору данной статьи неизвестны.

По мнению исследователей топонимии севера Дальнего Востока название Гижига, возможно, происходит «от корякско-чукотских слов китига, хитига, китигин „заморозок“, „студеная поземка“» [Леонтьев, Новикова, 1989, с. 120]. Обосновывают такое объяснение эти авторы не только некоторым созвучием приведенных слов со словом гижига, но и тем фактом, что зимой по долине Гижиги дуют холодные пронизывающие ветры. Но надо заметить, что долина Гижиги не единственное место Северо-Востока России, где проживают чукчи и коряки, и где дуют холодные ветры. А аналогов названиям реки Гижиги и Гижигинской губы, в которую впадает река, видимо, нет или, по крайней мере, они очень редки. Кроме того, авторами словаря не объяснен, с лингвистической точки зрения, переход от слова китига к слову гижига, при котором в средней корневой части вместо глухого звука «т» появляется несозвучный звонкий «ж». Но достойно внимания то, что эти исследователи не подтвердили предположение Т. И. Шмалева о принадлежности слова гижига к эвенскому языку. Говорить же о русском его

происхождении также нет достаточных оснований. Известно, что русские землепроходцы и поселенцы с самого начала, со времен похода М. Стадухина, побывавшим со своим отрядом, видимо, первым из землепроходцев на реке Гижиге именовали ее фактически именно так или же очень близкими созвучными словами Изига, Жижига, Кижига, Кинжига, Инжига и др. [Крашенинников, 1994, с. 83; Косвен, 1962, с. 287; Н. В. Слюнин, 1900, с. 40; Гольденберг, 1984, с. 71]. Что касается названия Чендон (Чондон), о котором иногда в литературе пишут, как о втором названии реки, то его идентификация с р. Гижигой не всегда подтверждается в историко-этнографической литературе. С. П. Крашенинников, например, называет Чендоном какую-то соседнюю с р. Гижигой реку [Крашенинников, 1994, с. 83]. Известен также случай названия Чендоном р. Пенжины [Гурвич, 1982, с. 50].

В XVII–XVIII вв. в бассейне р. Гижиги и на побережье Гижигинской губы жили коряки, позднее частично вытесненные из этого района эвенами [Туголуков, 1982, с. 156]. Поэтому логично продолжить поиск смыслового значения топонима в чукотско-корякских языках. В слове гижига и в упомянутых вариантах его произношения можно обратить внимание на довольно своеобразное ритмическое последовательное сочетание трех согласных, близких к звукам «г» или «ж». Сходное по звучанию слово корякского языка гигынгин означает сеть, невод [Жукова, 1967, с. 537]. Близкое слово чукотского языка jyjginginki «рыболовная сеть» было записано в XVIII веке К. Мерком [Вдовин, 1961, с. 52]. Привлекает внимание ительменское слово мытлкыжигина [Крашенинников, 1994, с. 138] (обращаем внимание на вторую его часть «кыжигина», созвучную названию Гижига). На первый взгляд удивляет его значение «молния», казалось бы не имеющее семантической связи с сетью. Но, как известно, молния при вспышке на небе порой представляет собой сетеобразное сплетение линий. Судя по всему, в чукотско-камчатских языках можно выделить еще одну группу слов, близких по звучанию к топониму Гижига и семантически связанных с понятием сеть.

Следует отметить и некоторые созвучные аналогии слову гижига, имеющие, скорее всего, праязыковое (ностратическое?) происхождение и обозначающие рыболовные сети, снаряды и сооружения в языках народов, центр расселения которых находится далеко от северо-востока Азии. Например, русские слова ез, яз, украинские яз, из, язок означают закол для ловли рыбы, ставную сеть, запруду. Этим словам соответствуют близкие по звучанию и смыслу слова и в ряде европейских языков [Фасмер, 1996, с. 549]. Интересны русские слова иж «верша» [Даль; 1994, с. 10], язык «вход в рыболовный снаряд мережу» [Пришвин, 1972, с. 78] и менее очевидное сибирское (угрское по происхождению) вожан «рыболовный снаряд» [Васильев, 1962, с. 146]. Но привлечение далеких языковых параллелей для выяснения смысла интересующего нас гидронима может иметь только вспомогательное значение, поскольку приведенные аналогии не так очевидны по сравнению с чукотско-камчатскими. Но могли ли хотя бы некоторые русские поселенцы после того, как они обжились в новой для них местности связывать название Гижига с образом сети, вопрос, видимо, правомерный. Но почему, можно

допустить возникновение такого образа, связанного с рекой или бухтой (губой), в которую она впадает, у населения, обитавшего на берегах этих водоемов?

Думается, что представление о сети могло возникать из-за своеобразных очертаний Гижигинской губы. Она имеет в плане вид постепенно сужающегося к месту впадения реки подтреугольного сачковидного мешка. Очертания бухты также сопоставимы с формой мотни невода или бредня, хвостовой частью верши, контурами углообразных рыболовных заколов (езов), то есть с теми местами рыболовных снарядов, куда в конечном итоге попадает пойманная рыба.

Довольно любопытно, что входной мыс северо-западного берега Гижигинской губы носит название Вархалам. Авторы «Топонимического словаря Северо-Востока СССР» связывают этот топоним с чукотским словом вэркальын «имеющий острые камни», где веркы «торчащий острый камень», льын — суффикс обладания [Леонтьев, Новикова, 1989, с. 98]. Но в таком случае затруднительно объяснить вторую часть топонима «халам». Небезынтересно вспомнить, что сибирское (тобольское) слово вар означает рыболовный закол, учуг [Даль, 1994, с. 166], а архангельское халам, по мнению В. И. Даля, является однокоренным со словом халуй «плетень рыболовный», «заездок» [Даль, 1994, с. 541]. Следует отметить, что в Сибири были известны рыболовные заколы, построенные с использованием в прямом смысле слова хлама (сучьев, стволов деревьев), которым преграждался путь рыбе или в котором она запутывалась [Васильев, 1962, с. 140]. Не исключено, что название мыса Вархалам имеет русское происхождение. Возможно не случайно другой мыс, находящийся на противоположном от мыса Вархалам берегу губы, носит название Матуги и поблизости от которого протекает р. Матуга. Несмотря на то, что название Матуга исследователи-топонимисты связывают с эвенским словом матуры «изогнутый» [Леонтьев, Новикова, 1989, с. 251] возникает предположение, что оно происходит от русских слов матка, матица, означающих мотню невода, конечную ловушку рыболовного снаряда. Впрочем, категорически настаивать на таком толковании топонима Матуга нет достаточных оснований. Но существование в прошлом у местного населения образа Гижигинской губы как рыболовного сооружения, сети вполне допустимо.

Известно, что В. К. Арсеньев в 1922 г. совершил поездку для оценки рыбных запасов северного побережья Охотского моря именно в Гижигинский район. Реку Гижигу он определил как одну из самых перспективных для промысла рыбы [Арсеньев, 1997, с. 6]. Многие исследователи отмечали рыбное изобилие Гижигинской губы, куда ежегодно заходили и заходят до настоящего времени огромные косяки сельди, корюшки, уйка и других пород рыб [Бацевич, 1998, с. 6; Слюнин, 1900, с. 556; Сафронов, 1978, с. 216]. Губу действительно можно порой представить как громадный рыболовный снаряд, заполненный рыбой.

Таким образом, языковые данные чукотско-камчатских языков (а, возможно, и русского языка), особенности геоморфологического очертания берегов и колоссальное рыбное изобилие Гижигинской бухты, учет сведений об истории населения ее побережья позволяют прийти к выводу о том, что смысловая основа названия Гижига связана с понятиями сеть, невод, рыболовное сооружение.

Примечания

1. ***В. К. Арсеньев.*** *Гижигинский промысловый район. Эвенчанка. Эвенск. 1997. 26 декабря. С. 6.*
2. ***С. А. Бацевич.*** *Два года в местечке Гижига Камчатской области. Эвенчанка. Эвенск. 1998. 30 октября. С. 6.*
3. ***В. И. Васильев.*** *Проблема происхождения орудий запорного рыболовства обских угров. Сибирский этнографический сборник, IV. Тр. Ин-та этнографии, новая серия. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. LXXVIII. С. 137–152.*
4. ***И. С. Вдовин.*** *Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков. Сибирский этнографический сборник, III. Тр. Ин-та этнографии, новая серия. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. LXIV. С. 27–63.*
5. ***В. И. Даль.*** *Толковый словарь живого Великорусского языка. М.: Терра, 1994. В 4-х томах.*
6. ***А. Н. Жукова.*** *Русско-корякский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1967. 752с.*
7. ***М. О. Косвен.*** *Из истории этнографии коряков в XVIII в. Сибирский этнографический сборник, IV Тр. Ин-та этнографии, новая серия. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. LXXVIII. С. 276–291.*
8. ***С. П. Крашенинников.*** *Описание земли Камчатки. СПб.: Наука. Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. В 2-х томах.*
9. ***В. В. Леонтьев, К. А. Новикова.*** *Топонимический словарь Северо-Востока СССР. Магадан: Кн. изд-во, 1988. 457с.*
10. ***М. М. Пришвин.*** *В краю непуганых птиц и зверей. Избранные произведения в 2-х томах. М.: Художественная лит-ра, 1972. С. 23–166.*
11. ***Ф. Г. Сафронов.*** *Русские на северо-востоке Азии в XVIII-середине XIX в. М.: Наука, 1978. 258 с.*
12. ***И. В. Слюнин.*** *Охотско-Камчатский край. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1900. Т. 1. 692 с.*
13. ***В. А. Туголуков.*** *Эвены. Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. С. 155–168.*
14. ***М. Фасмер.*** *Этимологический словарь русского языка. СПб.: Азбука, 1996. В 4-х томах.*

И. Н. КЛИМЕНКО
Приморский государственный объединенный музей имени В. К. Арсеньева

ФОТОСАЛОНЫ ВЛАДИВОСТОКА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Как известно, фотография была изобретена в 1839 году, а уже в конце 60-х годов XIX в. первые фотографы посетили Владивосток, оставив потомкам документальные снимки строящегося города, с помощью которых ученые сегодня изучают его историю.

Сегодня историки называют имя одного из первых фотографов, снимки которого познакомили Россию с новым городом на Дальнем Востоке — это Владимир Васильевич Ланин. Ланин приехал во Владивосток еще в 1870 году, открыл в городе самое первое фотоателье и оставался на Дальнем Востоке до 1888 года. Газета «Владивосток» за 1888 год сообщала, что фотограф В. В Ланин объявил о распродаже своего имущества, о продаже принадлежавшего ему фотоателье в связи с отъездом в Москву.

Имя другого фотографа, Карла Ивановича Шульца (Карл Юган Шульц), старожилам Владивостока стало известно также в самом начале 70-х годов XIX в. Шульц прибыл на Дальний Восток в 1868 году вместе с семьями финских переселенцев на бриге «Александр II». Он был фармацевтом по образованию. При переезде во Владивосток Шульц устроился на работу в Городскую Управу, где и прослужил до 1890 года. Фотографией он увлекся уже во Владивостоке, открыв здесь собственное фотоателье. Не так давно музей приобрел интереснейший фотоальбом с видами Владивостока, на обложке которого есть тисненная надпись по коже: «Воспоминания о Далекомъ Востоке 1874–1883 К. В.». Достоверно неизвестен автор снимков для этого альбома — называют имена и В. Ланина, и К. Шульца. Однако альбом содержит приятный для нас сюрприз — на одной из его страниц помещен портрет, надписанный черными чернилами: «Фотографъ Шульцъ». Имя Карла Ивановича упоминается и в книге В. Ю. Янковского «Полуостров» в связи с женитьбой его деда Михаила Ивановича Янковского, известного предпринимателя, ученого, бывшего ссыльного, прибывшего в Приморье в 1874 году [1]. Оказывается, Шульц подготовил фотоальбом, куда помещал фотографии молодых незамужних девушек г. Владивостока. Именно по этому альбому Михаил Иванович нашел себе спутницу жизни — Ольгу Лукиничну Кузнецову. Брак был зарегистрирован в 1877 году. Судя по датам, Шульц обосновался в городе в самом начале 70-х годов XIX в. и продолжал работу в качестве фотографа до начала 90-х годов. В музее хранятся 5 подлинных фотографий, изготовленных в его фотоателье и на одной из них изображен портрет Ольги Лукиничны, к сожалению, не датированный. На двух других портретах проставлена точная дата — «1888 г.» (портрет старожила города Чеберяка

Федора Евстафьевича, смотрителя Суйфунского речного маяка (в прошлом штурмана 2-го разряда Добровольного флота) и портрет Поповой Марии Даниловны, жены первого журналиста Владивостока Матвеева Николая Петровича). В начале 90-х годов Карл Иванович вернулся на родину, в Финляндию, где продолжил свои занятия фотографией.

К концу XIX в. число фотографических заведений в городе неуклонно растет, и среди них заметно выделяется как по качеству исполняемых работ, так и по количеству заказов фотоателье Владимира Мацкевича и Федора Подзорова.

Обрусевший поляк Владимир Мацкевич поселился во Владивостоке в 1893 году и открыл здесь собственное фотоателье. Фотосалон часто менял адреса. Сначала фотомастерская находилась на Посьетской, затем на Пекинской, на Светланской. Наконец, В. Мацкевич обосновался на улице Пушкинской, 7, в доме, принадлежавшем редактору газеты «Владивосток» Н. В. Соллогубу. И если портрета самого В. Мацкевича, к сожалению, не сохранилось, то здание увековечено им вместе с рекламными щитами и надписями на них «Фотография Мацкевича». Таких фотографий в коллекции две. По имеющимся в коллекции фотографиям удалось проследить также, что свою деятельность в качестве фотографа Мацкевич начинал в Екатеринославе в 70-е — 80-е годы XIX в, а затем уже перебрался на Дальний Восток. Об этом же пишет в своей статье «Провинциальный фотограф» А. Буяков [2]. Именно в Екатеринославе юный Владимир Мацкевич постигал азы фотосъемки — сначала учеником, затем помощником фотографа, а вскоре открыл и собственное дело. На двух фотографиях с визиткой В. Мацкевича екатеринославского периода, хранящихся в фондах нашего музея, изображена жена известного востоковеда и приморского предпринимателя Михаила Григорьевича Шевелева — Александра Дмитриевна Синицына.

Во Владивосток В. Мацкевич приехал уже будучи опытным мастером. Однако признание новому фотографу Владивостока пришлось завоевывать в условиях жесточайшей конкуренции. Если в Екатеринославе в 80-е годы работало всего 2–3 фотографа, то во Владивостоке их было свыше пятидесяти. Много проблем создавали японские фотографы — в конце прошлого века в городе насчитывалось более десятка японских фотосалонов. Несмотря на это, уже в 1900 году в «Путеводителе по Великой Сибирской железной дороге» В. Мацкевич был назван лучшим фотографом Владивостока [3].

Известно, что один из филиалов фотографии В. Мацкевича был открыт и в Порт-Артуре — семья перебралась туда в 1900 году. Причин для переезда было две: посмотреть новые российские владения, приобретенные Россией в аренду у Китая, и завоевание нового рынка специфических услуг. Однако русско-японская война внесла свои коррективы в отлаженную жизнь семейства. С началом войны они в спешном порядке покинули Порт-Артур и вернулись во Владивосток [4].

Следует отметить, что фотография В. Мацкевича продолжала работать на Пушкинской до 1921 года, а затем здесь обосновался его преемник — Александр Феофилактович Соколов, художник по образованию (расписывал стены Успенского собора в г. Владивостоке) и фотограф-любитель [5]. На паспарту одной из

фотографий с визиткой В. Мацкевича есть чернильный оттиск штампа «Фотографія А. Ф. Соколова бывшая В. Мацкевича». Впрочем, в 1922 году фотоателье с именем В. Мацкевича было снова открыто в нашем городе — на улице Первой Морской. Оно принадлежало старшему сыну Мацкевича — Владимиру Владимировичу (родился в 1889 году в Екатеринославе). Судьба его в тридцатые годы сложилась трагично — был репрессирован и расстрелян в 1933 году [6].

Фотоателье В. Мацкевича было весьма престижным и популярным в городе, судя по тому, что в нем делали свои заказы известные люди: преподаватель Восточного института Аполлинарий Васильевич Рудаков, редактор газеты «Дальний Восток» Виктор Ананьевич Панов, предприниматель и ученый-востоковед Михаил Григорьевич Шевелев, члены семейств будущего нобелевского лауреата Игоря Евгеньевича Тамма и редактора газеты «Владивосток» Николая Варламовича Соллогуба. В этом же фотоателье были изготовлены портреты предпринимателя Алексея Дмитриевича Старцева, председателя Приамурского Временного Правительства Спиридона Дионисовича Меркулова, портреты видных общественных деятелей Михаила Яковлевича Сибирцева и Александра Васильевича Суханова.

Открытая практически в то же время, что и фотография В. Мацкевича, фотография Федора Ивановича Подзорова не уступала ей по своей популярности. Располагалась она в центре города, по улице Светланской, 49 (позднее 51) в доме М. К. Федорова, а на паспарту своих работ Федор Иванович рекламировал себя как «Придворного фотографа», в некоторых случаях — как «Придворного фотографа Его королевского высочества Наследного принца Сиамского».

В фотоателье Ф. И. Подзорова заказывали свои портреты не менее известные в городе люди: преподаватель Восточного института Николай Васильевич Кюнер, первый журналист Владивостока Николай Петрович Матвеев, владивостокский прдприниматель Василий Анисимович Жариков, крупный лесопромышленник Дальнего Востока Аввакум Гаврилович Свидерский, семьи М. И. Янковского, М. Г. Шевелева, Н. В. Соллогуба, В. А. Панова и мн. др. В советское же время Ф. И. Подзоров прославился как специалист по изготовлению групповых фотографий. С его визиткой были изготовлены групповые портреты сотрудников «Дальрыбы» (вместе с известным путешественником В. К. Арсеньевым), курсантов первого набора техникума водных путей сообщения, преподавателей ГДУ, делегатов различных съездов, курсов, учащихся школ и мн. др. Судя по тому, что первые снимки, изготовленные в этом фотоателье датируются 1894 годом, а последние — 1926, фотоателье Подзорова работало в городе более 30 лет. Кроме того, в коллекции музея есть три фотографии, изготовленные в фотоателье этого же мастера, но в Харбине (датированы 1904, 1907, 1908 гг).

При изучении коллекции Ф. И. Подзорова удалось также установить его преемника. На паспарту фотографии, где изображен коллектив бюро ВЛКСМ ГДУ, есть чернильный оттиск штампа с надписью: «Фот. М. А. Тамм быв. Подзорова». Фотография датирована 1927 годом.

Помимо этих, хорошо известных и популярных фотографий, в городе в конце XIX — нач. XX вв. был открыт целый ряд других подобных заведений. Так,

в доме купца Я. Л. Семенова, по улице Пекинской, 27 (ныне улица Фокина), в одноэтажном деревянном здании работала японская фотография Т. Мори. Сохранился снимок с изображением дома и рекламного щита над входом с надписью: «Фотография Т. Мори». Газета «Дальний Восток» за 1901 год сообщала, что японский фотограф Т. Мори *«...принимает заказы всякого рода фотографических снимков, а также увеличение карточек в любом размере. Заказы исполняются аккуратно и добросовестно»* [7]. На объявление откликнулись такие известные жители Владивостока, как преподаватель Владивостокской мужской гимназии при Восточном институте Александр Георгиевич Кедроливанский, члены семей А. В. Суханова и В. А. Панова.

Ссылаясь на устную беседу с японским ученым Ядзимой Сатоси, который работает над темой «Японцы в г. Владивостоке в кон. XIX — 20-е г. XX вв.» хочется отметить, что фотограф Мори, помимо фотоателье, открыл в нашем городе еще и свой ресторан, гостиницу, где останавливались японцы, а также оказывал услуги по пересылке грузов в Японию для своих соотечественников.

13 фотографий, хранящихся в музейном собрании, были изготовлены в фотоателье Т. Мори с 1900 по 1902 гг. Более поздней даты с визиткой этого мастера в коллекции не выявлено. Очевидно, это объясняется тем, что во время русско-японской войны 1904–1905 гг. многие японские фотосалоны были закрыты и не все из них смогли возобновить работу после ее окончания.

Однако уже с 1905 года на газеты обрушился шквал объявлений о возобновлении работ в старых фотоателье и об открытии новых японских фотосалонов. Так, фотоателье Д. Ямагучи возобновило свою работу в нашем городе, открыв сразу три отделения — на улицах 1-й Портовой, Миссионерской, Безымянном переулке. Т. Нозири открыл свое фотоателье впервые в 1905 году на ул. Пологой, 39, в доме Боровикса, под названием «Золотой Рог». В это же время на ул. Китайской открыли свои фотоателье Т. Наито и Гидзю Симазаки, на улице Маньчжурской начал работу Э. Хирано. А Икеда Киемацу, приехав в город в 1909 году, открыл не только фотоателье на ул. Светланской, 86 под названием «Мир», но и свою парикмахерскую и кондитерский магазин (по свидетельству Ядзима Сатоси).

Практически в это же время начал работу во Владивостоке и Эймацу Хосита, открыв свою мастерскую на ул. Китайской в доме № 7, принадлежавшем Дембн. Э. Хосита довольно быстро обрел известность в различных кругах владивостокского общества. Среди его клиентов были рабочие, служащие, солдаты, матросы, а также известные предприниматели, ученые, общественные деятели. Свои портреты у Э. Хоситы заказывали М. И. Янковский и члены его семьи, семейства Жариковых, Пановых, Шевелевых, Бринеров (Юлий Иванович Бринер — владелец тетюхинских рудников и судоходной компании). В фотоателье Э. Хоситы была изготовлена хорошо известная фотография трех братьев Арсеньевых — Владимира, Анатолия и Александра. 1928 год — последняя дата, выявленная в результате работы над этим фотоателье. Следовательно, фотограф Э. Хосита оказывал услуги горожанам более 20 лет. Кроме того, филиал этого заведения имелся и в г. Никольск-Уссурийском (г. Уссурийск).

Безусловно, что после окончания русско-японской войны открывались не только японские фотографии. Газета «Дальний Восток» извещала, что в 1905 году на ул. Прудовой в доме № 5 (Нечаевского), недалеко от здания Владивостокского музея, была открыта Московская художественная фотография (при участии сотрудников первоклассных московских фотоателье), в которых изготавливались фотографии на всех видах бумаг, фарфоре, стекле, дереве и других материалах. (8) А в доме Боровикса, по ул. Пологой, 26, была открыта фотография «Восток», по ул. Светланской, 103 — «Американская фотография», по ул. Китайской, 11 — фотоателье «Прогресс» (в доме Минаева), по ул. Светланской, 32 — фотография «Электра», а в доме № 91 по этой же улице — фотоателье «Роза», фотография и кинематография «Б. Подольский и М. Зуев» — на Светланской, 42 [9].

В общей сложности до революции (исходя из газетных объявлений и имеющихся в музейном собрании подлинных фотографий) в городе работали более 50 фотоателье. Как правило, в них работали прекрасные мастера по изготовлению художественных портретов — «визиток» и «кабинеток», как их тогда называли. Они печатали свои работы на тонкой люмьерной бумаге, с платиновым виражом, использовали качественные плотные паспарту (зачастую с золотым обрезом), на лицевой и оборотной сторонах которых давалась полная информация — имя фотографа или владельца фотоателье, адрес, награды, заслуженные фотографами на различных фотовыставках и другая информация.

Следует учесть, что первые фотографы придавали исключительно важное значение художественной целостности и образности в создаваемых ими работах. Поэтому, глядя на такие фотографии, отмечаешь изящество фоторисунка, пластику светотональных переходов, законченность композиции, совершенство в передаче фактуры лица, костюмов, предметов обстановки. Очень большое значение придавалось ретуши. На старых фотографиях ее просто не замечаешь. И не удивительно. Как правило, ретушью в первых фотоателье занимались художники (ретушью в свое время занимались хорошо известные ныне художники И. Крамской, А. Куинджи, В. Зичи и др.). Поэтому все становится на свои места, когда читаешь в старых справочниках и газетах такую рекламу: *«Вновь открыта Народная фотография Светланская улица во дворе Европейской гостиницы рядом с Городской Управой. Фотография под руководством опытного ретушера»* [10].

Основная часть фотографий, вошедших в каталог — портреты (монопортреты, парные, групповые), лишь незначительная часть — видовые снимки. Среди них следует упомянуть работы фотографа Делорми. Это великолепные панорамы г. Владивостока конца XIX века, на которых оставлен позитивный оттиск с негатива — фамилия автора снимков — «C. Delorme».

Не включены в каталог фотографии, авторство которых подтверждается устными свидетельствами фондообразователей, либо автографами снимавших. Как правило, это непрофессиональные фотографы. Тем не менее, качество этих фотографий настолько высокое, а темы, выбранные для съемок чрезвычайно интересны, что не упомянуть их просто невозможно. Так, в 1997 году американкой Патрицией Сильвер в музей были переданы фотоальбомы по Владивостоку, съемки для которых были выполнены старожилкой города Элеонорой Георгиевной Прей еще в 90-е годы XIX в. В этом же альбоме представлены фотографии доктора А. К. Штейна, служившего на крейсере Сибирской военной флотилии «Громобой». В результате музей стал обладателем редких панорам Владивостока конца XIX века, видов праздничного убранства города во времена коронации последнего русского императора Николая II, снимков судов Тихоокеанской эскадры, участвовавших в русско-японской войне, видов внутреннего убранства судовой церкви (на крейсере «Громобой») и мн. др.

В двух других альбомах, посвященных опять-таки нашему городу и его старожилам, переданных в музей еще в 1959 году старожилкой Владивостока Е. М. Эйнам, большое количество снимков выполнено морскими офицерами М. В. Горячковским, И. В. Столяровым, Н. П. Успенским, Я. М. Заикой, И. М. Воронкиным. Все фотографии в альбоме датированы, расписаны фамилии снимавшихся и снимавших. В результате этого в альбоме мы можем увидеть и портреты самих фотографов. Фотографии относятся к 1900–1907 гг., на них изображены интересные панорамы Владивостока этого периода, исторические памятники и здания (Покровская церковь, Успенский собор, Триумфальная арка, офицерские флигеля на Светланской и др.).

В музее также хранятся фотографии и негативы, авторство которых исследователи относят к известному флотоводцу С. О. Макарову, путешественнику и исследователю В. К. Арсеньеву, генерал-губернатору Приморской области П. Ф. Унтербергеру.

Заключительной частью каталога стал раздел по советским фотоателье, начавшим свою деятельность сразу после 1922 года. Начиная работу в новых условиях, они старались сохранить старые традиции хотя бы в названиях своих фотоателье: «Эклер», «Стиль», «Рубенс», «Рембрандт» и др. Однако качество работ стало быстро снижаться, постепенно исчезают из обихода паспарту, используется некачественная фотобумага, не придается должного значения общему оформлению работ. В более поздних работах полностью исчезает информация о названиях фотоателье, нет фамилий фотографов. В целом фотографии становятся безличностными и это очень печально.

Подводя итог сказанному, следует отметить один из наиболее существенных пробелов в предложенном каталоге — нам практически ничего неизвестно о судьбе самих фотографов, от некоторых фотоателье остались только названия, но не сохранились имена людей, которые в них работали, нет их фотопортретов.

Исключение составляют лишь К. И. Шульц, подлинный портрет которого есть в запасниках музея, В. В. Ланин (его портрет в свое время был напечатан в приложении к «Краткому историческому очерку г. Владивостока» еще в 1910 году) [11] и М. И. Зуев (портрет Зуева был обнаружен не так давно в альбоме «Русские в Шанхае», изданном русским эмигрантом В. Д. Жигановым в 1936 году) [12]. О них же сохранились и небольшие биографические данные. Смеем надеяться, что музей стал обладателем и портрета японского фотографа Эймацу Хоситы. Владелица фотографии, старожилка Владивостока Серова (ур. Пастухова)

Евгения Ермолаевна, передавшая ее в музей, сообщила, что хозяину фотоателье понравились две маленькие девчушки в белых платьицах, и он пожелал сфотографироваться вместе с ними. На снимке есть визитка фотоателье Э. Хоситы, поэтому рассказ рождает надежду на достоверность нашего предположения.

Несмотря на указанные выше проблемы, проделанная работа позволяет представить общую картину состояния фотодела в г. Владивостоке начиная с 70-х годов XIX века, заканчивая 1930 г. Со всей очевидностью можно утверждать, что бытовой портрет в рассматриваемый нами период находился на очень высоком уровне развития, позволяя рассматривать фотографию в целом как один из видов искусства, а бытовой портрет точнее назвать художественным, что фотография в это время была чрезвычайно популярна — не случайно в небольшом окраинном городке России в начале века процветали более 50 фотоателье. И, по всей вероятности, это не конечная цифра, т. к. не каждый фотограф помещал рекламу о себе в газеты, а в музейном собрании могут отсутствовать многие фотографии мастеров, работавших в нашем городе в то время. Следовательно, работа ждет своего продолжения.

Примечания

Кат. — каталог.
Ур. - урожденная.
Комсод — комитет содействия.
ГДУ — Государственный дальневосточный университет.
ДВГУ — Дальневосточный государственный университет.
ДВПИ — Дальневосточный политехнический институт.
ОИАК — Общество изучения Амурского края.
КВЖД — Китайско-Восточная железна дорога.
ТД — Торговый дом.
РИК — Революционный исполнительный комитет.

1. **В. Ю. Янковский.** *Полуостров. Владивосток, 1989. С. 47–48.*
2. **А. М. Буяков.** *Провинциальный фотограф. // Владивосток. 1994. 1 сен.*
3. *Там же.*
4. *Там же.*
5. *РГИА ДВ, ф. 28, оп. 1, д. 185, л. 134.*
6. **А. М. Буяков.** *Провинциальный фотограф. // Владивосток. 1994. 1 сен.*
7. *Дальний Восток. Владивосток, 1901. 12 мая.*
8. *Дальний Восток. Владивосток, 1905. 16 окт.*
9. *Там же.*
10. *Дальний Восток. Владивосток, 1905. 9 июн.*
11. **Н. П. Матвеев.** *В память пятидесятилетия основания г. Владивостока и присоединения Уссурийского края. Владивосток, 1910. С. 22*
12. **В. Д. Жиганов.** *Русские в Шанхае. Шанхай, 1936. С. 248*

Е. Д. ЯВОРСКАЯ
Российский государственный исторический архив Дальнего Востока

ОБ ИСТОРИИ ЯПОНСКОЙ ДИАСПОРЫ ВЛАДИВОСТОКА (ИЗ ДОКУМЕНТОВ РГИА ДВ ПО ИСТОРИИ БУДДИЙСКОГО ХРАМА «УРАДЗИО ХОНГАНДЗИ»)

В истории г. Владивостока оставили заметный след представители японской нации. Первые японские эмигранты появились в городе в конце 1860-х гг. Японская диаспора была немногочисленной в общем составе городского населения, хотя количество японцев в городе постепенно увеличивалось: в 1876 г. во Владивостоке проживало около 350–360 японцев, в 1897 г. — 1 269 японцев, в 1906 г. — 5 692 японца [1]. Среди современных исследований по истории японской диаспоры Владивостока можно выделить статьи З. Ф. Моргун, в которых она обращается к вопросам формирования и социального состава японской диаспоры, деятельности японских обществ, японского предпринимательства, издательства газеты «Урадзио-Ниппо»; а также статью А. А. Торопова о деятельности японских обществ в Приморской области, в том числе и во Владивостоке [2]. Для обслуживания культовых потребностей японцев во Владивостоке еще в 1886 г. буддийская секта «Ниси Хонгандзи» открыла свою молельню в городе. Позже был построен буддийский храм в японском стиле «Урадзио Хонгандзи», который для нескольких поколений японцев, живших во Владивостоке, был местом духовного утешения и поддержки. Цель данного сообщения — ознакомить исследователей с кратким обзором документов, отложившихся в фондах РГИА ДВ по истории японского храма «Урадзио Хонгандзи» во Владивостоке.

В фонде № 1 «Приморское областное правление» отложилась переписка Военного губернатора Приморской области с канцелярией Приамурского генерал-губернатора по поводу ходатайства Императорского японского консульства об открытии во Владивостоке «молельни для японцев-буддистов». Вся жизнедеятельность японцев на русской территории осуществлялась под контролем официального представительства Японии — Императорского японского консульства во Владивостоке, действовавшего с 1907 г.; с октября 1909 г. оно было произведено в Генеральное консульство. В состав переписки вошли ответы на запросы Военного губернатора Приморской области со стороны Императорского японского консульства, Владивостокского полицмейстера, а также копии циркуляров МВД. Материалы переписки датируются декабрем 1908 г. — августом 1909 г. В ходе переписки обсуждались вопросы: в чьем ведении

будет состоять молельня, кто со стороны гражданской власти будет наблюдать за ее деятельностью. Сохранился ответ вице-консула Императорского японского консульства Ханаока о том, что *«молельнею будет ведать г. Какумин Оота, командированный буддийский священник „Хон-ган-зи" (главная буддийская молельня в Японии), и что упомянутый священник будет исполнять... религиозные обряды и похоронные церемонии по буддийскому обычаю между японским населением»* [3]. Разрешение на устройство во Владивостоке буддийской молельни (с обязательным условием, что она будет находиться под наблюдением местной гражданской власти) было дано Департаментом духовных дел иностранных вероисповеданий МВД 4 марта 1909 г., о чем было циркулярно сообщено местным властям [4]. В фонде «Приморское областное правление» также отложились прошения японского священника Оота Какумина и Императорского японского консульства от 4/08/1909 г. об открытии временной молельни до постройки постоянного храма, по месту проживания О. Какумина: в доме Пауэрса № 28 по Фонтанной улице. Прошение О. Какумина представляет собой машинописный документ, заверенный личной подписью на русском и японском языках и личной печатью. Прошение консульства (как и другие исходящие документы) выполнено на официальном бланке, в левом верхнем углу которого типографским способом выполнена надпись в три строки «МВД. Императорское японское консульство», ниже — дата, номер, г. Владивосток, виньетка [5].

В «Систематическом сборнике постановлений Владивостокской городской думы за 1901–1912 гг.» мы находим постановления об отводе участка земли под японскую молельню. Постановлением Владивостокской думы от 17/08/1909 г. под японскую молельню был отведен участок в конце ул. Алеутской напротив полицейской больницы на общих арендных условиях, но бесплатно, с тем, чтобы на участке японское общество посадило деревья. Постановлением думы от 18/10/1910 г. к этому участку был прирезан клин земли по Покровской улице для разбивки сада [6].

В фонде № 28 «Владивостокская городская управа» отложились материалы об отводе земли под японскую молельню, датируемые 27 августа 1911 г. — 10 апреля 1915 г. В состав этих материалов входит переписка Владивостокского городского управления с Военным губернатором Приморской области, Владивостокской Духовной консисторией, Императорским японским генеральным консульством, комендантом Владивостокской крепости; протоколы заседаний Владивостокской думы; прошения представителя японского храма «Хонгандзи» О. Какумина. Судя по документам, постройка буддийского храма была приостановлена распоряжением Военного губернатора Приморской области от 1/09/1911 г. Причиной стал протест Архиепископа Владивостокского и Камчатского Евсевия о невозможности строительства языческой кумирни вблизи православного храма (имелась в виду Покровская церковь) [7]. Последующая переписка велась по поводу отвода японскому обществу другого участка земли. Вопрос разрешился в марте 1915 г.: буддийскую молельню было разрешено строить на прежнем месте с условием, чтобы вход в молельню был устроен не со стороны Покровской церкви, а сама кумирня была закрыта от церкви глухим забором и посаженными деревьями [8]. Почему же местные власти пошли на уступки? Военный губернатор Приморской области А. Д. Сташевский в своем письме Владивостокскому городскому голове И. А. Ющенкову от 10/01/1915 г. указывает на сложившееся политическое положение: *«...весьма желательно, в наших же собственных интересах... идти навстречу тем нуждам японцев, которые не касаются ни политических, ни экономических наших интересов, и удовлетворение таких нужд, проживающих у нас японцев, к коим возможно отнести и вопрос о постройке буддийской... молельни... явится одним из жизненных факторов, наиболее скрепляющих наши настоящие отношения с Японией»* [9]. Ответ кроется во внешнеполитической стратегии России на Дальнем Востоке в условиях Первой мировой войны. Япония в августе 1914 г. объявила войну Германии и захватила все германские дальневосточные владения. Россия нуждалась в спокойном тыле на Дальнем Востоке, видела в Японии союзника в защите сфер влияния в Маньчжурии, была заинтересована в поддержании дружественных отношений с Японией (союзный договор с Японией был заключен в июле 1916 г.) [10].

В фонде № 28 РГИА ДВ сохранилось письмо-уведомление от 24/10/1916 г. буддийского миссионера Оота Какумина о перемещении из дома № 28 по ул. Фонтанной во *«вновь выстроенный дом, находящийся на Алеутской улице, и принадлежащий японскому обществу, здесь же будет помещение буддийского молитвенного дома»* [11]. Данный документ указывает на время постройки и открытия храма «Урадзио Хонгандзи» — октябрь 1916 г.

В фонде № 28 «Владивостокская городская управа» отложились документы, относящиеся к истории японского храма «Урадзио Хонгандзи» и датируемые сентябрем 1921 г. Это прошения начальника штаба японских экспедиционных войск во Владивостоке, главы японской миссии О. Какумина, Императорского японского генерального консульства о разрешении постройки памятника *«усопшим воинам и военнослужащим Владивостокских японских экспедиционных войск, в пределах участка, отведенного японскому обществу под храм по Алеутской улице»*; план расположения и проект памятника; выписка из протокола заседания Владивостокской управы о разрешении строительства [12]. Судя по проекту (выполнен типографским способом на плотной бумаге с поясняющими надписями от руки на русском языке), японское командование было намерено поставить во Владивостоке каменный памятник-обелиск. Обелиск представлял собой усеченную четырехгранную пирамиду на округлом постаменте, на лицевой грани постамента — памятная доска, весь памятник обрамлен оградой. Проект не был осуществлен. Однако упоминание о захоронении японских солдат на территории храма «Урадзио Хонгандзи» мы встречаем в книге «Война и сирень» Тоидзуми Енэко, жены последнего настоятеля буддийского храма во Владивостоке Тоидзуми Кэнрю. Г-жа Тоидзуми-сан вспоминает, что в храме хранились останки

312 японцев, погибших в Николаевском инциденте во время интервенции (видимо речь идет о провокационном нападении японских войск на партизанский штаб в Николаевске-на-Амуре в ночь на 12 марта 1920 г., которое было использовано японским командованием для продолжения интервенции [13]), и останки умерших во Владивостоке 94 японцев. Останки были перезахоронены на японском кладбище на участке «Урадзио Хонгандзи» под общей памятной плитой. В 1937 г., после закрытия буддийского храма, г-жа Тоидзуми-сан вывезла останки в Японию [14].

Таким образом, пока мы не можем составить полную картину деятельности храма «Урадзио Хонгандзи» во Владивостоке. Документы, выявленные в фондах РГИА ДВ на данный момент, позволяют проследить только фрагменты истории буддийского храма на протяжении с 1908 по 1921 гг.

Примечания

1. ***А. А. Торопов.*** *К истории деятельности японской диаспоры в Приморской области в начале XX в. // Известия РГИА ДВ. Том 1У. Владивосток, 1999. С. 148.*
   Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Том 76. Приморская область. Тетрадь 3. СПб, 1904. С. 58–59.
   З. Ф. Моргун. *Японская диаспора во Владивостоке (страницы истории). // Известия Восточного института ДВГУ. 1996. № 3. С. 96.*
2. ***З. Ф. Моргун.*** *Указ. соч. С. 90–108.*
   З. Ф. Моргун. *Владивосток и японцы // Россия и АТР. 1993. № 2. С. 88–99.*
   З. Ф. Моргун. *Японская газета «Урадзио-Нитро» во Владивостоке (1917–1922 гг.) // Известия Восточного института ДВГУ. 1998. Спецвыпуск. С. 182–199.*
   А. А. Торопов. *Указ. соч. С. 147–152.*
3. *РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1702. Л. 6.*
4. *Там же. Л. 11, 18.*
5. *Там же. Л. 20–21.*
6. *Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 53. Л. 105, 107.*
7. *Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 373. Л. 2–3.*
8. *Там же. Л. 31, 36–36об.*
9. *Там же. Л. 25об.*
10. *История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). Москва, 1990. С. 306.*
11. *РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 504. Л. 278.*
12. *Там же. Д. 997. Л. 72–80.*
13. ***Б. И. Мухачев.*** *Россия на тихом океане в годы гражданской войны и интервенции. // Известия РГИА ДВ. Том 1. Владивосток, 1996. С. 131.*
14. ***Еэко Тоидзуми.*** *Сирень и война. Владивосток, 2001. С. 102, 128.*

М. А. ПАВЛОВСКАЯ
Дальневосточный государственный университет

ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА КВЖД — ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ И НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СЕВЕРНОЙ МАНЬЧЖУРИИ (20-е гг. XX ВЕКА)

Серьезную роль в просвещении населения и организации ориентальных научных исследований в Харбине играла в 20-е годы Центральная библиотека КВЖД (далее ЦБ КВЖД). Она была создана в 1925 г. на основе библиотеки Железнодорожного собрания, бюджет которой определялся в 7–8 тыс. руб. в год, абонентов насчитывалось 1,5 тыс. чел., а книжный фонд составлял 22 тыс. томов.

ЦБ КВЖД с самого начала была задумана как универсальная библиотека, в которой бы соединялись черты публичной и академической библиотек. Своей главной просветительской задачей руководство библиотеки считало приобщение к книге массы служащих и рабочих КВЖД, которых слабо обслуживали читальни Харбина, а на линиях железной дороги библиотек не было совсем. Утилитарной задачей являлось повышение профессионализма служащих железной дороги, для чего собиралась литература по железнодорожному делу. И, наконец, большое внимание ЦБ КВЖД уделяла обеспечению преподавателей, научных работников и студентов литературой о Дальнем Востоке и Маньчжурии.

Для выполнения всех этих задач в библиотеке были открыты отдел каталогизации, абонементный зал, общий и детский читальные залы, кабинет для научных занятий и Библиографическое бюро с научным отделом.

Задачей последнего стало составление библиографий для исследователей Восточной Азии и полосы отчуждения КВЖД. Они публиковались в специальном приложении к «Вестнику Маньчжурии» — журналу Общества изучения Маньчжурского края, издаваемому при поддержке КВЖД — «Библиографическом бюллетене Центральной библиотеки КВЖД». Данное издание преследовало две цели: осведомление исследователей и научных учреждений о новых работах по Китаю и Дальнему Востоку и содействие ознакомлению местных краеведческих организаций с литературой, изданной вне Харбина, поскольку Центральная Библиотека стала одним из звеньев культурной связи с советскими и иностранными учреждениями.

С редакцией этого журнала сотрудничали многие видные исследователи Дальнего Востока. Они, в основном, готовили библиографические обзоры литературы, связанной с востоковедением. Так, известный юрист В. А. Рязановский составил библиографию работ по китайскому праву, а знаток права, китаевед В. В. Энгельфельд — библиографический обзор литературы по международным отношениям Китая. Востоковед И. Г. Баранов поместил в «Библиографическом бюллетене» каталог изданий по Востоку. Этнограф и археолог Е. М. Чепурковский представил список работ по археологии древнего Китая и обзоры новых книг.

Первый востоковедческий журнал Харбина «Вестник Азии» удостоился особого внимания: на страницах «Библиографического бюллетеня» был помещен систематический указатель его статей. А к 150-летию со дня рождения виднейшего русского востоковеда И. Бичурина бюллетень представил биографо-библиографический указатель. Одной из первых российских библиографий по рабочему вопросу явилась библиография Н. Г. Третчикова. З. Н. Матвеевым была составлена так необходимая для исследователей Харбина библиография общих указателей литературы по востоковедению, которая включала названия 7 дореволюционных, 12 советских и 28 зарубежных русских изданий (и сборников, и публикаций в периодике).

Центральная библиотека КВЖД до 1930 г. выпустила 3 тома «Библиографического бюллетеня» (Т. 1, Т. 2 и Т. 3 в 3-х выпусках). После 1930 г., переименовав его в «Библиографический сборник», она издала еще 2 тома, причем, во 2-м томе (1932 г.) был представлен обзор литературы по китаеведению. Таким образом, «Библиографический бюллетень» помогал своим читателям ориентироваться в дореволюционной и современной (в том числе и советской) ориентальной литературе. Это тем более важно, что Харбин был достаточно далеко и отчасти изолирован от основных центров востоковедения и книгопечатания.

Библиографическое бюро ЦБ КВЖД установило связи с 66 советскими и 41 иностранными научными учреждениями для обмена научными изданиями. К 1930 г. по обмену было получено более 500 книг. В советской периодике («Торговля СССР с Востоком», «Северная Азия», «Природа») были помещены отзывы на материалы «Библиографического бюллетеня».

Научный отдел Центральной библиотеки насчитывал в конце 1920-х гг. более 40 тыс. книг. Его сотрудники ставили перед собой задачу приобрести по каждой научной дисциплине основные и классические издания, новейшие журналы и сочинения, работы по библиографии и методологии. Особо тщательно комплектовался отдел «Азиатика», куда входила литература по Дальнему Востоку и Маньчжурскому краю. К 1930 г. в нем насчитывалось уже более 5 тыс. книг (больше, чем в библиотеке старейшего востоковедного объединения Маньчжурии Общества русских ориенталистов). Имеются сведения, что Центральная Библиотека готовила к печати и каталог «Азиатики».

В целом, в 20-е годы ЦБ КВЖД успешно развивалась. Японцы, пристально следившие за деятельностью структур конкурентки ЮМЖД, а особенно в части научных исследований Маньчжурии, называли данную библиотеку «самой благоустроенной в Маньчжурии». Этому способствовали большие ассигнования от КВЖД, являвшейся единственным источником ее финансирования.

Таблица 1. Субсидии Центральной библиотеке от КВЖД в 1925–1928 гг. (в зол. руб.)

	1925 (X–XII)	1926	1927	1928	1929
всего	50 000	132 706	126 185	128 439	115 927
на книги	30 000	50 000	35 000	30 000	12 000

Как видно из таблицы, составленной сотрудником библиотеки Ф. Б. Сквирским, железная дорога ежегодно выделяла 120–130 тыс. зол. руб. на содержание своей библиотеки. На пополнение книжных фондов приходилось около 23–37% средств. Наблюдалось устойчивое снижение доли расходов на данные цели (60% — в 1925 гг., 37,6% — в 1926, 23,7% — в 1928 гг.). Объяснить это, вероятно, можно тем, что массивное комплектование основных фондов происходило в первый год существования Центральной библиотеки. В 1929 г. сумма помощи уменьшилась, но это связано с трудностями КВЖД, вызванными советско-китайским конфликтом 1929 г.

Конечно, такие финансовые поступления позволяли библиотеке успешно выполнять поставленные задачи. Таблица 2 показывает устойчивый рост книжного фонда, числа читателей и посещаемости.

Таблица 2. Количественные показатели книжного фонда, абонентов и посещаемость Центральной библиотеки КВЖД в 1926–1929 гг.

	1926	1927	1928	1929
книги	21 168	59 552	80 000	115 000
абоненты	1 572	3 050	5 931	8 012
посещаемость абон. зала	61 381	81 296	131 394	18 171

Мы видим, что количество книг за 4 года увеличилось более чем в 4 раза, причем, в первый год существования Центральной Библиотеки ее фонды пополнились вдвое. К концу 1920-х гг. она насчитывала около 120 тыс. книг на русском и 20 тыс. на китайском языках. Численность абонентов увеличивалась ежегодно в 1,4–1,9 раза. Но, несмотря на то, что в 1926–1928 гг. посещаемость абонентского зала ежегодно росла (в среднем в 1,5 раза), люди стали в библиотеку приходить реже: в 1926 г. — по 39, в 1928 г. — по 22 посещений в год, а за десять месяцев 1929 г. — только 2,2 визита. Число выдачи книг в день превосходило 3 тыс. при средней ежедневной посещаемости в 1 тыс. чел.

При этом Центральная библиотека КВЖД действительно охватила своей популяризаторской деятельностью значительную часть населения. За 5 лет абонентов стало больше в 5 раз. Так, например, в Харбине в 1930 г. существовало 25 библиотек, которые имели всего 12–13 тыс. читателей, а фондом библиотеки КВЖД пользовалось более 8 тыс. чел. Интересно, что фактически читателей было в два раза больше (16 296 чел.), поскольку посредством анкетирования сотрудники библиотеки установили, что члены семей абонентов также читали библиотечные книги. В основном, это были служащие КВЖД — 91,7% (т. е. 7 347 чел.).

Предположим, что если (по документам ГАХК) всего на КВЖД в то время работало 20–25 тыс. чел., причем, половина из них были китайцы, то получается, что практически 70–80% русских сотрудников дороги пользовались услугами Центральной библиотеки КВЖД. Для их удобства она организовала пункты выдачи литературы прямо в Управлении. В самом Харбине библиотека охватила 98 % железнодорожников. Вместе с тем, охватить работников на линиях КВЖД

полностью ей не удалось — только 1 270 чел. пользовались услугами ЦБ КВЖД, а по данным на 1923 г. линейных служащих насчитывалось не менее 9 тыс.

Очень важно, что Центральная библиотека старалась привлечь внимание читателей к научной книге. Ей удалось добиться некоторых результатов, о чем свидетельствует тот факт, что с 1928 г. беллетристику стали читать меньше (выдача упала с 73 до 69%), а интерес к научной литературе возрос (с 10 до 14%).

Отметим, что Центральная библиотека помогала культурному сближению китайского и русского населения. В 1924 г. китайцы составляли 34%, в 1926 г. — около 43%, а в 1930-е гг. — около 50% служащих дороги. Для них с 1927 г. начал работать специальный китайский читальный зал со своим штатом служащих — весьма популярный среди китайцев.

Таблица 3. Число читателей и посещений китайского отдела в 1927–1929 гг.

	1927	1928	1929
абоненты	81	241	57
посещения	843	1682	4350

Если судить по таблице 3, количество читателей за год существования китайского отдела увеличилось в три раза и вдвое увеличилось количество посещений. В 1927–1928 гг. китайцы приходили в библиотеку 6–10 раз в год. Для сравнения, численность абонентов-россиян увеличивалась ежегодно в 1,4–1,9 раза, хотя они в библиотеку приходили чаще: в 1926 г. — по 39, в 1928 г. — по 22 посещений в год. Несмотря на то, что после событий 1929 г. читателей стало намного меньше, приходить в библиотеку они стали гораздо чаще: в среднем на 1 чел. приходилось по 76–77 визитов в год..

Сам отдел в 1927 г. насчитывал 22–25 тыс. томов.

Таким образом, Центральная библиотека КВЖД играла систематизирующую роль в функционировании исследовательских учреждений русского Харбина. Для востоковедов, как нам представляется, было важно направление в ее деятельности по составлению библиографий по ориентальной литературе. Это было важно в условиях Маньчжурии, удаленной от центров академического востоковедения. Концентрация книг по востоковедению облегчала работу исследователей. Сотрудниками отмечалось, что их фондом пользовались многие преподаватели Юридического Факультета и Института Ориентальных и Коммерческих наук. В то же время библиотека оказывала влияние на повышение культурного уровня не только русских, но и китайцев, приобщая их к чтению (бесплатно). И в ее стенах происходило общение представителей русской и китайской наций.

Э. В. ОСИПОВА
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ВЕДОМСТВЕННЫЕ ТЕАТРЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Возникновение театров этого типа относится к концу 1920-х — началу 1930-х годов. Театры Советской Армии и Военно-морского флота — профессиональные драматические театры, находящиеся в системе Министерства обороны. До 1946 г. они назывались театрами Красной Армии. Сеть военных театров изменялась по мере реорганизации войск. В настоящее время на территории РСФСР их насчитывается шесть, два из них находится в Приморском крае: драматический театр Краснознаменного Тихоокеанского флота в г. Владивостоке и драматический театр Краснознаменного Дальневосточного округа в г. Уссурийске. Эти театры создавались практически в одно время, разница в возрасте составляет 5 лет.

Первым появился театр Тихоокеанского флота. В связи с агрессией империалистической Японии в Маньчжурии (1931 г.) ЦК партии и Советское правительство приняли решение о создании морских сил на Дальнем Востоке (созданы 13 апреля 1932 г.), которые в январе 1935 г. были переименованы в Тихоокеанский флот. В числе первых посланцев старейших флотов страны прибыли во Владивосток и артисты будущего Краснофлотского театра Тихоокеанского флота.

Идея создания Краснофлотского театра принадлежала начальнику Политуправления Морских Сил Дальнего Востока А. А. Булышкину — человеку огромной творческой энергии и большому любителю искусства. По его распоряжению со всего флота во Владивостокский Дом Красной Армии и Флота, который обслуживал личный состав Морских Сил Дальнего Востока, командировались матросы, старшины и офицеры, имевшие театральное образование, или из числа наиболее талантливых участников художественной самодеятельности флота [1]. Нужно отметить, что это является классическим моментом в организации театров военной системы, практически все они созданы на базе красноармейской и флотской самодеятельности. В старой книге приказов Уссурийского Дома офицеров Советской Армии за 1937 г. говорится, что существующая при нем театральная студия реорганизуется в профессиональный драматический театр, и 15 наиболее активных и талантливых студийцев зачисляются в штат армейского театра, ставшего впоследствии драматическим театром Дальневосточного военного округа.

Начальный период в истории любого театра — один из самых творчески напряженных этапов в жизни коллектива. Это период исканий, становления, удач и разочарований, овладения мастерством. Самым труднорешаемым вопросом было комплектование профессиональными кадрами. Но постепенно труппы театров пополняются опытными актерами, имеющими богатый опыт работы в театрах, актерами разных школ и направлений из Москвы, Ленинграда и других городов.

К тому же оба театра не имели своего помещения и материально-технической базы, все приходилось начинать с нуля. Театр флота был закреплен за Домом Красной Армии и Флота во Владивостоке, а армейский театр за Уссурийским Домом Офицеров Советской Армии.

Военные театры находятся в ведомстве Министерства обороны и не имеют никакого отношения к Министерству культуры. Эти театры подчиняются уставу военного приказа, и вся совокупность государственных постановлений, регулирующих и направляющих организацию и ведение театрального дела гражданского театра не имеет к ним никакого отношения. Они существуют по своему специальному Положению о драматических театрах Советской Армии и Военно-морского флота, в котором четко обозначена главная задача творчества армейского театра: *«В своем творчестве армейские театры должны неуклонно следовать принципам социалистического реализма, глубоко отображать жизнь советского народа и его Вооруженных сил, воспитывать у зрителя высокий художественный вкус»* [2]. Специфика военного театра предполагает особое направление в репертуаре. Основное место в репертуарах этих театров занимают пьесы, посвященные воинам Армии и Флота, пропагандируют идеи патриотизма и воинского долга.

За короткий срок, в течение одного месяца, режиссер флотского театра А. И. Лавров поставил спектакль «Флот в песнях» Вс. Вишневского, с которым в конце ноября 1932 г. Краснофлотский театр выехал с агитгруппой Морских Сил Дальнего Востока к шефам в Западно-Сибирский и Восточно-Сибирские края. Армейский театр ДВО с первых шагов проявил себя как коллектив, не боящийся трудностей и смело берущийся за решение сложных творческих задач. Под руководством молодого в то время режиссера Ю. Б. Щербакова осуществил постановку пьесы «Человек с ружьем», в которой сам режиссер играл роль Ленина. Постановка пьесы явилась крупным творческим событием. Необходимо заметить, что впервые образ Ленина на сценах Сибири и Дальнего Востока был сыгран именно в этом театре. Так ведомственные военные театры начали свою творческую деятельность на Дальнем Востоке. Нужно оговориться, что на Дальнем Востоке недолгое время действовал еще один военный театр — Южно-Сахалинский театр Красной Армии, который достоин упоминания, но не имеет богатой творческой истории, подобной тем, что мы имеем по театрам КДВО и ТОФ. Конечно, на первых порах театрам недоставало опыта и профессионального мастерства, но с поставленной задачей вдохновителя патриотических чувств в своих зрителях они справлялись. Спектакли о революции ставили тогда все театры, причем весьма характерно, что для многих коллективов и художников трудной, противоречивой судьбы именно тема революции явилась основой идейного вооружения. «Оптимистическая трагедия», «Первая конная» Вс. Вишневского, «Разлом» Б. Лавренева, «Мятеж» и др. Труппы театров на первых порах были настолько загружены выступлениями и гастролями, что для репетиций времени практически не оставалось и поэтому репертуар очень медленно пополнялся новыми постановками. Однако уже в 1936 году флотский театр отчитывается 5 новыми пьесами за театральный сезон, постепенно обращаются к русской классической драматургии [3]. За 4 года только в Доме Красной Армии и Флота

им. Я. Б. Гамарника театр показал 123 спектакля и дал 45 концертов для моряков [4]. В конце 1930-х годов отмечается рост популярности зарубежной пьесы (К. Гольдони, Ж. Мольер, О. Бальзак и др.).

В 1941 г. началась Великая Отечественная война. Театр флота был на летних гастролях в городах Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре. Из Политуправления флота был получен приказ — вернуться во Владивосток. Театры ставят перед собой новую важнейшую идейно-политическую боевую цель — всеми имеющимися средствами художественной пропаганды разъяснять воинам-дальневосточникам и трудящимся Дальнего Востока стоящие перед ними задачи по защите социалистического Отечества. Военному театру следовало еще теснее связаться с армейской массой, стать боевым соратником, найти свое почетное место в боевом строю. Основная масса служащих театров после объявления о начале войны подала заявления с просьбой направить их на фронт. Руководству обоих театров пришлось немало потрудиться, чтобы доказать, что присутствие их на Дальнем Востоке не менее важно и не менее ответственно, чем участие в боевых действиях.

Перед драматургией и театром встали новые задачи. Героическая тема, героический пример, героический характер должны были главенствовать на сцене. Театрами создается новый репертуар, отвечающий новым задачам театра. Оба театра включают в репертуар пьесу К. Симонова «Парень из нашего города». Необходимо учитывать сложное психологическое состояние режиссеров и актеров в первый год войны. Должен был миновать тяжелый 1941 год, чтобы до конца развеялись иллюзии и стала по-настоящему почетной долгая и упорная борьба. Коллектив флотского театра разделился на две фронтовые бригады и в ноябре 1941 года выехал обслуживать военные части Дальневосточного фронта, в Дом офицеров Армии и Флота они вернулись только весной следующего года. Театр КДВО так же, разделившись на бригады, выезжал в войска. Бригадам приходилось выступать по 10–15 раз в день.

В 1942 г. были написаны три лучших пьесы времен Великой Отечественной войны — «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Нашествие» Л. Леонова, все эти пьесы и многие другие пьесы военной тематики заняли прочное положение в репертуаре военных театров Приморского края периода Великой Отечественной войны. В годы войны театры не переставали работать и над классическими произведениями. Ставились: М. Горький, А. Островский, А. Гоголь, Г. Ибсен и др. Но основное внимание театр продолжал уделять героико-патриотическому репертуару.

В августе 1945 года, когда было объявлено о вступлении в войну с Японией, театр ДВО выезжает на обслуживание войск первого Дальневосточного фронта в Маньчжурию и Корею, а театр ТОФ выехал на границу в авиационные части флота, и еще одна бригада этого театра отправлена в Корею, где дала 34 концерта и выступила во многих городах освобожденной страны [5]. За участие в этих акциях многие работники театров были награждены орденами и медалями.

После окончания войны, в 1946 году, демобилизовались военнослужащие актеры, прослужившие в военных театрах 10 и более лет. Напомним, что изначально штат театров был укомплектован в основном из военнослужащих актеров,

призванных на флот и в армию после окончания институтов или призванных во время Великой Отечественной войны. В 1948 г. произошла реорганизация в штатном расписании. Новый штат военного ведомственного театра предусматривал набор в труппу только гражданских лиц, за исключением начальника театра. В связи с реорганизацией штатов резко встал вопрос обеспечения актеров жильем. Если военнослужащие актеры жили в казармах и кубриках, то гражданским актерам нужны были квартиры. Город Владивосток не мог в послевоенное время решить жилищную проблему актеров театра ТОФ, приглашенные из западных районов страны актеры ютились в общежитиях казарменного типа. В таких условиях, работал и обслуживал личный состав флота по всему Тихоокеанскому побережью, включая Сахалин и Камчатку. Чтобы сохранить театр в сложившейся обстановке, командование и Политическое управление флота решило перебазировать театр в г. Советская Гавань. Проблема помещений для работы и жилья для работников театра решилась. К тому же, флотский контингент обширных северных районов, включая и Советскую Гавань, не имели своего театра. Театр ДВО сохранил за собой базовое месторасположение и существует в г. Уссурийске по настоящее время.

В мирное время 1960–1980 гг. военные театры продолжают выполнять свою главную задачу — искусство было призвано играть особую роль в формировании мировоззрения советского человека, его идейной убежденности. Бесчисленные Постановления ЦК КПСС о дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы настойчиво требовали решения одной и той же задачи: создания *«...новых значительных произведений литературы и искусства, талантливо отображающих героические свершения советского народа, проблемы развития социалистического общества...»* [6]. Однако театр ДВО все же имел серьезные нарекания за отсутствие твердой позиции по выполнению решений партии и правительства в области искусства, особенно искусства военного. В 1950-е гг. театр показал зрителю такие «идейно-порочные, малохудожественные» пьесы, как «Чрезвычайный закон» и «Жестокий романс». Сейчас мы можем говорить, что режиссером Ларским, отдавшим этому театру более 25 лет, были совершены попытки нового подхода к осуществлению репертуарной политики. Случай, конечно, по тем временам, исключительный. В основном же театры придерживались своей линии; формировали общественное и политическое сознание, коммунистическое мировоззрение своих зрителей, содействовали воспитанию их в духе преданности Родине.

Темы войны и фронтового подвига постоянно присутствовали на сценах театров, особенно в послевоенные годы. Например, за военное и послевоенное время на сцене театра ТОФ поставлено свыше 90 спектаклей о войне. В театральные афиши военных театров прочно вошли имена К. Симонова, А. Корнейчука, Л. Леонова, А. Штейна, Б. Васильева, А. Салынского и др. Во время гастролей театра ТОФ во Владивостоке, Политическое управление флота по достоинству оценив успехи театра, сделало замечание по репертуару: отмечено отсутствие спектаклей о современной жизни военно-морского флота, а так же постановок русской и зарубежной классики. Театр КДВО избегал крайности в выборе репертуара, кроме армейской тематики ставились спектакли отечественной и зарубежной классики. Событием

в жизни театра этого периода стали постановки спектаклей: С. Смирнова «Крепость над Бугом» — о бессмертном подвиге защитников Брестской крепости и премьера спектакля «Порт-Артур» Степанова, которая состоялась в самом Порт-Артуре. Премьера «Порт-Артура» громко освещалась в советской прессе.

Интересен тот факт, что после окончания войны театр КДВО еще около 15 лет гастролировал в КНР и Северную Корею для обслуживания гарнизонов и советских войск, оставшихся на территории Китая и Северной Кореи. Часто подмостками служили палубы корабля, матросский кубрик, борт грузовика, а то и просто поляна.

В дальнейшем возможности заграничных гастролей для театров военной системы стали весьма ограниченными, в основном они совершались с целью обслуживания находящегося контингента советских войск на территории стран социалистического лагеря. Это — Чехословакия, Монголия, Польша и ГДР. После развала социалистической системы и вывода войск с территорий этих государств заграничные гастроли практически прекратились.

Тема афганской войны заслуживает особого внимания. Артисты театра КТОФ ездили с гастролями в Афганистан и выступали перед воинами-интернационалистами, причем порой попадая в серьезные переплеты военных действий. Спектакль об афганской войне поставил армейский театр, расширив героико-патриотическую тему репертуара. Спектакль «Баллада о десанте» по пьесе Ю. Яковлева, поставленный театром КДВО, воссоздал атмосферу афганской войны с предельной достоверностью и точностью. Постановка пьесы получила всесоюзную известность, афганская тема была поднята впервые в стране. От сюжетной пьесы Яковлева осталось немногое, источниками послужили воспоминания очевидцев, заметки из прессы и пр. При подготовке постановки творческую группу консультировал герой Советского Союза Р. С. Аушев. Нужно сказать, что стремление к точности, к соблюдению исторической достоверности отличает этот театр. В 1970-е гг. при постановке спектакля «Посеешь ветер...» Э. Пашнева и Г. Дроздова речь идет о спектакле-разоблачении антисоветской пропаганды маоистского руководства КПК и КНР, постановщики вынуждены были обратиться за консультацией к известному советскому историку, доктору исторических наук Д. В. Соловьеву [7]. За этот спектакль Б. А. Светличный, нынешний режиссер театра (с 1986 года), был отмечен Министерством культуры СССР и Главным управлением СА и ВМФ, награжден серебряной медалью им. А. Д. Попова. За свою историю театр КДВО прошел немало этапов творческого развития. Еще одним таким этапом можно назвать сложнейшую постановку спектакля «Десант» (Чечня на рубеже веков) — когда главным считаются не высокопарные слова о патриотизме, а подлинная правда, не приукрашенная ничем. Премьера спектакля состоялась в день 65-летнего юбилея театра.

В отличие от театра ТОФ, армейский театр имеет сложившийся высокопрофессиональный, зрелый коллектив. В нем трудятся 7 артистов высшей категории, 1 заслуженный и 1 народный артист Российской Федерации, возглавляет театр заслуженный деятель искусств РСФСР. Актерский штат небольшой, насчитывает 28 единиц. Актеры в этом театре работают по многу лет, например, А. С. Костров , заслуженный деятель искусств, на протяжении почти 50 лет являлся главным

художником театра, начав свою деятельность в театральной студии. Флотскому театру повезло меньше. После распоряжения Политуправления ТОФ отправить театр в г. Советскую Гавань сильный творческий коллектив за 40 лет постепенно пришел в упадок, растеряв своих актеров и почти утратив творческий потенциал. Городские власти Советской Гавани совершенно игнорировали присутствие в городе ведомственного театра, его творчество мало интересовало муниципальные власти, хотя другого театра в городе до сих пор нет. Проводились театральные недели в профсоюзных Домах культуры — залы оставались полупустыми. Зато гастроли театру удавались всегда, они к ним тщательно готовились и демонстрировали свое творчество не только на Дальнем Востоке, но и в Москве, Ленинграде, Таллине и других городах [8]. Только во второй половине 1990-х годов театр вернулся в Приморскую столицу (по распоряжению командующего Тихоокеанским флотом). Ему пришлось практически создаваться заново, во Владивосток прибыли только начальник и главный режиссер театра. В 1996 году состоялось открытие театра премьерой, посвященной 300-летию российского флота. Спектакль «Крейсера», посвященный юбилею, поставлен главным режиссером театра Свиридовым В. Ф. по роману В. Пикуля. А заняты в нем были выпускники института искусств, которые всем курсом пришли в один коллектив и составили труппу нынешнего театра [9].

Военный ведомственный театр — специфическое культурное учреждение, его современное бытование и функционирование в городской среде происходит по отличному принципу от обычного городского театра. Процесс демократизации общества и смена экономической модели в стране мало что изменили в жизни военных театров. Только обострилось противоречие между старыми подходами в организации управления ведомственным военным театром и новыми реальностями. Военный театр страны продолжает жить по прежнему Положению о театре СА и ВМФ. Если художественно детерминированные условия деятельности в профессии значительно не меняются, театр военный остается военным в классическом его понимании (т. е. основное его предназначение остается прежним — он обслуживает личный состав армии и флота), то социально-психологические ориентиры театральных деятелей (режиссеров, актеров и др..), эстетические и общественно-политические взгляды аудитории в связи с устранением идеологического и появлением экономического прессинга меняются существенно. Этим изменениям вынужден подчиниться и театр военный. Наблюдается постепенный отход от идеологической пьесы, хотя бережно сохраняется замечательное направление в обоих театрах — патриотическая пьеса. Немного статистики: из 12 названий постановок, заявленных в театре КДВО на 2001 год, только 3 принадлежат военно-патриотической тематике, остальные — современная зарубежная и русская драматургия лирико-мелодраматического содержания [10]. Это естественно: зритель, ориентированный на ценности массовой культуры также должен найти свое место в этих театрах. Театр существует в определенном городе и необходимо считаться со сложными процессами в системе «театр-зритель». Сложнее в этом смысле приходится флотскому театру, он работает в городе, где функционируют еще два драматических театра. Также для небольшого по численности населения г. Уссурийска (около 200 тыс.) наличие двух драматических театров осложняет задачу завоевания своего зрителя. Цены на представления ведомственных театров ниже цен городских муниципальных, им не позволено заниматься какой-либо коммерческой деятельностью в силу принадлежности военной системе, где коммерция противоестественна. Оба театра не имеют собственной сценической площадки, для работы им предоставлены концертные залы городских Домов офицеров (флота и армии), сцены которых не приспособлены для театрального представления, прежде всего в силу акустических возможностей.

Таким образом, мы можем утверждать, что военные ведомственные театры, имеющие такую интересную и продолжительную историю своего творчества и обладающие едиными художественными корнями с театрами муниципальными, существенно отличны в аспекте социально-экономического функционирования в силу своей принадлежности военной системе и изначального предназначения.

Примечания

1. *50 лет в боевом расчете флота. Владивосток, Политуправление ТОФ.*
2. *Боевое Знамя, Уссурийск, 1987 г., 14 февраля.*
3. *Театр в цифрах // На боевой вахте. Владивосток, 1935, 21 октября.*
4. *Там же.*
5. *50 лет в боевом расчете флота. Владивосток, Политуправление ТОФ.; Драматический театр Дальневосточного военного округа. 1937–1962 гг. Хабаровск, 1962.*
6. *О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г., М., 1979, с. 15*
7. ***А. Черняевский.*** *Разоблачение // Ленинский путь, 1979, 12 мая.*
8. *С флотом вместе // На страже Родины, 1985, 13 марта.*
9. *Счастливого плавания, театр ТОФ! // Владивосток, 1996, 26 июня.*
10. *Репертуар театров Приморского края с 1993 по 2001 гг.*

И. В. СЕМЕНОВА

Приморский государственный объединенный музей имени В. К. Арсеньева

ТРАДИЦИИ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ В ПРИМОРЬЕ

Календарная обрядность — неотъемлемая часть жизни любого традиционного общества. Рассматривая функции календарных обрядов, В. Я. Пропп высказывается в пользу «трудовой» теории, в соответствии с которой обряды служат производственным целям [5, 39]. По его мнению, ритуал обращен в будущее. Этой

же продуцирующей концепции придерживается и русский этнограф Д. К. Зеленин. В более поздних научных трудах, посвященных ритуалу, обрядовое действие рассматривается со стороны ориентации на прошлое. Так, в работах В. Н. Топорова прослеживается мысль о том, что ритуал был средством, с помощью которого мир, пришедший в упадок к концу очередного цикла, мог быть обновлен и усилен. Сходным образом относительно природы календарного ритуала высказывается А. К. Байбурин [1].

Воспроизводство и соблюдение календарных обрядов первопоселенцами Приморья обусловливалось рядом причин, среди которых основными, на наш взгляд, были следующие: потребность в поддержании традиционного мировоззрения с целью создания устойчивой почвы для существования в незнакомом крае; необходимость освоения нового природного пространства, «делания» его своим. Последнее осуществлялось, несомненно, хозяйственными методами, но и воспроизводство традиционных ритуалов играло в этом процессе не последнюю роль. Календарные обряды, которые совершались в Приморье, лежат в русле общеславянских традиций, распространенных в европейском регионе. В Дальневосточном крае также поминали предков, готовили обрядовую еду, поддерживали культ растений, рядились, гадали, устраивали игрища, пели поздравительные, заклинательные, хороводные обрядовые песни, производили другие действия.

В настоящем очерке рассмотрим лишь две составляющие ритуального обихода приморских крестьян — традиции ряженья и гадания. Обычай рядиться на свадьбу в данном случае затрагиваться не будет. Материалом для работы послужили сведения, почерпнутые в экспедициях лаборатории славянского фольклора и этнографии ПГОМ имени В. К. Арсеньева в различных районах Приморья от украинцев, белорусов-черниговцев и русских (старообрядцев).

Одним из универсальных компонентов ритуального поведения Л. М. Ивлева называет ряженье [4, 78]. Действительно, маскирование прочно внедрилось в обрядовую систему и устойчиво функционирует до наших дней. Основным средоточием окрутничества у восточных славян были святки. В Приморье, помимо святок, рядились на масленицу и в послепасхальный период. В XX веке маскирование рассматривалось крестьянами как забава, игра, возможность отвлечься от монотонной череды будней. Подобное толкование ряженья некоторыми русскими этнографами оспаривал В. Я. Пропп, отмечая, что святочное ряженье — отнюдь не маскарад, а гораздо более сложное явление [5, 120].

Святочное переряживание в Приморье ограничивалось рамками праздничных дней, в большинстве случаев оно начиналось в канун Рождества и завершалось перед Крещением. Маскирование, распространенное повсеместно, было представлено универсальными типами ряженья. Среди них наиболее часто встречающиеся: «цыгане», «старики», «женщины — мужчины», «мужчины — женщины», «животные», то есть антропоморфные и зооморфные персонажи. Пользуясь классификацией А. К. Байбурина, определим основной круг ряженых, характерных для приморских сел: 1. животные (козел — коза, медведь, волк, кабан, журавль); 2. представители мира мертвых (старик, старуха); 3. «нечистая сила»

(черт, баба-Яга, пжало); 4. представители иных социальных и этнических групп (нищие, барыня, цыгане, рочёны, китайцы, корейцы).

В этнографической литературе обычно выделяют две формы ряженья на святках. Одна из них связана с колядованием и обходом дворов, другая — с традицией святочных посиделок. Для Приморья наиболее типична первая из них, вторая распространена в основном среди старообрядцев.

Не ставя перед собой задачу описать все типы ряженых, высветим лишь отдельные персонажи, свойственные восточнославянским народам Приморья. Излюбленным «героем» рождественских обходов у белорусов, украинцев, черниговцев была «коза» («козел»). Козой окручивался молодой парень. На него одевали вывернутую овчинную шубу, руками он держал сделанную голову с деревянными или соломенными рогами, дополняли маску льняная борода и колокольчик. В некоторых случаях коза являлась одним из ряженых персонажей в компании обходчиков (славильщиков, колядовщиков), в других — становилась главным действующим лицом игрового обрядового сюжета, иллюстрируемого песней (например, «Мы идем, идем и козу ведем...»). По ходу «спектакля» коза прыгала, танцевала, падала, умирала, оживала, её угощали. Козе издавна приписывалась сила, вызывающая плодородие, на что указывают исследователи, в том числе В. Я. Пропп [5, 59], поэтому так желанна она была в любом доме. Всюду козу и сопровождавших её лиц старались щедро одарить, чтобы и самим в этом году иметь достаток и благополучие в доме.

Среди других святочных масок хотелось бы выделить наиболее характерные для Приморья типажи ряженых в представителей иных этнических групп. По нашим наблюдениям, для славян было свойственно маскироваться под иноязычные народы, живущие по-соседству. Так, приехавшие с Украины рассказывали, что на родине было принято рядиться в евреев, которые в то время жили в украинских селах. После переселения на Дальний Восток принцип переодевания в чужих, в инородцев, проживающих поблизости, сохранялся, изменились только национальные типы, показывающие новое иноязычное окружение. На юге Приморья, где проживали корейцы и китайцы, привычными ряжеными персонажами стали представители этих народов. В северных районах, в местах расселения коренного населения (удэгейцев, нанайцев, орочей), широко распространилась маска «рачёнов», как их там называли. Украинцы, проживающие в Красноармейском районе, сообщали, что маску «рачёна» делали из бумаги или картона, вырезая в ней отверстия для рта и глаз. Собственно маску мог заменять кусок ткани, которым завешивалось лицо.

В целом, переряживание в обозначенные или иные типы масок считалось делом греховным. Но «нечистоту», грех окрутничества способна была смыть крещенская вода, поэтому так широко применялось в день Богоявления омовение в проруби.

Масленичная форма ряженья, по сравнению со святочной, в Приморье выглядит достаточно скромно. Круг масок сужается до минимума. Такая картина характерна и для других региональных традиций. Вероятно, не без оснований В. Я. Пропп предположил, что масленичное ряженье в целом является

заимствованием и перенесено со святок. С ним солидарна и В. К. Соколова, полагая, *«что ряженье не было исконным элементом масленичной обрядности (каким оно было на святках), а появилось позднее и только в отдельных местах»* [8, 49–50]. Тем не менее, вопрос этот до сих пор не получил достаточно ясного освещения. Некоторые сомнения во вторичности масленичного ряженья высказала Л. М. Ивлева. Она указала на определенные отличия окрутничества на святки и масленицу, среди которых — разное время отправления обрядов с участием ряженых. В отличие от святочного маскирования, совершавшегося вечером, для масленичных эпизодов характерно дневное время [4, 108]. Конкретизируем некоторые моменты масленичного переряживания, встречающиеся в Приморье.

Далеко не везде и не у всех групп славянского населения было принято маскироваться на масленицу. Например, у староверов ряженье в этот период, как и в другие календарные сроки, кроме святок, отсутствовало (мы не берем во внимание фрагменты свадебного переодевания).

Сведения, полученные о масленичном гулянии от украинцев, далеко не всегда содержат информацию о ряженье. Наиболее константным типом масленичного переодевания для них являются «цыгане».

Женщины, приехавшие из Красногорского района Брянской области, также отмечают привычку рядиться в цыган. Этот обычай был у них настолько распространен, что сам праздник масленицы получил название «цыганки». Данная традиция не наблюдается у так называемых черниговцев, приехавших из этого же региона гораздо ранее (напомним, что в 1927 году интересующие нас районы Черниговской области отошли к Брянской). Вместе с тем, у них встречаются любопытные сообщения о других эпизодах масленичного ряженья. Так, известен случай разыгрывания комической сценки с участием «врача», а также элементы обрядового маскирования во время катания на лошадях, когда скрипача, с повязанным на голову платком, садили в пустую бочку, стоящую на телеге (с. Соколовка Чугуевского района). Итак, обычай рядиться на масленицу нельзя признать устойчивым и широко распространенным в Приморье.

Еще более редки случаи обрядового переодевания в весенний период. Исключительными можно считать фрагменты ряженья в «старика» и «старуху» («барыню») во время разыгрывания хоровода «Старец», который бытовал у белорусов и черниговцев (с. Николаевка Михайловского района, с. Ястребовка Партизанского района). Описывая обряд вождения «Стрелы» в Брянской области, Н. М. Савельева отмечает, что ряженые «дед» и «баба» были обязательным атрибутом праздника. Они собирали дань со всех, кто попадался навстречу. Приморский материал выявляет несколько иные функции этих персонажей. Так, ястребовский «старец» в свободной форме показывает то, о чем скажет «барыня» (толчет табак, парится в бане и т. д.), а в заключение колотит всех участников игры палкой. Поведение «старца», несомненно, говорит об аграрной, продуцирующей направленности его действий.

Подытоживая разговор о ряженьи, отметим некоторые особенности этой составляющей восточнославянской обрядовой системы, которые стабильно сохраняются в Приморье.

Маскирование достаточно условно. Для этого не требуется точно копировать изображаемый персонаж, поэтому человек, одевшийся, например, в вывернутую шубу, может представлять и козу, и медведя, и волка, и черта и кого-либо другого. Вообще, вывернутость, перевернутость одежды (не только верхней) можно считать типичной чертой наряда окрутников. Переиначив таким способом обычное одеяние, «наряжохи» (как их называли старообрядцы) получали ритуальный наряд.

По мнению А. К. Байбурина, для ряженья актуальна также идея старого. Это проявляется в наличии непременных участников ритуала — «старика» и «старухи», а также в использовании в наряде «старцев» и других персонажей одежды старой, ветхой, изношенной, что, по мысли автора, указывает на состояние мира в целом. Немаловажно в обрядовом контексте и поведение ряженых. С одной стороны, они стараются остаться неузнанными, поэтому молчат, либо меняют (маскируют) голос, а с другой — ватага ряженых, а одиночные личности не типичны для обрядового переодевания, создает неимоверный шум, извещая жителей об их приближении. Суета, гам, неограниченная свобода в движениях и действиях сопровождали пребывание ряженых в избе (хате), о чем мы писали ранее [7].

Еще одним важным компонентом обрядового поведения являются гадания. Хотя основная «вспышка» гаданий, как и ряженья, приходится на святки, это не единственный период в году, когда можно было с успехом узнавать о своей доле. Время наиболее «сильной» и достоверной ворожбы оказалось в прямой зависимости от дней солнцестояния. Святочные гадания берут начало от зимнего солнцеворота, летние, совершаемые на Ивана Купала — от летнего. Поскольку гадание можно рассматривать как «ритуал, направленный на контакт с потусторонними силами с целью получения сведений о будущем» [2, 12], то время его отправления не выглядит случайным. По верованиям крестьян, в эти порубежные дни активизировались представители иного мира. А. К. Байбурин уточняет, что гаданиям отведено особое время — канун праздников (Рождество, Новый год, Крещение, Иван Купала), *«так как канун не столько последний день, завершение определенного периода, сколько начало обряда»* [1, 124]. Наиболее благоприятное время ворожбы в суточном цикле — вечер, ближе к полуночи.

Закономерен и выбор места для гаданий. Прежде всего, это границы «своего» и «чужого» мира — порог дома, калитка, край деревни, дорога, перекресток, вода, колодец; а также места обитания нечистой силы — баня, подполье, хлев и т. п.

Все сказанное справедливо и по отношению к традиции гадания, существующей в Приморье. Небольшим дополнением выглядят сведения из Спасского района, сообщающие, что гадания начинались на Андрея Первозванного, 13 декабря по нов. стилю (с. Славинка, украинцы). Это была своего рода репетиция перед основными ворожейными днями на святки.

Попытаемся систематизировать известные нам разновидности святочных гаданий, встречающихся в Приморье. Классифицировать их можно по-разному: по составу участников (индивидуальные — коллективные, однородной — смешанной компанией), по преследуемой цели, по месту отправления и т. п. Но в данном

случае воспользуемся типологией, которую приводит В. Я. Пропп [5, 117]. Это — гадания, основанные на принципе жребия, гадания сном, гадания зрительными образами, гадания слуховыми образами. Обозначим некоторые из каждого типа.

С помощью слуха могли ворожить, стоя на мусоре, за калиткой, прислушиваясь в какой стороне залает собака — «туды и замуж пойдешь». Слушая под окнами хаты (избы), загадывали, какая семейная жизнь сложится — спокойная или скандальная. По поводу этой разновидности ворожбы черниговцы уточняли, что гадать лучше под Крещение и обязательно стоя с первым блином в руке. Использование во время гадания продуктов питания рассматривается Л. Н. Виноградовой [2] и А. К. Байбуриным как реализация идеи обмена, когда «гадающий „отсыласт" в сферу чужого те или иные предметы (продукты, пищу), а взамен „получает" необходимые сведения» [1, 125].

Одно из хрестоматийных и широко известных у населения Приморья — гадание на зеркале (зрительными образами), когда нужно смотреть в зеркальное отражение кольца, лежащего на дне стакана. Для большей достоверности старообрядческие девушки ворожили в подполье, снимая с себя крест, пояс, распуская волосы — «к черту садилась». С этим видом гадания связан ряд запретов — нельзя было моргать, двигаться, говорить. Последнее, кстати, относилось почти ко всем типам гаданий и вызывало, по словам информантов, немало курьёзных случаев с домашними. В молчании, в остановившемся, неподвижном взгляде гадающей, по выражению А. К. Байбурина, как бы проявляются признаки мертвого человека, который с помощью зеркала (окна в иной мир) может видеть неведомое.

«Заглянуть» в потусторонний мир можно было и с помощью сна. На ночь ложились спать в другом месте, «замыкали» косу, выстраивали из щепок колодец, чтобы жених пришел воды напиться, пекли блин, который на ночь брали под мышку и прочее. Непременным условием исполнения ворожбы была словесная заклинательная формула, сказанная перед сном: *«Ложусь на новом месте — приснись жених невесте!»*, *«С кем век вековать — того в глаза увидать!»*, *«Суженый, ряженый, приходи наряженный!»* и т. п.

Но все-таки большинство гаданий основано на принципе жребия. Повсеместно распространенным и популярным было гадание на петухе и курице. В зависимости от вопроса, на который хотели получить ответ — «Каким будет муж?» (красавец, пьяница, работящий, драчун и т. д.) или «Как будешь с мужем жить?», оно имело два вида. В первом случае в дом запускали петуха/курицу (или обоих) и смотрели, куда клюнет: в зеркало, в воду, в пшеницу, плетку. Во втором — наблюдали за поведением петуха и курицы.

Типично русской разновидностью является гадание, связанное с баней: обнаженная девушка, пятясь задом, подходила к банному окошку — *«если мохнатой рукой [пощупает] — богатой жених, а голой — так беднай»*. Также у староверов зафиксировано гадание, исполняемое на дороге или перекрестке. Девушка с завязанными глазами раскруживалась на кочерге или метле, и по тому, куда она направится, определяли сторону, в которую выйдет замуж.

В отличие от святочных гаданий, купальские не имели столько разновидностей и были распространены только среди украинцев, белорусов, черниговцев, особо почитавших день Ивана Купала. Гадали накануне, поздно вечером, либо в сам праздник. Обряд производился с помощью сплетенных из полевых цветов венков. Их с берега бросали в воду. Существовал и более красочный способ пускания венков, рассказанный украинцами в Красноармейском районе. Девушки одевали венки с горящей свечкой, забредали в воду, поднаривали, а венки оставались на воде и продолжали самостоятельный путь. По тому, куда и как они поплывут, загадывали о будущей жизни: далеко выйдешь замуж или близко, в какую сторону (если пускали на озере), выйдешь ли замуж, умрешь в этом году. Затем венки вылавливали, если это было возможно, приносили домой и клали на вилок растущей капусты — «чтоб капуста вязалась».

В заключение отметим, что ряженье и гадание были и остаются важными компонентами календарно-обрядовой системы. С течением времени они утратили магический смысл и превратились в забаву, что и помогло им дожить до наших дней. Вместе с тем, в их основе лежат мифологические представления, составляющие суть мировоззрения архаического общества. С помощью ряженья объективировались, представали в видимой форме образы «чужого» мира, антимира (термин Л. М. Ивлевой), благодаря чему в основных годовых ритуалах, по мысли А. К. Байбурина, воссоздавалась картина временного хаоса, необходимого для обновления мира. В отличие от ряженья, которое иллюстрировало демонические силы, процесс гадания подразумевал сознательный контакт с представителями оборотного мира, попытку заглянуть в антимир, что живому человеку в обыденной жизни осуществить было бы невозможно.

Приморские материалы дают богатую почву для исследований в этой области. Хочется надеяться, что затронутую тему удастся развить и познакомить читателей с другими интересными сторонами календарно-обрядовой жизни крестьян Приморья.

Примечания

1. ***А. К. Байбурин.*** *Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.*
2. ***Л. Н. Виноградова.*** *Девичьи гадания о замужестве в цикле славянской календарной обрядности (западно-восточные параллели) // Славянский и балканский фольклор: Обряд. Текст. М., 1981.*
3. ***Л. М. Ивлева.*** *Ряженый антимир // Ивлева Л. М. Дотеатрально-игровой язык русского фольклора. СПб., 1988. С. 180–190.*
4. ***Л. М. Ивлева.*** *Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994.*
5. ***В. Я. Пропп.*** *Русские аграрные праздники. СПб., 1995.*
6. ***Н. М. Савельева.*** *Народные песни русских поселений Молдовы и Украины В. I: Песни и хороводы села Егоровка // Русская традиционная культура, 1998.*

7. *И. В. Семенова, О. В. Семенов.* *Святочные игрища и увеселения синьцзянских старообрядцев // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока: Материалы второй международной научной конференции. Владивосток, 2000.*
8. *В. К. Соколова.* *Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.*

Л. Е. ФЕТИСОВА
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ФОЛЬКЛОРНАЯ КУЛЬТУРА ПРИМОРЬЯ В XX ВЕКЕ

Фольклорное наследие составляет фундамент культуры любого народа. Не случайно, актуализация интереса к этническим истокам, наблюдаемая с последней четверти XX в., опирается именно на возрождение традиционной культуры. Многочисленные национальные диаспоры (только в Приморье их зарегистрировано более пятидесяти [1]) начинали свою деятельность с коллективного воспроизведения наиболее известных фольклорных произведений, которые служили своеобразной «визитной карточкой» этноса: русская «Калинка», немецкий «Августин», еврейская «Хаванагила» и пр.

Однако надо иметь в виду, что подлинная жизнь фольклора отличается от ее «идеологического воплощения». Без понимания действительной картины можно постоянно тиражировать ошибки прошлого. В нашем крае, как ни странно, слабее всего представлена традиционная культура титульной нации. Но при внимательном изучении данная ситуация становится объяснимой. Культурное наследие самого крупного по численности этноса России изначально состояло из множества локальных традиций, заметно отличающихся друг от друга. Термин «русский», покрывающий это культурное разнообразие, следует расценивать как политоним, объединяющий население страны не по этнической, а по государственной принадлежности. При заселении южных районов Дальнего Востока это наименование, восходящее к периоду восточнославянской общности, способствовало вторичной консолидации русских, украинцев, белорусов.

Политика создания единого культурного пространства для всей России опиралась преимущественно на профессиональные формы, которые по своей природе были интернациональными, генетически связанными с искусством Западной Европы. На консолидацию были нацелены общеобразовательные программы, создаваемые на основе русского литературного языка, имеющего метаэтнический характер. Нивелированию локальных традиций, в том числе в обрядовой сфере, способствовало

также распространение христианства, прежде всего православия, являвшегося государственной религией. Таким образом, в начале XX в. продолжалась профессионализация культурной сферы — процесс, начатый петровскими реформами.

В этих условиях поле традиционно-бытовой культуры постепенно сужалось, утрачивая прежнее разнообразие. Однако не надо забывать, что в начале XX в. Россия оставалась страной крестьянской, а освоение Дальнего Востока мыслилось как аграрная колонизация. В жизни переселенцев из разных губерний культурное наследие выполняло важную стабилизирующую функцию. Не последнее место занимало и устное творчество. Безусловно, приморский фольклор вторичен по отношению к фольклору западных регионов, однако мигранты являлись такими же законными наследниками культуры, созданной далекими предками, как и население их исторической родины.

Чтобы не утратить связи с материнскими истоками, переселенцы стремились «заповедать» фольклорное наследие. В свете вышеизложенного не должен удивлять тот факт, что на территории позднего освоения порой удается обнаружить образцы музыкально-поэтического творчества, отличающиеся большой степенью архаичности. Прежде всего это касается фольклорно-обрядового комплекса. Например, в приморской глубинке свадебный ритуал в традиционном оформлении бытовал еще в середине 1950-х годов. Причем показателем локальной специфики являлось именно песенное сопровождение, поскольку сам «сценарий» был сходным в обрядовой практике русских, украинцев и белорусов. От сельских старожилов, потомков первооснователей, удалось также получить ценную информацию о календарных праздниках. Этнические традиции лучше всего сохранили украинцы, компактно расселившиеся в сельской местности. (Не следует забывать, что украинский компонент присутствует у значительной части приморцев, даже называющих себя русскими). Вклад в общий репертуар белорусов, давших самый малый процент переселенцев, казалось бы, не должен быть значительным, но именно в белорусской редакции дошли до наших дней старые балладные песни, исполнявшиеся в весенне-летний период. Собственно русская песенность у всех групп восточных славян оказалась представленной жанрами позднего происхождения: солдатской лирикой, романсами и частушками [2].

Обращаясь к традиционной культуре, хочется еще раз подчеркнуть незыблемость ее основополагающих принципов. В устном творчестве складывалась, обретая художественную завершенность, система нравственных ценностей. В таком виде морально-этические установки легко усваивались и передавались от поколения к поколению. XX столетие ознаменовалось многократной сменой ценностных ориентиров, что коренным образом повлияло на пространство традиционной культуры. Как уже отмечалось, в начале века возобладала тенденция к установлению в быту эстетических приоритетов урбанизированного общества. Традиционный фольклор был основательно потеснен романсами и балладами, ориентирующимися на профессиональное искусство, но не поднявшимися до уровня классической поэзии. Через крестьян-отходников они оказывали заметное влияние и на жизнь русской деревни. Повсеместно можно было услышать «Разлуку», «На муромской

дорожке», «Чудный месяц», «На серебряных волнах», «Накинув плащ, с гитарой под полою» и пр. Любопытно, что в сельской местности эти произведения существовали дольше, чем в родной стихии урбанистического творчества: не до 1920–1930-х годов, а до конца 1950-х.

В крестьянской среде после 1917 г. стойкими хранителями старых традиций оставались в основном пожилые женщины. Возрастные границы репертуара, прежде открытые для наследования по восходящей линии, замкнулись на межпоколенном уровне. Интересную информацию о таком «культурном конфликте» первой половины 1920-х годов привел профессор Дальневосточного университета А. П. Георгиевский: «„Субботницы“ в Приморье — это „бабьи вечорки“. Раз в месяц или чаще женщины собирались у кого-то в доме. Усаживались за столом под образами. На столе — водка, закуска: „Лучше пусть пьем, да не бродим по всяким собраниям. Вот бабье собрание“. Пение перемежалось разговорами, воспоминаниями. Затем женщины по очереди танцевали. Позднее расходились по домам с „разухабистой песней“» [3].

Однако внимательный анализ ситуации показывает, что бытовые традиции не были утрачены полностью. Заслуживает внимания факт, что нигилистически настроенная молодежь, не принимавшая старых общественных и семейных отношений, тем не менее, сохраняла прежние формы совместного отдыха. На коллективных гуляниях, как и встарь, происходило формирование потенциальных брачных пар. Вместе с тем, оставаясь по форме традиционными, такие гуляния заметно изменились по своему «фольклорному наполнению»: резко сократилось число классических долгих песен с любовной и семейной тематикой; их место заняли короткие частушки-припевки, активно реагирующие на события современности. Эти перемены не просто были замечены старшим поколением, но восприняты как демонстративный отказ от духовного наследия предков.

В действительности же изменения в репертуаре необрядовой лирики наметились гораздо раньше. Во второй половине XIX в. собиратели фольклора писали о том, что в российских губерниях молодежь отдает предпочтение «частой песне», которая, по их мнению, не имеет художественных достоинств традиционного народного творчества. Процесс становления нового жанра пришелся на период массового переселения в Южно-Уссурийский край, и частушка, уже укоренившаяся на местах выхода мигрантов, первоначально не получила здесь широкого распространения [4]. Но со временем она заняла лидирующие позиции и в местном фольклорном фонде, чему способствовала сама природа жанра, художественная форма которого (рифмованный четырехстрочный куплет) совпадала с основным типом строфической организации в книжной поэзии. В условиях повышения общего уровня грамотности это являлось существенным фактором. Наши экспедиционные исследования подтверждают, что первое поколение переселенцев не считало частушки «настоящими» песнями, тогда как в репертуаре их детей и внуков «припевки» занимали ведущее место. Пик активности частушки совпал с периодом политических потрясений начала XX в., а к середине 1960-х годов ее популярность пошла на убыль [5].

Таким образом, XX столетие в целом характеризовалось невостребованностью фольклорного наследия. В советское время переход к воспитанию в детских дошкольных учреждениях и всеобщему школьному образованию сопровождался унификацией культурных программ. Во всех сферах жизни происходило вытеснение фольклорного начала. Типичным примером может служить репертуар профессиональных хоров, которые принято было называть «народными». Главенствующее направление в их творчестве можно определить как «ложный пафос», однако именно этот стиль получил признание на уровне государственной политики и на протяжении длительного времени определял содержание концертных программ, как профессиональных, так и любительских. В этом отношении весьма показательно творчество Марии Мордасовой. Певица с уникальным голосом, великолепный знаток воронежской фольклорной традиции осталась в памяти множества людей как автор и исполнитель фальшиво-оптимистических частушек. Подобные «номера» были обязательными для всех концертов, посвященных юбилейным датам, как в центре, так и на окраинах. Памятны они и старшему поколению жителей Приморья.

При отсутствии условий для самовоспроизведения устной традиции получили распространение вторичные формы фольклорной культуры, обозначаемые термином «фольклоризм». В отечественной науке под этим обычно понимается переработка народных произведений авторами-профессионалами [6]. В таком адаптированном виде усваивает фольклор большинство современных людей. На уровне массового сознания давно считаются народными песни «Степь да степь кругом», «Тонкая рябина» И. З. Сурикова, «Коробейники» Н. А. Некрасова, «Из-за острова на стрежень» Н. Д. Садовникова и др. Однако надо признать, что все они имели фольклорную основу и прочно вошли в общерусскую бытовую культуру только благодаря нашим замечательным поэтам. Например, изначальный текст «Степь моздокская», использованный И. З. Суриковым, вряд ли получил бы известность в Приморье.

«Пограничные» формы, возникшие на стыке народного и профессионального искусства, далеко не всеми исследователями признаются достоянием фольклорной культуры [7]. Все же, на наш взгляд, правомерно говорить о существовании фольклора разных возрастных, профессиональных и иных групп: студенческого, туристского, воинского, тюремного. Более того, он не просто бытует в узком кругу, но оказывает влияние на современную массовую культуру. Это творчество функционирует по законам устной традиции, хотя в художественном отношении следует принципам профессионального искусства.

В наши дни живут и другие фольклорные формы, с большей или меньшей глубиной исторической и художественной памяти. Одной из них является анекдот, сохраняющий основные отличительные черты устной традиции, в том числе анонимность и вариативность. Степень его популярности настолько велика, что крылатые фразы из анекдотов «получили прописку» не только на бытовом, но и на официальном уровне. Их используют в публичных выступлениях политики, журналисты, литераторы, актеры. Заслуживает внимания такая жанровая

разновидность, как политический анекдот, получивший особенное распространение при тоталитарных режимах. В Германии существовал специальный термин — «анекдоты, рассказываемые шепотом» [8]. В СССР сложилась традиция «кухонных разговоров», важной составляющей которых был обмен анекдотами. Кстати, аналогичное исполнение в коллективе было характерно для частушки: не совместное, а поочередное пение по принципу свободных ассоциаций.

Угасание фольклорной культуры — процесс закономерный, происходящий во всем мире, а не только в нашей стране, так что искусственная «ревитализация» этого явления вряд ли осуществима. Но наблюдаемое повсеместно возрастание интереса к этническим традициям также не случайно. По мнению специалистов, фольклор как искусство синкретическое позволяет снять противоречие между природным и социальным в человеке, а также достигнуть синтеза воспроизводящего и потребляющего начал, то есть максимально активизировать творческие возможности. Этот потенциал в современных условиях надо использовать «в качестве одного из способов противостояния различным видам страха, предчувствиям гибели мира и космических потрясений» [9].

Фиксация фольклорного наследия как памятника культуры на страницах печатных изданий, в виде аудиоматериалов — лишь часть работы по его сохранению. Важная роль должна принадлежать ансамблям народной песни. Фольклорные коллективы могут ставить перед собой разные задачи. Например, ансамбль «Традиция» (руководители О. Семенов, И. Семенова) при музее им. В. К. Арсеньева ведет серьезную научно-исследовательскую работу, а в своей концертной деятельности демонстрирует подлинно народную манеру исполнения. Основу программ составляют записи, сделанные в Приморском крае. Фольклорный коллектив «Покров» Русского Центра ДВГУ (руководитель А. Иванченко), также использующий местный материал, выполняет просветительскую и обучающую функции в курсе историко-культурного регионоведения. Фольклорный студенческий ансамбль, созданный С. Лебедь при Гуманитарном институте ДВГТУ, ставя перед собой обучающие и просветительские задачи, решает их на общероссийском материале.

Как видим, преемственность в сфере культуры не обязательно предполагает буквальное воспроизведение, слепое копирование. Необходима определенная корректировка с учетом новых условий. Перспективно прежде всего то направление, которое позволяет с наибольшей полнотой реализовать свое восприятие традиционной культуры и тем самым продлить ее жизнь, одновременно обогатив собственный внутренний мир.

Примечания

1. *Многонациональное Приморье: История и современность. Владивосток, 1999. С. 3.*
2. ***Л. Е. Фетисова.*** *Восточнославянский фольклор на юге Дальнего Востока России: Сложение и развитие традиций. Владивосток: Дальнаука, 1994.*

3. ***А. П. Георгиевский.*** *Русские на Дальнем Востоке. Вып IV: Фольклор Приморья // Труды ГДУ. Владивосток, 1929. Сер. III. № 9. С. 50.*
4. ***М. К. Азадовский.*** *Отчет о поездке по Амуру // Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук за 1914 год. Пг., 1914. С. 41–43; Гос. архив Амурской области. Фонд Г. С. Новикова-Даурского. Ф. 958. Оп. 1. Д. 78.*
5. ***Л. Е. Фетисова.*** *Дальневосточная частушка и некоторые прблемы истории и поэтики жанра. Владивосток, 1988. Депонир. в ИНИОН. № 306701.*
6. ***К. В. Чистов.*** *Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л.: Наука, 1986. С. 52.*
7. ***В. Я. Пропп.*** *Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 74–81; Путилов Б. Н. Современные проблемы исторической поэтики фольклора в свете историко-типологической теории // Фольклор как поэтическая система. М.: Наука, 1977. С. 17; Каргин А. С., Хренов Н. А. Фольклор и кризис общества. М., 1993. С. 126. Надо сказать, что библиографические указатели, исходя из сложившейся практики, обычно содержат разделы, озаглавленные «Современный фольклор».*
8. *Народные знания. Фольклор. Народное искусство: Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1991. Вып. 4.*
9. ***А. С. Каргин, Н. А. Хренов.*** *Фольклор и кризис общества. М., 1993. С. 120.*

И. В. СНЕЖИНА
Приморский государственный объединенный музей имени В. К. Арсеньева

ФОЛЬКЛОР В СОВРЕМЕННОМ ГОРОДЕ

Культурное пространство города с его стремительным ритмом жизни, современными технологиями обладает огромным потенциалом, но в то же время создает трудноразрешимые проблемы адаптации человека, семьи и общества к жестким, постоянно меняющимся условиям жизни. Поэтому неслучайно именно в последнее время, когда процесс урбанизации идет очень активными темпами, интерес городских жителей к своему прошлому, к опыту своих предков, к народной традиционной культуре и в том числе к фольклору особенно возрос.

Как известно, цельность традиционного уклада была существенно нарушена внедрением во все сферы материальной культуры промышленных, серийных вещей, что способствовало утрате многих важных составляющих культуры духовной. *«На протяжении тысячелетий в народной культуре складывались представления человека о мире и его мироощущение, система образов и языка, верований, народные знания и умения, обычаи и нравы, формы обрядово-праздничной жизни и фольклор»* [2, 30]. В отличие от современной урбанизированной культуры народная

традиционная культура в ее локальных вариантах обеспечивала сферу повседневной жизни людей. *«На основе традиционности не только закреплялся весь опыт практической деятельности общества, но и регулировались нормы социальных отношений (семейных, общинных, трудовых, половозрастных), всего жизненного уклада»* [2, 30]. Таким образом, народная культура давала людям эталоны, образцы поведения, взаимоотношений в любых жизненных ситуациях. В настоящее время традиционная культура постепенно вытесняется городской, уходят из активного пользования многие обычаи, обряды и ритуалы. Переменился уклад жизни, ее ритм, содержание. Сложились иные ценностные установки, эстетические критерии. *«Современные кризисные явления в социальной сфере, духовной жизни и культуре общества в большой мере оказываются следствием отчуждения новых поколений от сложившихся веками народных традиций, смещения доминант и стереотипов общественного сознания в сторону идеалов общества потребления»* [2, 31]. Одним из путей решения этих проблем может и должно быть обращение к традиционной культуре как к источнику мудрости наших предков, выявление ее художественной, этической, историко-культурной ценности.

Знакомство с традиционной культурой в настоящее время может быть весьма проблематично, поскольку существует общая тенденция к унифицированию информации о народной культуре, в частности о фольклоре. Это особенно заметно на примере всевозможных творческих коллективов, именуемых «фольклорный ансамбль». Большинство подобных ансамблей, ориентированных прежде всего на коммерческий успех, имеют очень приблизительное понятие о фольклоре, его сущности и законах. Показывая стилизованное шоу, такие коллективы обесценивают реальную традиционную культуру, формируют неверное представление о ней.

Но существуют также фольклорные ансамбли совсем иного — этнокультурного направления. Они объединяют людей разных возрастов и профессий, увлеченных общей идеей возрождения народных традиций, поскольку фольклор — это «не только величайшее культурное наследие прошлого, но и действенное средство всестороннего развития личности» [3, 4]. В подобных коллективах происходит комплексное освоение традиционной культуры, ее локальных особенностей. Современный горожанин имеет возможность познакомиться не только с музыкальной культурой, но также с обычаями и обрядами, существующими в данной области, изучить местный костюм, его символику, ремесла, причем почерпнуть все это непосредственно от носителей традиций — жителей сел и деревень. Такой подход к народной культуре, основанный на устном — традиционном способе восприятия, помогает глубоко и всесторонне исследовать ее, приобщиться к традиционным ценностям, что, в свою очередь, гармонизирует внутренний мир человека, обогащает его новым содержанием и смыслом. Словом, фольклорно-этнографический коллектив может быть одним из вариантов комплексного освоения культурных традиций наших предков.

В свете преемственности традиций особенно важно приобщение к фольклору детей, что тоже возможно через фольклорные студии. *«Современные исследователи полагают, что с погружения ребенка в стихию фольклора закладывается тот*

фундамент, на котором впоследствии формируются эстетические и нравственные идеалы» [3, 4]. Детский, игровой фольклор не просто знакомит детей с играми, считалками, дразнилками, закличками, с его помощью устанавливается межличностный, эмоциональный контакт в группе, утверждаются нормы поведения в коллективе. Кроме того, с помощью так называемых «музыкальных игр» у детей развивается вкус, творческая инициатива, формируется чувство ритма, вырабатывается пластика. Таким образом, знакомство детей с фольклором способствует воспитанию всесторонне развитой личности на основе традиционных народных ценностей.

Объединяет фольклорные коллективы этнокультурного направления Российский фольклорный союз в г. Москве, программа деятельности которого *«в целом направлена на осуществление в современных условиях преемственности связей поколений и консолидацию общества на основах традиционной культуры»* [2, 33]. Во многих регионах России открыты Дома фольклора, где ведется научно-исследовательская работа по сбору и обработке экспедиционных аудио- и видеозаписей по фольклору, проводятся традиционные вечерки, выставки и семинары, знакомящие всех желающих с различными областями материальной и духовной культуры славян, отмечаются традиционные праздники, устраиваются фольклорно-этнографические фестивали. Все это, наряду с активной деятельностью фольклорных молодежных коллективов призвано сохранить славянскую традиционную культуру в ее живом, естественном бытовании. Обращение же к традиционным ценностям, использование элементов народной культуры в повседневной жизни способствует гармоничной адаптации горожан к сложным законам современного города.

Примечания

1. ***Е. Э. Гавриляченко.*** *Молодой горожанин и традиционная культура (к постановке проблемы исследования) // Фольклор и молодежь. От истоков к современности. — М.: Российский фольклорный союз, 2000.*
2. ***А. М. Мехнецов.*** *Российский фольклорный союз — десять лет спустя // Фольклор и молодежь. От истоков к современности. — М.: Российский фольклорный союз, 2000.*
3. ***М. А. Мухлынин.*** *Игровой фольклор и детский досуг. (Методическое пособие). — М.: 1987.*
4. ***А. С. Кабанов.*** *Современные фольклорные коллективы в городе. (Методические рекомендации). — М.: 1986.*
5. ***А. С. Кабанов.*** *Перспективы фольклорного движения в современном народном творчестве. (Методические рекомендации). — М., 1989.*

Л. В. АЛЕКСАНДРОВСКАЯ
Дальневосточный государственный университет

ОТТО ВАСИЛЬЕВИЧ ЛИНДГОЛЬМ

Отто Васильевич Линдгольм, занимавшийся до сих пор китобойным промыслом в Охотском море, обосновался во Владивостоке в 1872 году, когда его имущественное положение и обширная деятельность находят признание, и он попадает в списки имеющих право голоса при выборах в первую городскую думу.

В 1973 году он основывает торговый дом «О. В. Линдгольм & К°», ставшей одной из старейших первоклассных торгово-промышленных фирм в порту. В сферу ее деятельности входили: торговля, золотодобыча, угледобыча, пароходство. Фирме принадлежали золотоносные прииски на острове Аскольд, Подгородинские угольные копи и копи на станции Океанской. Позднее управляющий фирмой купец 2 гильдии Аксель Вальден стал его компаньоном.

В 1874 году, будучи в Сан-Франциско, Отто решает продать свой барк «Тугур» после его очередного неудачного китобойного промысла. Взамен он решил построить судно по своему проекту, которое позволило бы ему осуществлять охоту на китов и торговлю на Восточно-Сибирском побережье России. В его представлении судно должно быть оснащено паровой машиной, развивающей скорость до 10 узлов. Найдя подрядчиков для постройки такого судна, а также парового двигателя и котла, Отто Васильевич отбыл в Санкт-Петербург для заключения контракта с военно-морским ведомством на поставку товаров для флота, в чем он и преуспел.

Когда он вернулся в Сан-Франциско в середине февраля 1875 года, он нашел свое судно почти готовым. Это была паровая шхуна грузоподъемностью 100 тонн. Оставалось работ на месяц, включая техническую оснащенность. Двигатель и котел уже были изготовлены и оставалось лишь установить их на борту. Судно получило имя «Сибирь». Погрузив на судно калифорнийские товары, Линдгольм повел его во Владивосток, куда благополучно прибыл в конце марта 1875 года. Здесь он заменил консульские бумаги на обычные, и шхуна стала русской по факту.

Хозяин был доволен своим детищем. «Сибирь» несколько раз ходила в Нагасаки за деньгами для Линдгольма и товаром для Владивостока под командованием капитана Виттера. Тем временем Отто Васильевич направился в Санкт-Петербург, чтобы склонить правительство разрешить ему начать регулярное пароходное сообщение между Владивостоком и Нагасаки для доставки почты и пассажиров. Ему удалось победить в конкурентной борьбе с другими претендентами на этот проект. Первоначально он предложил поставить на линию «Сибирь», а затем, по мере надобности, еще одно судно.

4 июля О. В. Линдгольм прибыл в Нагасаки, где его уже дожидалась «Сибирь» согласно его телеграфной инструкции. Возвращение шхуны во Владивосток положило начало почтово-пассажирской линии. Она прибыла во Владивосток 15 (16) июля.

В 1875 году Линдгольм располагал кредитом в 1 миллион долларов и слыл очень богатым человеком в городе.

В 1877 году шхуна «Сибирь» добыла пять крупных китов. Но Отто Линдгольму стало ясно, что дальнейший китобойный промысел вряд ли будет приносить доход. Беспощадное истребление китов иностранцами привело к резкому сокращению их численности. Он продает Тугурскую китобойную компанию и пробует силы в иных делах. Паровая шхуна «Сибирь» некоторое время продолжает охоту на китов, а затем переходит на транспортные операции вдоль русского Тихоокеанского побережья.

2 февраля 1877 года вышло постановление Думы «По вопросу о развитии в Приморской области и соседних ей водах промышленности и торговли собственно русских и прочих», единогласно принято было решение о дополнительном избрании в ее состав четырех членов, в том числе О. В. Линдгольма.

2 марта 1878 года он пишет в городскую управу заявление о том, что городу необходимо иметь во второй части бухты каменную пристань, поскольку мель у берега не позволяет большим судам швартоваться. При этом он ходатайствовал, чтобы некоторым жителям второй части города разрешалось строительство за свой счет каменной пристани на берегу против дома Морского собрания. По окончании строительных работ пристань и дороги передать в собственность города с тем, чтобы принял на себя обязательство поддерживать их в порядке до тех пор, пока не будет сооружена в том месте другая пристань, а также город примет на себя четвертую часть расходов по первоначальной постройке стоимостью до 1 500 рублей. Лицам же, участвующим деньгами в строительстве, предоставляться должно право бесплатного пользования пристанью и дорогой в течение 10 лет.

Дума и управа приняли предложение О. В. Линдгольма, и он приступил к строительству. А уже 30 мая А. Вальден сообщает о приемке пристани комиссией при некоторых рекомендуемых доделках. Теперь суда О. Линдгольма и других судовладельцев могли спокойно подходить к пристани под разгрузку и загрузку.

В 1882 году Отто Васильевич заключает контракт с военным ведомством на строительство и эксплуатацию паровой мукомольной мельницы в селе Никольском Уссурийского уезда и в том же году сдал ее в первоначальном варианте. В 1900 году местная газета «Владивосток» № 6 писала: *«Это было грандиозное четырехэтажное каменное здание с машинами, выписанными из Брауншвейга. Постройка этой мельницы обошлась владельцу в 210 000 рублей. И что же? Она влачит самое жалкое существование, пробавляясь почти исключительно заказами интенданства; между тем как хлеб выписывается из Америки и Японии готовый, перемолотый»*. К 1902 году мельница имела четыре паровых машины в 129 л. с. три паровых котла и производила до 300 тысяч пудов муки в год. Зерно закупали у крестьян Южно-Уссурийского края и Японии. Мука поставлялась в гарнизоны. Но проблемы оставались все те же. Поддержки местной администрации О. Линдгольм не чувствовал по-прежнему.

Торговый дом одним из первых начал доставлять во Владивосток нефть и осветительные масла на наливных судах, размещая их в районе 1-й Речки.

О. В. Линдгольм неоднократно сам отправлялся в далекий путь для устройства дел и заключения контрактов. Всего за период с 1869 по 1882 годы он обошел вокруг земли 13 раз.

В 1883 году Отто Васильевич в числе других людей был приглашен на конгресс деловых людей Дальневосточного региона в Хабаровск. Инициатором его стал новый генерал-губернатор А. Н. Корф. Однажды за чашкой чая генерал-губернатор предложил Отто Васильевичу послать свою шхуну «Сибирь» на Камчатку и Чукотку, чтобы взять торговлю с местным населением в свои руки. О. Линдгольм принял предложение, но выдвинул два условия:

1) Основную часть торговли должен был составлять русский алкоголь, чтобы вытеснить рекой льющийся там американский ром;

2) Послать в экспедицию одного из адъютантов генерал-губернатора, чтобы он стал беспристрастным свидетелем экспедиции.

Барон А. Н. Корф условия принял и предложил О. Линдгольму самому выбрать адъютанта для этой цели. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Тот год и последующий были особенно насыщенными разного рода делами. Он занимался регулярной доставкой товаров широкого потребления во Владивосток из-за границы. Он также строит новую судоверфь для военно-морского ведомства и новый морской госпиталь. Помимо этого он возводил по заданию военно-морского ведомства два маяка: в устье реки Суйфун и на западном входе в пролив Босфор, для чего на «Сибири» подвозил щебень, строительный камень и кирпичи со своих заводов.

В начале лета 1884 года судьба свела его с контр-адмиралом С. О. Макаровым, прибывшим во Владивосток с Тихоокеанской эскадрой. Однажды он был приглашен контр-адмиралом вместе с другими известными людьми города на большой обед. Когда разнесли шампанское, Степан Осипович с поднятым бокалом произнес речь о том, что среди его гостей находится человек, показавший ему в юности путь к великому: в 1863 году он имел честь по заданию Николаевского мореходного училища переводить труд этого морехода о течениях в Охотском и Японском морях, об образовании и движении льдов с течениями на юг. Эта работа показала ему, чем должен заниматься настоящий моряк. А человек этот — Отто Васильевич Линдгольм.

Шел 1885 год. Молодой Владивосток развивался быстрыми темпами. Интенсивно рос транспортный и рыболовный флоты. Моряки все чаще уходили далеко от родных берегов, но не слишком далеко, чтобы освоить богатства русского севера. Сведения о русских северо-восточных землях, богатых пушниной, оставались туманными и отрывочными. Они ограничивались той информацией, которая поступала из донесений военных кораблей, достигших северных оконечностей континента. Не было даже точной карты побережья Камчатки и Чукотки. Перед военными моряками стояла обычно узкая задача — охранять российские воды, что не позволяло им вплотную заняться изучением жизни местного населения. И О. Линдгольм решился. Целью экспедиции он ставил изучение жизни и быта аборигенов, возможность установления с ними постоянных торговых

контактов, а также навигационные, гидрографические и метеорологические наблюдения по ходу следования до Берингова пролива. Так обычная коммерческая экспедиция превратилась в солидное научное предприятие.

Для экспедиции О. В. Линдгольм подготовил шхуну «Сибирь», а командовать ею доверил своему старому соратнику Фридольфу Геку. Экипаж собирали из пригодных к такому делу и знающих свое дело людей. Судно вышло из Владивостока 7 мая 1885 года и вернулась в родной порт в середине ноября того же года, пройдя до мыса Сердце-Камень на Чукотке. Она успешно выполнила все намеченные задачи: доказала возможность и необходимость торговых контактов с народами Камчатки и Чукотки; доставила замечательную этнографическую коллекцию предметов быта и культа аборигенов севера; составила описание восточного побережья Камчатки и Чукотки, вошедшее позднее в различные морские карты и лоцию. В честь организатора экспедиции О. В. Линдгольма капитан Гек назвал описанный им полуостров и его оконечный мыс на полуострове Камчатка в Беринговом море.

В том же году, между прочим, экспедиция клипера «Абрек» назвала пролив, отделяющий Шантарские острова от материка, также в честь именитого купца. А в 1898 году его именем назван был мыс в заливе Петра Великого, нанесенный на карту еще в 1860 году экспедицией В. М. Бабкина. Так его современники высоко оценили его деятельность во благо экономики русского Дальнего Востока. В 1886 году О. В. Линдгольм повторил плавание на «Сибири» на север.

Занимаясь торговлей, строительством и промышленностью, Отто Васильевич постоянно возвращался к мореплаванию. Весной 1886 года Отто Васильевич приобрел для себя одно из конфискованных американских судов — «Элизу» и переименовал его в «Котик». С 1886 по 1893 шхуна работала на промысле и транспортных перевозках, доставляя на промыслы соль, продукты, а также занималась перевозкой грузов местной администрации и морского ведомства.

В 1890 году морское ведомство приняло решение построить во Владивостоке сухой док для ремонта крупных кораблей. Опыта строительства таких доков на Дальнем Востоке не было. После недолгих раздумий решили показать план и условия строительства Отто Васильевичу Линдгольму. Того проект явно заинтересовал, хотя оставались многочисленные сомнения. В конечном счете, контракт все же был подписан с началом работ в 1891 году и завершением их в 1897 году. Все поставки оборудования и рабочие руки обеспечивала «О. В. Линдгольм & К°» тогда как техническое руководство осуществлял главный инженер морского ведомства.

Взяв на себя такую ответственность, Отто Васильевич намерен был выполнить все на высшем уровне. Для начала он отбыл в Англию и прибыл в Лондон того же года. Там он тотчас закупил необходимое оборудование, подписал контракт с производителем на поставку цемента во Владивосток и в Манчестере обратился к главному конструктору пароходного канала с просьбой показать ему работу сухого дока. Такое ознакомление дало ему возможность ясно представить всю грандиозность затеянного, а, главное, понять все этапы работы будущего дока.

На несколько дней раньше него во Владивосток прибыл Цесаревич. А на следующий день состоялась торжественная церемония закладки дока. Цесаревич с помощью Отто Васильевича заложил первый камень фундамента, а военный губернатор П. Ф. Унтербергер произнес короткую речь.

1893 год ознаменовался для Отто Васильевича строительством первоклассного маяка на мысе Поворотном, который часто проходила шхуна «Сибирь». Строительство разных объектов требовало большого количества рабочей силы, так что в сезон он нанимал на свои заводы до 6000 человек.

В 1895 году дно дока уже было готово, и шло возведение стенок; так что до конца сезона оставалось сделать не очень много.

В сентябре 1896 года строительство дока близилось к завершающему этапу. Однако главный инженер отказывался представить счета в морское ведомство на оплату произведенных работ, что противоречило условиям контракта. Общая сумма произведенных работ составляла 450 000 рублей, и О. В. Линдгольм вынужден был неоднократно брать ссуду в банках и продать часть своего имущества, чтобы покрыть расходы. С приходом на пост командира Владивостокского порта контр-адмирала Г. П. Чухнина с большим трудом поэтапно в два года Линдгольм все же получил причитающиеся ему деньги. А в 1897 году состоялась церемония открытия сухого дока Владивостока, первого дока на всем русском Дальнем Востоке. Заметим, что док этот работает и поныне, принимая суда разных размеров в свои объятия. В 1997 году он отмечал свое столетие.

В 1895 году О. В. Линдгольм получает земельный участок в районе 1-й Речки для строительства складов для хранения нефти. На этом месте нефть хранится и сейчас. Ему приходится оперировать огромными средствами для возведение построек. Он стал представителем Чартер-Банка, Лионского Кредита, пользовался кредитом в Русско-Китайском Банке.

В 1896 году Отто Васильевич избран членом Приморского областного статистического управления, в составе четырех человек. В том же году он принял участие во Всероссийской выставке промышленности в Новгороде, на которой он представил орудия морского промысла, макет паровой мукомольной мельницы и модель планируемого первого сухого дока во Владивостоке.

В 1898 году О. В. Линдгольм становится членом Владивостокского попечительского комитета о тюрьмах и почетным смотрителем Владивостокского городского училища — первого профессионального учебного заведения города. Этой чести он удостоился за вложение крупной суммы денег в открытие училища. Чем больше росло его богатство, тем больше он вкладывал денег в развитие образования и промышленности города. По сути он стал нашим местным меценатом, покровителем общей культуры для населения.

В 1905 году дом на Шефнеровской, 7 исчезает из списка принадлежавших ему, поскольку был сожжен и разграблен во время революционных событий, когда хозяина не было в городе. Получив известие об этом, он твердил, что его беспокоит не собственность, а дети: лишь бы они не пострадали. К счастью, их не коснулась рука народного возмездия. Жаль, однако, что со всеми семейными

ценностями в огне погибли деловые бумаги фирмы «О. В. Линдгольм & К°», что затрудняет сегодня работу исследователей.

В июле 1911 года из Англии во Владивосток прибыл купленный Торговым Домом «О. В. Линдгольм & К°» рыболовный траулер. 16 июля на нем был поднят русский флаг. Командный состав и экипаж составили дальневосточные русские моряки. Судно получило имя «Находка» в честь приморского залива, где находилась вилла владельца. Траулер ловил рыбу в заливе Петра Великого, выходя в море на ночь и возвращаясь утром уже с уловом к причалам Владивостока. «Находка» стала первым русским траулером в приморских водах. После него пришли другие. Но то было потом, год спустя.

26 июля 1911 года в газете «Дальний Восток» напечатана была заметка с такими словами: *«С появлением здесь траулера „Находка“ положение местного рыбного рынка резко изменилось к лучшему для обывателей и к худшему — для торговцев-иностранцев. „Находка“ ежедневно в 6 часов утра привозит от 200 до 300 пудов рыбы хорошего качества, которая тут же на пристани быстро раскупается жителями. К чести владельцев „Находки“ надо отнести, что они не гонятся за ценой, продают дешево, и что за 15–20 копеек обыватель получает хорошей, свежей рыбы, тогда как раньше за такую рыбу иностранцы драли в 5–6 раз дороже. Кроме рыбы ловятся ежедневно от 200 до 300 крабов, которые в настоящее время глубоко сидят в воде, а ловля крючками их невозможна. Крабы продаются дешево».*

Умер Отто Линдгольм 16 декабря 1914 года в Рице, куда приехал на лечение.

Имя Отто Васильевича Линдгольма широко известно всем дальневосточникам. Пионер китобойного промысла на Тихом океане, шкипер, промышленник, торговец, владелец первого пароходства, строитель, — он известен и своей щедростью в тех делах, когда этого требовала экономика и культура края. Многие хорошие начинания обязаны ему своей финансовой и моральной поддержкой. Его неутомимость, напористость, трудолюбие и неиссякаемый оптимизм преодолевали все преграды на пути к благородной цели. Этим он и памятен новым поколениям, пришедшим ему на смену.

Е. И. ВОРОБЬЕВА
Морской государственный университет им. Г. И. Невельского

П. З. ПОДГОРБУНСКИЙ — ГЛАСНЫЙ ВЛАДИВОСТОКСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ

Мой прадед по материнской линии Павел Захарович Подгорбунский был гласным Владивостокской Городской Думы с 1903 по 1922 год. Он участвовал в работе почти всех ее комиссий — ревизионной, технической, строительной,

финансовой, земельной, по народному образованию, по призрению бедных. В течение многих лет он был председателем комитета библиотечной комиссии и председателем садовой комиссии, членом учетного комитета Городского Банка. С 1920 года по 1922 год был членом народного собрания, а затем и Земского Собора. В народном Собрании (до Меркулова и после него) состоял в комиссиях личного состава и финансово-экономической. Состоял членом Совета Съезда Несоциалистических организаций Дальнего Востока и членом правления Союза Домовладельцев г. Владивостока.

Краткие биографические сведения о прадеде я нашла в личном листке по учету в фонде БРЭМа (г. Хабаровск). Этот листок он заполнил собственной рукой в 1941 или в 1942 году.

В этом листке он указывает, что родился 5 июня 1867 года в г. Нерчинске Забайкальской области. Православный. Эмигрант. Русский. Образование среднее. Закончил Нерчинское уездное училище. Место настоящей службы — Председатель комитета общества домовладельцев в Сунгарийском городке. Получаемый доход — небольшой доход от дома. Адрес — Харбин, Сунгарийский городок, Севастопольская улица, дом № 204.

В Маньчжурию прибыл в октябре 1922 года из Владивостока. Женат. Есть дети. Иностранный язык — немецкий (не вполне). Под судом не состоял. Политические убеждения — монархист. С 1903 по 1922 год был гласным Владивостокской Городской Думы. С 1941 года — товарищ председателя приморского Землячества в Харбине.

После знакомства с биографией прадеда становится ясно, почему он был вынужден расстаться с Родиной. Он уехал в эмиграцию в конце октября 1922 года с последним пароходом. Скорее всего, это был «Лорестан», зафрахтованный для служащих фирмы «Кунст и Альберс». Еще 16 октября П. З. Подгорбунский принимал участие в работе библиотечной подкомиссии, а 17 октября присутствовал на Заседании Городской Думы в последний раз. В отчетах работы Думы сохранилось его выступление на этом заседании. 19 октября 1922 года было последнее заседание Думы. Прадеда на нем уже не было.

Я по крупицам собирала факты и сведения из биографии прадеда. Расспрашивала родственников, знакомых, кое-что записывала. С годами накопился довольно солидный материал. В 1997 году в трудах ОИАК я обнаружила статью о спелеологии в Приморском крае, где было сказано, что в 1908 году Мокрушинская пещера близ бухты Владимира впервые была обследована и описана Подгорбунским П. З. Я нашла и изучила это описание. Кроме того, я узнала, что после посещения Мокрушинской пещеры прадед подарил музею ОИАК два столоктита. Об этом было написано и в газете за 1908 год.

То, что прадед занимался краеведением, было для меня настоящим открытием. Он был очень образованным человеком. Много читал у него была прекрасная библиотека. Библиотечная комиссия была его детищем. Он неплохо знал немецкий язык. Работал в конторе фирмы «Кунст и Альберс». Бывал несколько раз по делам службы в Европе. Посетил Германию, Францию, Италию, Швейцарию.

Много и плодотворно занимался общественной работой. Занимался устройством садов, скверов, детских площадок. В 1898 году был удостоен звания личного почетного гражданина.

Интерес прадеда к спелеологии и краеведению вдохновил меня на новые поиски. Я поняла, что должны быть в архивах следы деятельности П. З. Подгорбунского.

Я просмотрела все адресные и справочные книги по г. Владивостоку. В ОИАК обнаружила книгу, где была обобщена работа Городской Думы г. Владивостока до 1912 года. Изучив ее, я составила хронологическую последовательность работы гласного Думы П. З. Подгорбунского за 1906–1912 годы. Поиски следов его деятельности продолжила в Архивах Приморского края, в фондах Музея им. Арсеньева, в ОИАК. Подробно изучила фонд Городской Думы. В стенографических отчетах работы Думы сохранились выступления, реплики прадеда. Эти материалы читались, как интереснейший роман. На страницах старых архивных документов оживал образ подлинного патриота своего города, человека, искренне болеющего за бедных. Чувство гордости за прадеда переполняло мое сердце.

Первой серьезной работой П. З. Подгорбунского в Думе было его участие в комиссии по благоустройству улиц. В 1906 году Городская Управа составила сметы на работы «по улучшению улиц Светланской, 1-й Портовой, Афанасьевской, Китайской, исчисляя стоимость работ в 110 104 рубля». При этом Управа предложила, чтобы не удорожать работы по проведению трамвая, канализации и водопровода, «улиц не замащивать, а только подготовить полотно и засыпать его галькой». Дума же единогласно решила, что улицы нужно замостить. «Алеутская улица должна быть покрыта гранитными кубиками на бетонном основании. Китайская должна была стать булыжной мостовой. Светланская — гранитной мостовой. Для Экипажной улицы от Мальцевского оврага до Гайдамакского оврага принять тип двойной булыжной мостовой на песчаной основе».

Для руководства работами была избрана специальная комиссия. По Алеутской улице в нее вошли — Бринер, Масленников, Свидерский. По Экипажной — Подгорбунский, Столяров, Дюков и Чернов.

Очевидно, учитывалось местожительство гласных. П. З. Подгорбунский и М. В. Столяров жили тогда на ул. Японской в Экипажной Слободе.

Комиссия руководила дорожными работами на участке от Мальцевского до Гайдамакского оврага. Тогда же сооружалась и верхняя часть улицы между этими оврагами. Возводилась и укреплялась подпорная стенка. Эта возвышенна часть улицы сохранилась до наших дней.

В этом же году прадед участвует в комиссии по призрению бедных. Комиссия занималась постройкой дешевых квартир в Рабочей Слободе, постройкой холерных бараков, приютом для душевно больных, ассигнованиями на покупку разных предметов быта для дешевых квартир, отоплением, освещением, водоснабжением дешевых квартир, устройством Работного дома, «постройкой навеса для ищущих труда на Семеновском базаре», отводом участка земли под постройку амбулатории и столовой на углу Славянской и Японской улиц, организацией приюта им. Александра III и многими другими делами.

20 сентября 1908 года П. З. Подгорбунский начинает работать в комиссии по библиотеке им. Гоголя. Этим делом он занимался в течение 15 лет до 1922 года. 10 лет (с 22 ноября 1910 года) был председателем библиотечной комиссии. Это было самым любимым его делом. Об этой его работе подробно я написала в записках «Родоведа» № 5.

9 августа 1910 года избирается комиссия в составе 12 гласных для выработки программы празднования 50-летия г. Владивостока. Это — Матвеев, Перлин, Бабинцев, Подгорбунский, Поляновский, Белов, Дюков, Томашевский, Якубовский, Анкудинов, Толмачев, Гедворд.

П. З. Подгорбунский принимает участие во всех юбилейных делах. 2 ноября 1910 года состоялись юбилейные торжества, но П. З. Подгорбунского на них не было. Оказалось, что он был болен. В Архиве сохранилась записка прадеда в Управу, что он не может участвовать в торжествах по болезни. Стало понятно, почему его нет на юбилейных фотографиях.

В марте 1912 года Городская Управа представила Думе доклад об устройстве сада на Алексеевской горе площадью в 2 616 кв. сажен и ассигновании 500 руб. на первоначальную разбивку сада.

Была избрана специальная комиссия в составе: Гедворд, Сызранский, Преображенский, Дюков. Потом П. З. Подгорбунский будет неизменным участником всех составов садовых комиссий и даже ее председателем. Он занимался садами у памятника Г. И. Невельского, на Гайдамаке, на горе в Рабочей Слободе, около Народного Дома, Городским Садом, Жариковским Садом, сохранением лесных посадок на Чуркине у сада Италия и др.

Интересен состав садовой комиссии в 1920 году. Это — М. В. Сибирцева, М. П. Губельман, А. Я. Климов, Павленко, Перес, Сидоров, П. З. Подгорбунский, Кочетков, Иншин. Ради любимого дела прадед шел на компромисс, заботясь о будущем своего города, надеясь на благополучный исход событий.

Красной нитью в выступлениях П. З. Подгорбунского на заседаниях Думы проходит забота о человеке, особенно о беднейших частях населения. В 1912 году он вместе с другими гласными обратился с заявлением прийти на помощь голодающим и ассигновать из городских средств деньги на их нужды. Он заботился об отводе дачного участка под устройство детской колонии на ст. Океанская. Предлагал открыть детскую колонию («дачу-санаторий») для детей бедных горожан, слабых здоровьем и нуждающихся в «свежем воздухе, хорошем питании и морских купаниях». Участок был отведен бесплатно. Были отпущены «лесные и строительные материалы» для оборудования дачи. Он заботится за понижение платы за аренду счетчиков, призывает понизить плату за электричество, а не «драть шкуру с обывателя», ибо *«для бедного населения лишних 3 руб. в год очень много и поэтому брать такую плату не справедливо»*. Он настаивает на том, чтобы дать участок земли в 300 кв. сажен Никольск-Уссурийскому Рождества Богородицы монастырю, на котором настоятельница хочет поставить пекарню, чтобы «изыскивались средства путем продажи хлеба». Он возмущается: *«Биржевому Ведомству сотни тысяч отвели бесплатно, а здесь Духовному ведомству — не дают»*. И добился, что участок отвели.

Во многих его выступлениях высказывался призыв сократить расходы, быть экономными. Например, «на типографские расходы, путем заведения собственной типографии». Или *«по поводу отопления здания Управы я хочу высказать пожелание, чтобы во всем здании было устроено водяное отопление. Пора сменить эти печи. И пожаров не будет и будет экономия. Может быть, в чайном буфете какие-нибудь сокращения сделать. Мы не будем в претензии, если вы не будете давать нам чаю»*.

В апреле 1915 года П. З. Подгорбунский хлопочет о посадке сада около Народного Дома, о детской площадке в Рабочей Слободке. *«Эта часть города населена главным образом бедными и поэтому надо создать уголок, где дети могли бы проводить время. Мы не имеем нравственного права отказать им в этом деле. Поэтому я просил бы ассигновать необходимую сумму»*. Дума выделила на это 700 руб.

Казалось бы, такой простой вопрос, как постройка сторожки в саду Невельского, но и он становится предметом внимания П. З. Подгорбунского: *«Сторож там спать не может. Эта будка построена для продажи цветов, а спать там можно только по диагонали. Едва ли удобно помещать сторожа в такой клетке. Затем устройство отхожего места в саду Невельского тоже крайне необходимо. Скажут, что не хватает средств, но тут есть одна работа, которая даст большую сумму, если ее не производить. Это перестройка здания Управы за 105 000 руб... Является ли теперь необходимой затрата такой суммы в ущерб многим неотложным работам по благоустройству города? Я думаю, что с ремонтом управы можно подождать»*.

Отхожее место в саду Невельского Подгорбунский взялся поставить за 100 рублей вместо запланированных 600 руб. Эти работы садовая комиссия сделала сама. *«Сэкономленные 500 руб. употребить на устройство в Рабочей Слободке перехода через овраг»*.

Заботясь о народном образовании, П. З. Подгорбунский призывает помочь госпоже Салмановой, которая обратилась в Думу. *«Госпожа Салманова действительно нуждается. Она просит заем 500 руб. Мы давали ей помощь на детский сад, а теперь она открыла прогимназию и довела ее до шести классов. Это одно говорит, что она приносит пользу. Помочь ей необходимо»*. Дума выделяет 250 руб. на детский сад и 1000 руб. на прогимназию.

Одобряя необходимость учреждения высших начальных училищ, гласный П. З. Подгорбунский высказывает мысли о ремесленном училище. *«Нужда в этом училище давно назрела. Все ремесла здесь в руках японцев и китайцев. Благодаря этому масса русских денег уходит за границу, не говоря уже о зависимости, в которой мы живем»*.

В октябре 1915 года П. З. Подгорбунский работал в технической комиссии по «замощению» Китайской улицы. Он осуществлял ежедневный контроль за работами на Китайской. *«Замощение производится крайне неудовлетворительно. Делаются большие швы между камнями, заливка производится не так, как следовало бы. Были случаи, когда указывали подрядчику на целые участки, плохо*

замощенные. Просили без членов технической комиссии заливку не производить. Не ручаюсь, что через год, два, Китайская улица придет в крайне неудовлетворительное состояние. Кроме того, я должен подчеркнуть крайне грубое и нетерпимое отношение подрядчика Тогаева. Некоторые объясняют это тем, что он вечно пьян. Мы посвящаем свои досуги, чтобы принести пользу городу, и, казалось бы, нас следовало бы избавить от оскорбления».

Меня очень интересовало, чем занимался прадед в трудные 20-е годы и особенно в последний, 1922 год.

Заседание Городской Думы 10 мая 1920 года. Власть в руках Временного Коалиционного Правления (Приморская областная Земская управа). Председатель Думы: Н. И. Кабцан. Состав гласных очень пестрый. Среди гласных: Гарфинкель, Подгорбунский, Дайлидко, Лякер, П. М. Никифоров, Е. К. Ковальчук, Н. Меркулов, М. И. Губельман, В. Г. Антонов, Кушнарев, М. В. Сибирцева, И. П. Сидоров, Попеляев и многие другие. Всего 101 гласный в составе Приморской областной Земской Управы: меньшевики, эсеры, большевики. Среди них и П. З. Подгорбунский, и он опять не молчит. Он активен. Он обращает внимание Управы на захват городских ценных участков на Соборной Площади и в дачных районах, указывая, что к захватчикам нужно применить самые крайние меры. Что же касается захватчиков на окраинах города, которые захватили участки в связи с квартирным острым кризисом для собственного жилья, то в отношении их необходимо стать на путь «разумного соглашения».

Когда же обсуждался вопрос о введении карточной системы, гласный Подгорбунский позволил себе высказаться, что *«вводить ограничения в продовольственном вопросе не следует, а напротив Городскому продовольственному отделу необходимо расширить свою деятельность, чтобы продуктов хватало для всего населения и тогда вопрос о распределении продуктов по карточкам в разных размерах отпадет».* П. З. Подгорбунский не соглашается с Губельманом, когда тот говорит о причинах, почему рабочие должны быть выделены в особую группу и должны получать продовольствие по особым карточкам. Проходит предложение Губельмана:

«В целях справедливого распределения продуктов ввести продовольственные карточки 3-х видов:

1. *Общегражданские — все граждане, взятые на учет городским продовольственным отделом.*
2. *Трудовые — для членов профсоюзов. В двойном размере.*
3. *Детские.*

Если у комиссии продуктов будет мало, то выдавать только по детским и трудовым карточкам».

На одном из заседаний П. З. Подгорбунский предлагал в спешном порядке организовать «специальную финансовую комиссию для изыскания источников, дохода, сокращения расходов и вообще для упорядочивания финансового положения городского самоуправления». Но это предложение снимается коммунистом Антоновым. В другой раз П. З. Подгорбунский возмущается тем, что среди комиссий не оказалось комиссии о пользах и нуждах и комиссии общественного призрения.

По инициативе П. З. Подгорбунского в сентябре 1921 года Городская Дума рассматривала вопрос о выделении г. Владивостока в самостоятельную Областную Земскую Единицу, об оказании помощи беженцам, голодающим, об организации при Управе Закупочно-распределительного отдела. Он призывает не делать коренной ломки в существующем составе выборных лиц.

Сохранились стенографические отчеты о заседаниях Городской Думы за 1922 год, самый трудный год в жизни города. Сложная политическая обстановка, перебои со снабжением, проблемы беженцев. Подгорбунский активен. Он участвует в заседаниях Думы и Народного Собрания. Спорит, доказывает, требует, добивается, настаивает. Он не думает еще о том, что ему придется город покинуть. Он старается найти выход из тяжелого положения.

К октябрю 1922 года во Владивостоке скопилось много грузов, которые состояли в основном из взрывчатых веществ. Японцы хотели, чтобы Городское Самоуправление взяло эти грузы под охрану. Гласные настаивают грузы не принимать. 17 октября 1922 года П. З. Подгорбунский выступил на заседании Думы в последний раз. Он тоже говорил о грузах. *«Конечно, в эту грустную, опасную историю нельзя вмешиваться. Японцы уничтожили вооружение. Может быть они не остановятся перед тем, чтобы уничтожить и укрепления. Мне передавали, что японцы ездили на форты на извозчике и забыли на нем взрывчатые вещества. Извозчик вернулся домой, а японцы послали его разыскивать и в конце концов нашли. Это показывает, что они что-то замышляют. Я полагаю, что ни городу ни правителю не следует принимать грузы, а полагаю, что Городской Думе следует составить такое заявление (читает заявление). Пусть они сами позаботятся принять, пока не поздно».*

Последнее заседание Думы состоялось 19 октября 1922 года. Оно было прервано неожиданным появлением отряда белых, который приблизился к председателю. Произошло общее замешательство. Заседание Городской Думы было объявлено закрытым. В этот день красные были уже на ст. Угольная, а затем на ст. Океанская. На этом заседании прадед не присутствовал. Когда именно он покинул город, я не знаю. Так закончилась почти двадцатилетняя работа прадеда во Владивостокской Городской Думе. О подробностях его жизни и работы в эмиграции — это уже другой рассказ. В эмиграции, в Харбине, П. З. Подгорбунский прожил почти 20 лет. Он умер в августе 1943 года и похоронен на Новом кладбище Харбина, в конце Большого проспекта. Теперь на месте этого кладбища Парк отдыха.

Научное издание

Арсеньевские чтения
Материалы региональной
научно-практической конференции,
посвящённой 130-летию
со дня рождения В. К. Арсеньева

Редактор С. П. Москвитина
Корректор Н. А. Павлова
Верстка К. С. Тузиков

Подписано в печать 15.07.2002.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 16, уч.-изд. л. 15,3.
Тираж 300 экз. Заказ 207.

© Приморский государственный объединенный
музей имени В. К. Арсеньева.

Издательство Дальневосточного университета.
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27.

Отпечатано в типографии «Эмпайр-принт»,
г. Владивосток, ул. Вс. Сибирцева, 15, тел. 266-998.